Алмаз темной крови. Песни Драконов

Алмаз темной крови - 2

Лис Арден

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

«Клетки вообще не имеют привычки исчезать, их можно только сломать… Причем изнутри это сделать легче, — уверенно сказал Гарм».

Что ожидает мир, если единственные оставшиеся из прежних богов — братья-близнецы, один из которых отказался от участия во всех делах этого мира, кроме увеселений, а второй одержим желанием выйти за его пределы, даже если это грозит гибелью всему живому? Что ожидает мир, если те, кого считали воплощенным достоинством и честью, убивают подло и хладнокровно? И что происходит там, где погибает Мастер — Истинный Дракон, строитель Врат-Между-Мирами? Вопросы, вопросы…

- Лис-Арден
  - Часть первая
    - Пролог. Хроники дома Эркина
    - Глава первая. Золотые тавлеи
    - Глава вторая. Сыновья
    - Глава третья. Танцовщицы Нимы
    - Глава четвертая. Ледяная птица
    - Глава пятая. Дорога тысячи путей
    - Хроники дома Эркина
    - Глава шестая. Лесные тропы
    - Глава седьмая. Должник Арчеша Мираваля
  - Часть вторая
    - Песнь Первого Полета
    - Глава первая. Пепелище
    - Глава вторая. Пустыня
    - Глава третья. Проклятые Земли
    - Песнь Открывающих Врата
    - Глава третья. Проклятые Земли (продолжение)
    - Глава четвертая. Попытка
    - Глава пятая. Пьющий Песок
    - Песнь Мастера
    - Глава шестая. Хозяйка Арр-Мурра
    - Глава седьмая. Игра
    - Эпилог

Лис-Арден
Алмаз темной крови. Песни Драконов

Часть первая

Пролог. Хроники дома Эркина

Ночная дорога и поспешное решение очень похожи друг на друга. Красиво, опасно и может завести черт знает куда.

Эркин, старший сын Снорри, орка из Лесных Хоромин, шел быстро и бесшумно — по-другому не умел, но при этом время от времени принимался довольно громко и обиженно сопеть носом. Ему бы себя со стороны увидеть — ну ни дать, ни взять младший братишка-трехлетка, у которого старшие дружки игрушку отняли… может, одумался бы, устыдился, да и повернул бы домой. Но подобное оскорбительное сравнение четырнадцатилетнему Эркину и в голову не приходило, и он шел себе и шел.

По сторонам белой песчаной дороги темнел молодой сосновый лес. Идти было легко, после недавнего дождя песок был влажен и не давился ногами идущего, норовя втянуть их по самые щиколотки. Пахло мокрой хвоей, влажными смоляными стволами сосенок, на опушке поднимающихся немногим выше орочьего роста, свежим холодом майской ночи. Глотнешь такого воздуха — и враз взбодришься, позабудешь про все свои печали, а потом полезут в голову всякие шальные мысли… Мальчишка миновал поляну с тремя причудливо сросшимися соснами, где с незапамятных (для Эркина) времен уцелели остатки землянки. Когда-то она приютила то ли отшельника, то ли колдуна, про которого рассказывали истории либо восхитительно леденящие кровь, либо возмутительно трогательные — в первых он превращался в медведя, пожиравшего заблудившихся детишек, во вторых спасал медведя, попавшего в капкан и благодарный зверь так и ходил за благодетелем на манер кроткой овечки. Эркин ни за что не признался бы себе в этом, но проходя Медвежью Домушку, он невольно ускорил шаг. Дорога уводила его дальше в лес, смутно белея меж стволами сосен, рослых и стройных; если взобраться на верхушку, так можно на длинные зеленые иглы нанизывать серебряный звездный бисер, щедро рассыпанный по небу.

Эркин свернул на хорошо знакомую тропку; идти было недалеко. Вскоре он спускался к одному из здешних лесных озер, которое любил больше всех и где не так давно соорудил себе тайное убежище. Небольшую песчаную нору-пещерку, входом в которую служили огромные корни старой сосны. Там Эркин хранил оружие — свое самодельное и сломанное отцовское, запас сухарей и вяленых яблок, изрядный кусок войлока на случай холодов. И там он отсиживался, если хотел побыть один или

выжидал время, пока утихнет отцовский гнев, вызванный очередной его шалостью.

В пещерке было холодно, но Эркин неженкой не был; мальчишка ловко забрался внутрь, почувствовав на лице едва ощутимый отзвук нашептанных им самим охранных слов. В этом он тоже никому бы не признался, в его роду ворожба была чем-то предосудительным, излишним, вроде шелковых подштанников. Это еще девице простительно женихов приманивать или бабке знахарством промышлять; отец, не любивший пустословия и досужих россказней, истории о колдунах не жаловал, а из всех видов магии признавал только священнодействия своей хозяйки в кухне. Но Эркину было как-то спокойнее, когда он, уходя, чертил пальцем по песку ломаные линии и тихо наговаривал по наитию обретенные слова. Так, ничего особенного… просил место признать его за хозяина и чужому не открываться. Наговор, бывший наполовину игрой, с оглядкой и внутренней усмешкой, наполовину искренним ритуалом, как ни странно, удался.

Усевшись на войлок, Эркин поплотнее запахнул полы куртки, засунул ладони под мышки, уперся подбородком в грудь и начал обижаться. Обида поспешала на тонких дрожащих ножках рядом с ним всю дорогу от дома до пещерки, а теперь, воспользовавшись его молчаливым приглашением, забралась Эркину на плечо и принялась торопливо и горячо что-то нашептывать, будто масло из слов сбивала. А мальчишка только носом посапывал.

— … Уж не маленький, это верно. Уж говорил бы сразу, что неуч и невежа, с оружием управляться не умеешь, а в засаде как есть сразу чихать начнешь… или еще что похуже! А то — маленький! Ишь… А ты так ждал этой охоты, так ждал — первой охоты на крыс, на которую сородичи пригласили. Для любого лесного орка такое приглашение высокая честь. Обычно охотники сами управляются так, что любо-дорого (хоть и платят за это своими жизнями), а тут на помощь родичей позвали — видать, дело-то нешуточное… Вот и взяли бы его, он бы этим тварям показал, Эркин же ясно слышал, как приезжий гость сказал отцу — бери с собой, кого сочтешь нужным, охота будет большая, всем дела хватит. И подмигнул ему, Эркину. А отец как ножом отрезал — мал, говорит еще, нос не дорос с крысами воевать.

Эркин, вспомнив эти слова, засопел еще громче. А обидушка, только того и дожидаясь, залопотала еще быстрее и горячее.

— Конечно, если какая животина бестолковая, вроде любимой материной коровы, в лес забредет, так ее Эркина отыскивать посылают, для этого, небось, не мал. И сотню чурбанов сосновых переколоть тоже можно Эркина отрядить. А тут на тебе — нос не дорос… спрашивается, где справедливость?

Мальчишка скрипнул зубами, больно прикусив клыком нижнюю губу. Он сидел неподвижно, уставившись перед собой, стараясь удержать горячие, обидные слезы. Там, снаружи, тихо вздыхало спящее озеро, шуршали шаги осторожных ночных животных. Эркин удрал из дому, когда все улеглись спать, притворившись, будто прихватило живот. Он не очень хорошо понимал, зачем это делает — ну, просидит он ночь в лесу, ну, хватятся его утром… только отец вряд ли оценит этакий подвиг. Но другого способа выразить свое негодование в глупую мальчишечью голову как-то не пришло, и Эркин, старший сын орка Снорри, что из Сосновых Хоромин, повинуясь ударившей в ноги дури, направился в лес. В глубине души (мальчишке казалось, что это место — где-то в животе, по крайней мере, сейчас ныло именно там) он понимал, что поступок его суть осуществленная угроза трехлетнего брата. Тот однажды выпалил: «Вот уйду в лес ночью, меня там волки съедят, небось после этого не будете мне пирога жалеть!»

Он просидел так почти час, слушая сбивчивое лопотание обиды и буравя взглядом темноту. Поскольку обида повторяла одно и то же, ее речи вскоре перестали цеплять Эркина за живое, стали утомительны и неинтересны…а потом и вовсе потянули в сон. Орк свернулся на войлочной подстилке, подложив под щеку локоть, и как только закрыл глаза, тут же и уснул.

Как ему показалось, спал он чуть ли не минуту — ну, самое большее, пять. А потом проснулся от ощущения, будто кто встряхнул его хорошенько за шиворот; Эркин резко вскочил, не сообразив спросонья, где находится, стукнулся головой о низкий земляной свод пещерки, плюхнулся наземь и принялся протирать глаза, отряхиваться от осыпавшегося песка и соображать, что к чему. Проснувшись окончательно, он выглянул наружу — над озером клубились предрассветные сумерки, небо серело. Поежившись от утреннего холодка, заползшего за шиворот, Эркин рассудил, что дома, пожалуй, его вряд ли хватились, так что еще есть время вернуться и попытаться уговорить отца разрешить ему ну хотя бы начистить оружие гостю-охотнику… Орк выбрался из укрытия, смущенно оглянувшись, повторил давешний наговор, торопливо спустился к озеру — плеснуть в лицо пару пригоршней холодной воды и почти бегом поспешил прочь из лесу.

Утренняя дорога и поспешное решение очень похожи друг на друга. Все ясно-понятно, можно больше не медлить… иди вперед, и будь, что будет. Белая песчаная дорога вела орка на опушку леса, откуда было рукой подать до дома. Уже проходя Медвежью Домушку Эркин почуял запах гари. Он озадаченно покрутил носом — на лесной пожар не похоже, чересчур едко и как-то…

незнакомо, что ли. Эркин никогда прежде не слышал подобного запаха. Ветер уносил запах прочь от орка, но тот все же забеспокоился и прибавил шагу. Поворот, еще поворот… сосенки уменьшились в росте, будто весь древесный молодняк выбежал из лесу побегать на лужайке. Увидев над колючими верхушками серое облако дыма, Эркин побежал к дому.

У Снорри из Сосновых Хоромин был славный дом. Крепкие стены, сложенные из сосновых бревен… когда солнце заглядывало в слюдяные окна, они казались золотыми. Лавки, крытые мехами. Сложенный из камня большой камин. Шерстяные полосатые половики. На широком столе — запотевшая крынка с молоком, свежий хлеб, нарезанный толстыми ломтями, сморщенные и сладкие зимние яблоки.

Эркин стоял возле огромной ямы, по краям которой дымились жалкие остатки разбитых в щепу бревен, присыпанные землей. Здесь еще вчера был его дом. Теперь — только дым и пепел. Мальчишка, не понимая и не принимая произошедшего, растерянно оглядывался в поисках того, кто сотворил такое. Но каким же должен быть кулак, чтобы разбить одним ударом крепкий дом, разметать его, как сноп соломы… и каким должен быть огонь, в мгновение ока испепеливший дом и всех его обитателей… Эркин глянул вниз и стал спускаться.

На дне ямы, похожей на воронку, присыпанный землей, лежал камень. Небольшой, всего-то с девчачий кулачок, не более, но было в нем что-то недоброе, чужое… будто круги по потревоженной воде, от него расходились волны слепой, нерассуждающей силы. Он внушал не ужас, а какой-то благоговейный страх, как если бы был осколком солнца…

Орк соображал все еще туго — слишком сильным оказалось потрясение, а от резкого, рвущего ноздри запаха все плыло перед глазами; но если мысли и отказывались виться с привычной быстротой, то чувства оказались попроворнее. Эркин стоял, меряя камень взглядом, ощущая, как сознание заполняет безысходный, беспросветный гнев.

— Убийца!.. — прошипел мальчишка, дрожа все телом и — в этом он ни за что бы не признался — плача. Слезы текли по зеленоватой орочьей коже, смешиваясь с висящей в воздухе бурой пылью… Эркин, презрев накатывающий волнами невыносимый жар, пинал камень, то забивая его каблуком в пережженную землю, то подбрасывая носком сапога вверх. Наконец он отдышался, сплюнул горькую, вязкую слюну и погрозил камню кулаком.

— Что вытаращился? Не про тебя ясный свет… душегуб. Я тебя тут и закопаю, — посулил мальчишка и повернулся, чтобы

вылезти из ямы и найти какой ни на есть обломок доски, и засыпать камень пережженной землей — понадежнее, чтобы забить этот невыносимый запах горящей полыни, погасить едкое тление, уничтожившее всю его прежнюю жизнь.

— Пощади… — голос, не старый и не молодой, не мужской и не женский, не человечий и не звериный, не эльфий и не орчатский, остановил Эркина. Он вздрогнул, оглянулся — никого… орк тряхнул головой и полез вверх.

— Пощади… — от неожиданности Эркин съехал вниз прямо на животе, и остановился. Наклонился и неожиданно для себя самого взял камень в руки, вглядываясь в темную ледяную глубину, словно надеясь разглядеть заточенного духа, подавшего голос.

— Это… ты?.. — Эркин не знал, как обращаться к камню. Первое удивление улеглось, уступив место прежней решимости; по правде говоря, ему было не очень и интересно, с чего это камень заговорил с ним и что он там болтает. Засыпать его, и дело с концом.

— Не надо, прошу… — камень словно прочитал мысли орка, и мальчишке показалось, что он задрожал — Пощади, не губи меня…

— Ты убил всех моих родных. — Спокойно, даже как-то буднично ответил Эркин. — Теперь я убью тебя. Ну, по крайней мере закопаю…

— Я не желал смерти твоим родным.

— Желал — не желал… все едино. Жизнь за жизнь.

— Да будет так. — Камень дрогнул. — Возьми.

— Чего? — способность удивляться не покинула Эркина. — Это ты о чем?

— Возьми мою жизнь. Это единственное, чем я распоряжаюсь сам… — казалось, камень вздохнул, — Я отдаю ее тебе всю. Навсегда. Тебе и твоему роду.

— Зачем ты мне? — и все же Эркин поневоле наклонил лицо, всматриваясь в сердцевинку камня, черный, прозрачный лед.

— Я обещаю служить твоему роду, твоей крови… Эркин. Дам силы выжить там, где погибнет даже надежда. Сохраню твой род, даже если придется поспорить со смертью. Я буду служить тебе и твоим потомкам. И вся моя сила… — внезапно камень потеплел и его темная глубина полыхнула золотым драконьим огнем. Эркин вгляделся и увидел такое… в прозрачной темноте вились языки пламени, сплетаясь в узлы, закручиваясь в спирали, выстраиваясь в невероятные узоры… там, в покоящейся на его грязной ладони вечности, рождались и гибли звезды, резвились, бурлили потоки силы, способные творить миры, сотни солнц осыпались как

светлячки с куста, потревоженного неосторожной рукой. Он видел, как свет выплескивается из камня, обливает его ладонь, охватывает пальцы — и капает с них, тяжелыми, гулкими каплями. Мальчишка сопнул носом, вытер слезящиеся глаза рукавом.

— Мне так много не надо. Не справлюсь я.

— Справишься… хозяин. — И камень погас.

Спустя месяц Эркин, которого забрали к себе родичи, раздал собратьям двадцать три черных, прозрачных камня, ограненных просто и строго. Хватило как раз на всех старейшин, приглашенных ради такого случая в одно из самых больших поселений близ Края Света. Эркину не пришлось самому раскалывать самородок, камень, угадав мысли мальчика, послушно распался на двадцать четыре продолговатых дольки, как головка чеснока. Не долго думая, Эркин решил отметить камешки рунами, чтобы они хоть чем-то отличались друг от друга. И опять камень послушался его — очертания рун сами проявлялись на гладкой поверхности, словно неведомый резец выводил их четко и уверенно. Двадцать четыре руны… столько же камней. Самый первый, отмеченный огненной Феху, руной первозданного пламени, порождающего и пожирающего миры, Эркин оставил себе. Жизнь за жизнь.

Глава первая. Золотые тавлеи

— Ты и впрямь думаешь, что он успокоился? — этот вопрос не застал ее врасплох; она и сама об этом думала.

— А что ему еще остается? — она невесело усмехнулась, отводя за ухо прядь светлых волос. — Благо нам с тобой, созидающим и неизменным. Я и с одним живым цветком буду счастлива, ты, брат мой, привык охранять границы того, что уже создано. А ему? Что ему здесь делать?

Тишину сада нарушал только плеск воды, стекавшей из расселины в скале по разноцветным камням на каменное ложе ручья. Женщина зачерпнула полную горсть воды и обрызгала куст огненных лилий; в ответ на это растение вздрогнуло, поежилось, стряхивая с листьев холодные капли, и немного пригасило темно-рыжее пламя, вырывавшееся из раскрывшихся соцветий. Этот цветочный огонь, смешиваясь со светом уходящего дня, зажег золотые искры в волосах женщины; она повернулась, заглядывая в лицо собеседнику. Они были настолько похожи, что никто не усомнился бы в том, что это брат и сестра; родство крови выдавали и схожие черты лица, и светлые, закручивающиеся в спирали волосы, и неторопливое изящество движений.

И тут, словно в ответ на ее вопрос, так и повисший в воздухе, раздались радостные, прямо-таки ликующие мальчишечьи голоса.

— Мама! Мама! Ты только посмотри, что отец нашел!

Их дом стоял на самом краю пропасти. Широкие угольно-черные ступени обрывались в воздухе, уходили прямо в бездну, а там, далеко-далеко внизу, ярились океанские волны. Гарм любил прыгать туда — лететь, хохоча, со свистом в ушах, пушечным ядром взорвать жидкое холодное стекло, разбив его на мириады соленых осколков… и наплаваться всласть, ныряя до самого дна, закручивая руками воющие водовороты, выплескивая волну до самого солнца. Потом он, легко оттолкнувшись босыми ногами от океанской пены, взлетал в воздух, поворачиваясь вокруг себя — сначала медленно, потом все быстрее и быстрее, пока мокрые светлые волосы не взлетали щупальцами разъяренной медузы над его головой. Сделав несколько виртуозно-легких сальто и малость пообсохнув, Гарм взлетал по ступеням на террасу, входил в дом и принимался звать брата. Тот прибегал откуда-то сверху, запыхавшись, с вечным орлиным пером за ухом.

— Держи! — и Гарм протягивал руку, раскрывая доселе крепко сжатые пальцы. В ладони его оказывался то обломок коралла, похожий на когтистую лапу чудища, то кособокая, неправильная жемчужина, потешно отражавшая лица братьев, то

раковина, из которой выглядывал рак-отшельник, бранившийся такими словами, что мальчишки помирали со смеху.

Это неправда, что боги любят уют и покой, селятся в тихих обителях где-нибудь на опушке леса, у светлого родника, и ласточки вьют гнезда под крышей их дома. Боги возводят свои дома на острых, клыкастых скалах, обрывающихся в неоглядную пропасть, и поднимают их так высоко, что тучи цепляются и рвутся в лохмотья о шпили башен. Сами стены обители богов кажутся плотью от плоти вековых каменных костей земли; не из тесаного камня, паче кирпича возведены они, но будто вырастают из глубинных недр несущей их тверди, великолепные и несокрушимые. Врата, обращенные на юг, выкованы из жаркого золота и узор на них никогда не пребывает в неподвижности, а между его петлями мелькают юркие саламандры. Из холодного серебра скованы врата, ведущие к северу, хрупкие морозные веточки вырезаны на них и даже летом поблескивает иней. А западные врата ведут в небо, на дорогу птиц и ветров, и створы не закрывают их проем… только гулкое эхо, отталкиваясь от каменных сводов, кувыркается в воздухе. Восточные же врата закрыты. Закрыты, замкнуты, запечатаны; охранные заклятия, принявшие со временем зримую форму замков и засовов, проросли в самую плоть камня, будто корни, вцепились друг в друга крепко-накрепко. Когда-то боги пришли с той стороны неба, откуда начинает свой путь солнце, и не было для них надежды на возвращение.

Сотни просторных, величавых покоев открываются один за другим в доме богов; молодые, еще не вошедшие в силу звезды освещают их. Теплый камень, сухой песок, влажная трава встречают неспешные шаги хозяев; в стенных нишах стоят изваяния дивных существ, держащие в лапах хрустальные фиалы, в которых плещется забродивший сок заката. Огромные залы порой оборачиваются озерами — недвижная водная гладь простирается сразу за порогом, и только изредка залетает сюда особо отважный эллил, сорвать роскошный, благоухающий цветок лотоса для подруги. Много удивительного, страшного и непонятного для смертного взора таится за порогом этих покоев… да только заказан путь в дом богов для слабого человека, покорного смерти и тлению.

Мальчишки мчались наперегонки, сломя голову, так что ветер свистел в ушах; один — высокий, гибкий, черноволосый, другой — чуть пониже, светловолосый и угловатый. Оба были одеты в тонкие белые рубахи, даже не перехваченные поясом, видимо, для большей свободы, и такие же штаны, чуть пониже колен, только у светловолосого на шее висело нелепое ожерелье

— нанизанные неровно крупные красные ягоды. За ними шел мужчина, кажущийся еще более высоким из-за худобы, заметно прихрамывающий на правую ногу; у него были короткие темные волосы, торчавшие иглами во все стороны, резкие и ассиметричные черты лица — правая бровь заметно выше левой, правый же угол рта оттянут книзу белесым шрамом.

— Гарм! Фенри! — их мать обернулась, протягивая руки навстречу сыновьям. Они с разбегу налетели на нее, как пара смерчей, и принялись обнимать, толкаясь и наступая друг другу на ноги. — Что такое стряслось, что вы голосите как стая потревоженных павлинов? Сурт? — и она вопросительно заглянула в ртутно-зеркальные, светлые глаза подошедшего мужчины. Но он только улыбнулся торжествующе, пряча находку за спиной.

— Погоди-ка… — и Нима подцепила пальцем ожерелье, болтавшееся на шее Гарма. — Это что такое?

— Мам, смотри! — и ее сын сорвал одну из ягод, сунул ее в рот, разжевал и… через несколько секунд его кожа приобрела жутковатый фиолетовый цвет и покрылась черными разводами. — Здорово, правда? И главное, каждый раз другой цвет!

— Гарм! Эти ягоды ядовиты! — Нима всплеснула руками. — И ты об этом знаешь не хуже меня…

— Пустяки, мам… Ну подумаешь, живот поболит. Чепуха какая. Зато как страшно… Уууу!… — и он скорчил зверскую гримасу.

Но мать не оценила его изобретательности и насильно вернула нормальный облик, напоив наговоренной водой из ручья.

— А теперь, когда моему брату вернули достойный вид, хотя ему куда больше пристало шутовское обличие, я расскажу как все было! — торжественно заявил черноволосый Фенри, важно усаживаясь на траву у ног матери.

— Нет, я! Я старший! — белоголовый Гарм оглянулся на отца. — Отец, можно?

— Ну да, старший, как же! На пять минут ты меня старше! Это не считается! — в знак протеста Фенри толкнул брата, тот не преминул ответить тем же и через несколько секунд на траве у ног Нимы кипела замечательная драка.

— Дети мои, остыньте!.. — Сурт довольно засмеялся. — Я пока и сам не утратил дара речи, а о такой находке хочется рассказать самому. Нима, Нум!.. смотрите…

В его руках оказалась вырезанная из дерева чаша с изогнутыми краями, гладко отполированная, излучающая слабое сияние. Сурт слегка встряхнул ее, и послышался тихий звон и сияние стало сильнее. Руки держащего чашу бога окутало золотое

облако.

— Золотые тавлеи… — еле слышно выдохнула Нима.

Ее брат, Нум, протянул было руку, прикоснуться к находке, но отвел ее, будто золотое сияние обжигало хранителя границ.

— Где ты нашел их? — и он внимательно посмотрел на Сурта.

— Там, где кроме меня не бывает никто. В пустыне. Пытался выстроить подземные колодцы в цепочку, чтобы хоть кто-то из Кратко Живущих мог одолеть эти пески. Там и нашел.

— Что ты собираешься делать с ними? — любопытство загорелось в глазах Нимы.

— Как что? Играть!.. — и Сурт сел на траву, рядом с сыновьями. К этому времени мальчишки прекратили выяснять, кто из них старше и внимательно прислушивались к беседе. Он вынул из чаши свернутый плат, встряхнул его, разворачивая, и расстелил перед собой. Полотно было белым, тонким, свежим, но несмотря на это почему-то казалось очень старым. Возможно, из-за богатой вышивки, из-за которой почти не было видно самого полотна — ее нити не то, чтобы потускнели или обветшали, как раз напротив — они впитали в себя само время, стали темнее и почти срослись с тканью основы. Игровой плат был круглым; в центре его был закреплен небольшой золотой кружок, вроде монетки, на которой ничего не успели вычеканить. Расходясь от нее плавными извивами, на плате расцветал первый, самый меньший цветок — вышитый оранжевым, апельсиново-ярким золотом. Он словно лежал на втором, большем цветке, вышитом червонно-красным золотом; самый же большой цветок, извивающиеся лепестки которого касались кромки плата, был соткан из нитей черного золота, матового, зажигающего редкие искры в сплетении узлов.

— Смотрите… — Сурт обращался к сыновьям. — Белый игральный плат, вышит искусной рукою. Черный цветок распустил лепестки, красный раскрылся следом. Огненно-солнечный цвет самый меньший и младший. В центре — вожделенное золото цели, воплощенье желания.

Фенри молча прикоснулся к плату ласкающим движением, а Гарм спросил:

— Отец, как этим играют?

— Не спеши, в свое время все узнаешь. Смотри… — и Сурт потряс деревянной чашей — там игровые фигуры и кости, которыми случай отмеряет число ходов на плате.

Не глядя, он запустил руку в чашу и вынул из нее мешочек из такого же белого полотна, затянутого витым шнуром; развязав узел, Сурт достал пару игральных костей, легких и весьма

затертых — они немало послужили в свое время.

— Сколько в чаше фигурок — не знает никто. Их столько, сколько потребно для той партии, что разыгрывается здесь и сейчас. Хоть две, хоть полсотни. Запомните, играть на будущее могут только боги — двое, уж никак не меньше. Разыграть прошлое, чтобы вновь пережить уже забытое, или прояснить что-то, оставшееся за гранью внимания, можно и в одиночку. Но чтобы предопределить, предыграть судьбу — нужен противник. Сам с собой не сразишься. Я прав, Нум?

Брат Нимы усмехнулся и кивнул. Вот уже несчетное число лет сестрин муж почти что умолял его возобновить их давние игры с оружием, боевые состязания в силе и умении; он отказывал Сурту, имея на то веские причины, о которых предпочитал не говорить и не вспоминать.

Войско восставших вливалось в Срединную Крепость, подобно потоку раскаленной лавы, сметая на своем пути все живое. Оставив за плечами Зеркальные Врата, стальные створы которых, до блеска отполированные стертыми в кровь ладонями цвергов, отражали каждый нанесенный по ним удар, возвращая его назад с удвоенной силой. Нападавшие оставили у них значительную часть войска, и если бы не остервенелый натиск альвов, возможно, и посейчас бились бы там, стоя на телах своих соратников. Те из светлых духов, кто вступили вслед за Восставшими Богами на стезю разрушения, оказались неудержимы и отчаянны в бою; неудачи только ожесточали их, полученные раны исторгали из перекошенных, пересохших ртов злобное шипение или гневный рык, и там, где уставали или отступали сами боги, альвы стояли насмерть. Перед их отчаянием не устояли и Зеркальные Врата, разбившись вдребезги и еще раз доказав миру, что не бывает несокрушимых врат. И, ворвавшись первыми в крепость, альвы не умерили своего натиска, не повернули перед дождем стрел, коими осыпали их осажденные; доспех альва легок и прочен, закаленный небесной росой, прокаленный рассветными лучами, ничьи стрелы не страшны ему. Кроме стрел самих же альвов — закаленных росой сумерек, прокаленных расплавом заката. И они, сломившие самую мощную линию обороны Срединной Крепости, падали как спелые колосья под серпом жнеца, ибо их сокровники-лучники, державшие вторую линию, жалости не ведали и били метко.

У четырех дверей, ведущих со внутреннего двора в сердце крепости, Рассветную Башню, стояли боги-хранители. Двери за их спинами были заперты, вопреки всем обычаям — обычно они были настежь открыты, а их стражи стояли, опираясь на тяжелые щиты, и солнце играло на лезвиях ритуальных алебард. Уступать, однако, не собирался никто. Первые из напавших отлетели, не

удержав тяжелых, размашистых ударов стражников. Но вот одному из них удалось перерубить одну из алебард — ценой жизни своего клинка… и своей собственной. Его место тут же занял другой, отличавшийся от прочих, как боевое острозубое копье от тупого турнирного трезубца. На голову выше всех, двигающийся неторопливо и скупо, прячущий лицо за личиной шлема — холодной, ничего не выражающей, абсолютно бесстрастной. Он сражался двумя мечами, доверив им и нападение, и защиту. Защитник, отбросив обломок алебарды, с тяжким подсердечным стоном достал из ножен меч и поднял щит. Нападавший с неожиданной церемонностью вскинул правую руку в приветствии и атаковал. Первые его удары хранитель крепости отражал четко и продуманно, будто знал, куда будет бить его противник, не обманываясь ложными замахами и не позволяя выманить себя от дверей. Однако через несколько минут удача изменила ему; нападавший, не останавливаясь и не обращая внимания на стрелы, клевавшие ртутно-серый доспех, прижал защитника к дверям, вынудив его к глухой обороне, не давая ни единого шанса перейти в наступление. На бога-хранителя, лопатками вжавшегося в дверь, обрушились удары обоих мечей, к ним нападавший добавил всю свою нещуточную ярость. От такого удара застонали, задрожали и обрушились створы; оба сражавшихся оказались на зеленой траве окружавшего крепость сада, десяток шагов — и перед нападавшим окажутся белые ступени, ведущие в башню. На несколько ударов сердца его отвлек совсем молодой еще виверн, не успевший догнать в росте лошадь; меч восставшего рассек его зелено-золотые глаза. Защитник тем временем успел подняться; вновь скрестились их мечи. За ними, в открытые двери, врывались все новые и новые воины. На зеленой траве пламенели светло-пурпурные брызги, воздух стонал от свиста грифоньих крыльев, дробился от рева вивернов, трещал, разрываемый тяжелыми лезвиями топоров и мечей. В трепещущие яростью ноздри сражающихся едкой, кислотной свежестью вливался запах озона — его источала щедро проливаемая кровь альвов; иногда его перебивал тяжелый, полынный дурман крови богов.

И в тот миг, когда хранителю стало безнадежно ясно, что такого натиска ему не удержать, когда его обессилевшая рука выронила щит, а меч мог только скользить по доспеху противника, — покрывая шум битвы, прорываясь сквозь раскаленный воздух, откуда-то сверху разрывающим сердце отчаянием прозвенел крик:

— Сурт! Пощади!

Эта мольба о пощаде, невозможная и неуместная, буквально отшвырнула Сурта от поверженного. Тот же, оглушенный,

способный разве что дышать, все же смог перевернуться набок, сжимая рукоять клинка и пытаясь приподняться.

Между тем воин в серых доспехах, позабыв на время об обессиленном противнике, развернулся к новым врагам. Даже у богов бывают верные и преданные друзья. Два альва, всегдашние спутники бога-хранителя, не посчитали свои жизни слишком дорогой ценой за биение сердца своего господина и были готовы послужить ему — в последний раз.

Оба они были вооружены копьями — мастерски владея этим оружием, напали слаженно и ловко — старший метил Сурту в лицо, а тот, что был помоложе, старался бить по ногам. Некоторое время альвы держались, едва ли не тесня своего грозного противника — однако тот был несравненно опаснее и опытнее. Ему удалось, увернувшись от целившего в грудь копья, пустить саблю вскользь вдоль древка, отсекая юноше пальцы вместе с кистями; тот покачнулся, роняя копье — хватило единственного удара, чтобы покончить с ним. Между тем тот, кого с таким мужеством защищали альвы, уже почти пришел в себя; все еще обессиленный, он едва ли смог бы подняться на ноги. И гибель альва, и собственная беспомощность привели его в ярость; он сорвал с себя шлем и в отчаянии швырнул его в Сурта.

Тяжелый шлем ударил Сурта в плечо; дернув головой, он на единственный миг подался в сторону оставленного врага — и этого мгновения оставшемуся в живых альву хватило, чтобы успеть ударить развернувшегося противника копьем под колено, вложив в этот удар все оставшиеся силы.

Ртутно-зеркальная личина дрогнула, по ней словно прошла гримаса… Названный Суртом упал, личина, по-прежнему бесстрастная, уткнулась в траву. А на его место тут же встал другой воин.

— Что ж… вам играть еще рано… — Сурт покачал головой и несерьезно нахмурил брови в ответ на недовольное фырканье Гарма. — Успеется. А вот правила знать вы должны. И лучше, чем живая игра, вам их не объяснит никто.

— Сурт, в их возрасте нас даже близко не подпускали к тавлеям… — Нима опустила руку на запястье мужа. — Повремени…

— Нас ко многому не допускали. Не бойся, Нима… Я сыграю один. — он ласково провел пальцами по волосам жены. — Нам ли страшиться прошедших дней?

Дневной свет совсем угас, однако на поляне, где собрались

молодые боги, было почти светло — отчасти от вновь раскрывшихся огненных лилий, отчасти от золотого сияния, которое источали и чаша, и вышивка на плате. Было тихо, безветренно; беспечальный покой разливался в воздухе.

Сурт взял чашу обеими руками, слегка склонил голову, закрыл глаза и сказал:

— Гибель мира, богов сотворивших и богами же сотворенного… последняя битва.

И он опрокинул чашу над вышитым платом. Из нее стали вылетать небольшие, ростом с полевую мышь, фигурки; вылетать, плавно опускаться на игровое поле, вставая каждая на свое место. Часть фигур была сделана из светлого золота, часть — из черного, еще более темного, чем нити вышивки. Гарм и Фенри глядели во все глаза. Фигурки падали на плат, замирали на мгновение, сжавшись в комочек, охватив руками колени — и спустя несколько секунд вставали, выпрямляясь во весь рост. Среди них были воины в доспехах, женщины в простых или причудливых нарядах… всего не более двух десятков фигур. Некоторые расположились совсем рядом друг с другом; некоторые из персонажей, ожидая первого броска костей, седлали коней, усаживались на вивернов.

— Ох ты… не подумал я об этом. — Сокрушенно сказал Сурт. — Многовато персон для первой игры. Боюсь, вам наскучит следить за уже известными событиями.

— Нет! Что ты, отец… — не отрывая глаз от волшебного зрелища, откликнулись его сыновья.

— Тогда слушайте правила. Для каждой фигурки — некоторые из них представляют целые расы… вот смотрите, это альвы, пока единые, это цверги… ну и так далее, — так вот, для каждой бросают кости. Выпавшее число определяет количество шагов, которое фигура проходит по полю. Движется она по спирали. Цвет вышивки, на которой фигура останавливается, определяет обстоятельства, в коих она оказывается — черный предуказывает осложнения, беды, необходимость сопротивляться и выживать. Красный — предписывает страсти, волнения, беспокойства, страдания и радости. Солнечный цвет накаляет и без того разгоряченных героев истории до предела, за который переступать небезопасно… и они все его переступают. Кроме того, чем ближе к вожделенной цели, тем вероятнее всяческие невозможности и волшебства… — и Сурт подмигнул сыновьям.

— Если фигура останавливается на черном, то она должна сделать два шага назад, если на красном — то два шага вперед. Есть одно условие — если фигура пожелает, то может, встав на красное, вытянуть своего соратника, попавшего на черное, ценой

своих призовых шагов. Если выпадут две шестерки — то можно вытянуть двоих… или самому сделать двенадцать шагов. Великое дело — выбор…

— Отец, постой… — Фенри внимательно рассматривал переминавшиеся в нетерпении фигуры — Ты говоришь, если пожелает? Так они что, сами решают, как играть?

— Можно сказать, что и так. Видишь ли, сын, попадая на этот плат, фигура обретает на время игры характер и способности своего прототипа, ею движут те же страсти и пытаются управлять те же мысли. Нам остается только бросать кости, а случаю — определять число шагов.

— Отец, а как быть, если у противников разные цели? — спросил Гарм. — Ведь эта битва разделила всех — и богов, и альвов, и смертных. А здесь цель одна…

— Именно, что одна, сынок. Цель у всех была одна — добиться своего. Любой ценой. Одним — удержать, сохранить, не пропустить. Другим — заполучить, преобразовать, изменить.

— Отец, это… ты? — и Фенри указал на фигурку, отличавшуюся ростом и худобой, с двумя мечами за спиной. Черную.

— Угадал. А вот это ваша мама… — и Сурт прикоснулся к сидящей на грифоне девушке, — и ее брат… — фигурка стояла рядом с тремя похожими персонажами, опирающимися на тяжелые щиты и держащими алебарды. Эти фигурки были из светлого золота.

— Нум… смотри, наш отец, Эдред Вседержитель… — Нима завороженно смотрела на игру. — И Ветрогон, мой грифон… Как живые… как прежде. Сурт. — Она заглянула в глаза мужа. — Ты играл в тавлеи, хоть раз?

— Вы оба мне не поверите, — Сурт насмешливо поклонился, — но — да. Играл. Причем не на свершившееся. Однажды мы с Торольфом Лучником сцепились из-за какого-то пустяка, шла война — как обычно, а мы покровительствовали враждующим сторонам. Как только не измудрялись, уже на личности перешли, всякие пакости друг другу подстраивали… Мы так надоели старику Эдреду, что он разрешил нам обратиться к тавлеям, чтобы мы побыстрее исчерпали эту историю.

— И как? Ты его побил, да? — Глаза Гарма горели такой восторженной любовью, что в сердце его матери могла бы закрасться ревность… но только не в сердце Нимы. Она была счастлива любым проявлением любви и приязни, обращенных к Сурту.

— Нет, дружок. — Сурт потрепал светлые волосы сына. — Я проиграл. С судьбой не поспоришь… Я не сказал, на плате есть

особые места… никто не знает, где они проявятся в новой игре. Мы называли их мертвые узлы. Если фигура попадает на мертвый узел, она погибает — даже если вокруг нее нет ни единого врага и ничто ей не угрожает. Такие вот правила. Есть еще тонкости, но их я объясню за ходом игры. Пора начинать…

И Сурт перевернул мешочек над ладонью, встряхнул в горсти игральные кости и со словами: «Начинаем, дети мои!» — бросил их наземь.

* * *

Прежде всех слов и вещей были в этом мире Огонь и Лед. Один вскипал в бездонной пропасти, ничем не сдерживаемый и нечего не согревающий, другой стыл тяжкой глыбой, косный и бессмысленный. Но случилось так, что однажды Желанию вздумалось протанцевать меж ними; дорожка, оставленная его замысловатыми прыжками, соединила две пропасти. Так возник мир. Огонь получил форму, лед обрел дыхание. Вместе с миром появились и боги, созданные им и его же создающие.

Эдред Вседержитель хранит порядок вещей, что был задан богами; никто не осмеливается противиться его власти. Его жена, Иуле, хранит память обо всем, что достойно упоминания, многие тайны мироздания ведомы ей. Пятеро детей у Эдреда и Иуле: дочь Нима возлюбила живые создания, населившие мир и сделавшие его Обитаемым, их сыновья — Нум, Торольф, Квельд и Никкар — стерегут границы и защищают покой мира.

Родной брат Эдреда — Хакон. Он всем недоволен и обо всем беспокоится; мало кто может ему противиться. Жена его, Варгамор, покинула богов; она хозяйка мира Смерти. И у них также пятеро детей: Сурт, единственный сын, несущий в мир разрушение и перемены, и дочери — Стейно, Эвриала, Сигне и Маара — они вслед отцу порождают в мире беспокойное недовольство и жажду нового.

Обитаемый Мир щедро одарен Жизнью, но над нею, имеющей тысячи ликов, знающей сотни форм, властно Время. Именно его воля уводит Жизнь в Смерть, и никому не дано повернуть ее вспять. Все родившееся должно однажды умереть — таков закон времени. Хозяйкой мира мертвых по собственной воле стала Варгамор — однажды она покинула обитель богов, чтобы уйти по дороге, ведущей через весь Обитаемый Мир, в неведомые пределы. Никто с тех пор не видел ее; только Сурт приходил иногда к вратам мира мертвых и, тоскуя, звал ее. Иногда откликалась Варгамор, и сын с матерью разговаривали, не умея

даже взглянуть друг другу в глаза.

Боги не были одиноки в своем мире; их помощниками и спутниками стали светлые альвы. Они сопровождали богов в их странствиях, приносили их волю в Обитаемый Мир и следили за ее воплощением. И были те, кто хранил изначальную сущность мира — должен же был кто-то заботиться о том, чтобы несмотря на все игры богов поутру вновь вставало то же самое солнце… о них — Сущностях — редко когда вспоминали, но помнили постоянно.

За пределами мира оставалась предвечная Пустота, отделенная непреодолимой стеной, и ее ненасытимая алчность стала настолько невыносимой, что приняла зримый облик. Она стала подобна чудовищной Волчице, которую Хакон в насмешку прозвал Прорвой и Несытью, а остальные боги избегали произносить ее имя. Она томится у пределов Обитаемого Мира, рыскает у границы мира мертвых, пытаясь заглушить рвущий ее внутренности голод. Та пища, что дает ей Варгамор, лишь на время успокаивает ее, ибо кормит ее хозяйка мертвечиной, отжившей, износившейся плотью, лишенной пламенеющего духа, а Пустота жаждет быть наполненной Жизнью.

Так продолжалось несчетные века. И однажды сказал Хакон: «Зачем позволяем мы духу покидать пределы Обитаемого Мира? Смерть забирает самое ценное, оставляя лишь косную материю…» Ему ответила Иуле: «И у нее есть свое назначение, чем же еще можно насытить ту, о которой ты знаешь?» Хакон возразил: «Прорву насытить невозможно. Мы сами вскармливаем себе погибель, ибо мертвое делает ее сильнее, но не насыщает, а лишь растравляет ее голод. Придет день, и она станет настолько сильной и обозленной, что и врата Варгамор не удержат ее».

— И что же нам делать, как спасаться, брат мой? — Эдред с недоверием смотрел на Хакона.

— Я уже говорил тебе. Наполним Пустоту Жизнью. Соединим вновь миры Огня и Льда, отдадим силу новой жизни миру мертвых.

— Ты предлагаешь оживить Смерть? — изумленно подняла тонкие белые брови Иуле.

— Я лишь хочу, чтобы и за пределами жизни была Жизнь.

— Это противоречит всем установлениям, брат! Никто не согласится на такое безумие. Разве что твой сынок… — Эдред покачал головой. Редко когда он соглашался с братом, но столь резко отвечал, пожалуй, впервые.

— Если ты боишься ошибиться, давай сыграем. И пусть тавлеи ответят, так ли я безумен. И ты ошибаешься… мой сын не одинок в своем согласии со мной.

— Тавлеи? — переспросил Эдред. — Мы оба знаем, откуда взято их золото. Играть первосущностями о них же? Неплохо придумано.

Эдред и Хакон поднялись в верхний зал Рассветной Башни, где предпочитали разыгрывать те партии, исход которых мог быть слишком серьезным, чтобы делать его достоянием всех богов. Иуле, расстелив игральный плат на сером каменном столе и поставив рядом чашу с фигурками, ушла, плотно закрыв за собой дверь. Братья сели за игру. И никто так и не узнал, чем закончилась она и была ли доведена до конца; только они покинули башню вместе. И уже на пороге Эдред во всеуслышание сказал, что запрещает Хакону даже приближаться к золотым тавлеям, что гнев его падет на головы тех, кто осмелится помогать возмутителю спокойствия…

— Он желает, чтобы мы открыли врата Волчице, дабы удобнее ей было пожрать то, что с такой любовью мы творили и берегли!

— Если мы не откроем ворота и не дадим ей то, чего она жаждет, Прорва справится и без нас. И тогда она возьмет все, до чего сможет дотянуться. И никто из нас не помешает ей.

Так мир и согласие навсегда покинули мир богов. Вражда подобно заразе распространилась и на мир альвов, и на мир смертных. Она разделила их всех на две части — одни желали уберечь то, что и без того было их, другие хотели большего и готовы были рискнуть всем.

Однажды, впервые за сотни лет, Хакон подошел к вратам царства мертвых и позвал свою утраченную спутницу.

— Варгамор… ответь мне. Долго ли ты сможешь удерживать ее?

— Мои силы на исходе, Хакон. — Голос, доносившийся из-за призрачно-серой стены, был тих и печален. — Так тоскливы ее вопли… столько боли в ее стенаниях… я знаю, что однажды не выдержу и отдам ей единственную жизнь, что есть здесь — свою собственную.

— Лучше уж выпусти ее за ворота. Если Прорва получит тебя, всей нашей силы недостанет, чтобы удержать ее.

— О чем ты говоришь, Хакон? — тихий голос стал тверже. — Боги не нарушают данного слова. Я не открою ворота.

И тогда понял Хакон, что нет у него иного выхода, кроме как начать войну — войну против собственного брата и всех тех, кто держал его сторону. Отвоевать тавлеи, доиграть прерванную Эдредом партию и вновь соединить потянувшиеся друг к другу Огонь и Лед. И отдать ту силу, что родится от их союза, Пустоте и Смерти.

Летят на траву затертые игральные кости. Фигурки передвигаются по плату.

— Отец, смотри! — Фенри дернул Сурта за рукав. — Что это такое?

Фигурка, изображавшая альва, — высокого, остроухого, с огромными крыльями — застыла на черном лепестке; внезапно она рухнула на колени. Альв сжал руками голову, запрокинул ее… по лицу его прошла судорога, неслышный крик разорвал рот. И тут очертания фигурки стали расплываться, она таяла, сливаясь с черным золотом вышивки.

— Это и есть мертвый узел? — тихо спросил Фенри.

— Да. — Подтвердил Сурт. — Ты смотри…

Еще два броска костей — и почти рядом с альвом оказались Никкар и Эвриала, оба на красном золоте. Воин, спешащий занять свое место у врат Рассветной Башни, и вычурно одетая девушка верхом на молодом виверне. Обе фигурки не использовали возможность продвинуться дальше по игровому полю, а протянули руки умирающему альву.

— Вы пойдете за мной, даже если мне придется стегать вас хворостиной, как стадо гусей! — и в самые спокойные времена Эвриала не умела уговаривать несогласных с ее мнением; дипломатия никогда не была ее сильной стороной.

Альвы, собравшиеся тронном зале, молчали. Тишину нарушал только шелест множества крыльев. Девушка в слишком богатом наряде, казавшемся особенно причудливым на фоне простых и строгих одеяний альвов, оглядывала их злыми, темными глазами. Верхняя юбка ее платья была расшита наподобие павлиньего хвоста и подобрана так, чтобы показать кружева нижних юбок, сплетенные из сверкающих хрустальных нитей; пышные газовые рукава переливались всеми оттенками зеленого — от темно-елового до светло-травяного, а с запястий свисали ленты и нити бус. Вызывающе низкий вырез платья обрамлял жесткий кружевной воротник, поднимавшийся от плеч искусно вырезанными зубцами, щедро усыпанный изумрудами и алмазной крошкой. Черные волосы Эвриала уложила в высокую прическу, украшенную плюмажем и нитями жемчуга.

— Вы пойдете за мной! — ее пронзительный голос, не отличавшийся приятностью, сорвался на крик; сжались тонкие, затянутые в кружевные перчатки пальцы.

— Куда? — тихо спросил ее альв, стоявший впереди других. — Ты велишь нам идти войной на тех, кому мы служим с начала времен. Опомнись, дочь сомнения, возможно ли это?

— Не пойдете — смерть все равно придет за вами, и те, кому вы служите, вам не помогут.

— Зря ты так скоро сбросила нас со счетов, Эвриала… — этот голос принадлежал входившему в зал мужчине. Он подошел к девушке, учтиво поклонился, оставив без внимания ее презрительное фырканье. Все в нем — и черно-серые тона костюма, и спокойные неторопливые движения, и вежливый взгляд зеленых глаз — все говорило о сдержанности и безупречном вкусе.

— Повторяю тебе, хотя ты и отворачиваешься от меня, я готов помочь…

— Зачем ты вмешиваешься, Никкар? Или ты думаешь, что память прежних дней заставит меня передумать и изменить своей цели?

-Я надеялся, что ты хотя бы выслушаешь меня. Эвриала, вы безумны, если ожидаете помощи от альвов. Они никогда не встанут на сторону тех, кто разрушает.

— А как быть с теми, кто увидит в разрушителях истинных хранителей?

Задав этот вопрос, альв, стоявший у окна, распахнутого в небо, подошел к богам. Он поклонился им и сказал:

— Я и мои сородичи готовы исполнить вашу волю, госпожа. И мы не одиноки, поверьте, господин, таких, как я, много…

— Опомнись… — стоявший впереди всех альв смотрел на отступника с изумлением и болью. — Ты не ведаешь, на что обрекаешь нас…

— Может быть. Но я чувствую, что жажда новой жизни, новой истины не позволит мне жить, не присягнув ей. Даже если присягать придется смертью.

— Никкар, останови их! — альв умоляюще протянул руки к богу. Но тот молча отошел, уступая дорогу Эвриале и последовавшим за ней альвам.

Расплывающаяся фигурка широко раскинула руки. Правая рука ухватилась за Эвриалу, левую сжал Никкар. Через минуту фигурок стало две.

— А почему они все еще с крыльями? — спросил Фенри.

— Неужели ты думал, что у всех пошедших за Хаконом альвов враз отсохли крылья и вылезли клыки? — засмеялся Сурт. — Такое только в сказках бывает, сын. Изменения настигли их спустя несколько недель после начала войны.

— Отступников крыльев лишил Эдред… а верных — Хакон, — тихо сказал Нум.

— А уже потом они стали меняться сами. И потому, что те, кого ваш дядя называет отступниками…

— Прости, Сурт. Привычка… — смутился Нум.

— Ничего. Так вот, они оказались куда отчаяннее и несдержаннее в бою, чем их сородичи-хранители, и гораздо более

жестоки по отношению к слабым смертным. Потому обрели тот облик, что и посейчас. И отказались от прежнего имени — орки, так теперь они себя называют.

— Так эльфы и орки были некогда единым народом? — удивленно поднял брови Гарм.

— Сын мой, и ты только сейчас узнал об этом? Хорошо же ты изучал историю прежнего мира, нечего сказать… — Сурт покачал головой.

— Прости, отец… теперь я обязательно перечитаю свитки… — покаянно пообещал Гарм.

— Да уж постарайся. Играем дальше, дети мои.

И снова летят кости, определяя число ходов фигуркам. Но когда все уцелевшие собираются на лепестках раскаленного солнечного цвета, происходит что-то необъяснимое.

Маленькая фигурка девушки покидает своего грифона и склоняется над фигурой поверженного воина. Ей только что выпала редкая удача — сразу две шестерки обозначились на игральных костях, и путь перед ней открыт — до вожделенной цели не более двух десятков шагов. Она могла бы опередить всех и, возможно, выиграть, но вместо этого предпочитает с помощью другой фигурки — двигающейся с трудом, с непокрытой головой и такой же светло-золотой — втащить черного воина на спину грифона, помочь подняться брату и сесть самой. Едва она успевает взять в руки поводья, как вышивка игрального плата начинает двигаться. Словно хищные щупальца извиваются черные лепестки, разрастаясь, захлестывая и красное, и солнечное золото. Нити будто вскипают, дергаются, силясь вырваться из ткани, рвутся — и начинают пропадать. На глазах изумленных богов вышивка тает; диковинные цветы, предопределявшие судьбы, поглощает белизна основы. Фигурки, доигравшие почти всю партию, сворачиваются в клубочки, как в самом начале игры и так и застывают. И только грифон успевает развернуть крылья и подняться в воздух; он парит над белым, нетронутым полотном.

— Игра закончена. — Тихо говорит Сурт. Грифон опускается в центре плата, фигурки спускаются с его спины и встают рядом друг с другом.

— Чего ты хотел, Сурт? Надеялся узнать, остался ли кто за пределами Обитаемого Мира? — невесело спрашивает Нум.

— Да. — Кивает Сурт. — Уж очень быстро все тогда произошло. Нима, ты никогда не рассказывала мальчикам об этом… как вы поняли, что Прорва вырвалась?

— Тогда мне было все равно, кто победит и чья правда возьмет. Я должна была унести вас обоих в безопасное место… не смейтесь, я верила, что смогу отыскать такое, при живом

фронтире…

— При ком? — спросил Фенри.

— Фронтир — это движущаяся граница мира, сын. Здесь она неподвижна, мы создали иллюзию ее удаления, чтобы не было так тоскливо. В прежнем мире границ не было — сколько бы ты ни шел, впереди было неограниченное пространство, а фронтир убегал от тебя, как живой.

— Вот это да… — мечтательно протянул Гарм. — Мне бы так…

— Я уносила вас из Срединной Крепости, не зная, выживете ли вы, и не особо оглядывалась по сторонам, но то, что я видела, особенно в Альвхейме…

— Я все думал — почему Альвхейм? Почему не мир людей, ведь он был ближе к ней, — проговорил Нум.

— Если тебя держат взаперти достаточно долго, чтобы ты успел разозлиться, то вырвавшись, ты ведь не шагом пойдешь, верно? Я думаю, Прорва вымахнула прыжком и оказалась в мире альвов… дотянулась.

— Ты прав, Сурт. Она дотянулась. — Нима опустила глаза. — Я видела, как исчезает целый мир, растворяется в гулкой пустоте… А потом она принялась за наш дом. Когда я видела, как альвы убивают друг друга, думала, что ничего ужаснее не увижу. Но это… Все мы с нашими спорами и войнами были для нее не более чем пляска пылинок в солнечном луче. И я поняла, что должна поторопиться, если хочу успеть хотя бы еще раз взглянуть на ваши лица. Ветрогон рвался из последних сил, обгоняя свет звезд, и где-то в мире людей силы его иссякли. С первыми рассветными лучами он внес нас сюда… — Голос Нимы дрогнул и она замолчала.

— А Прорва, она что, подавилась? — недоверчиво спросил Гарм.

— Хотелось бы, сын. — Вздохнул Сурт. Он обнял жену за плечи, прижал к себе. — То, что этот кусочек мира и мы в нем все еще живы, вовсе не означает, что пустота насытилась. Как только силы вернулись к нам, первое, что мы сделали — закрыли врата, которыми пришли. Слишком опасно держать открытой дверь, в которую может войти тот, кого ты не очень хочешь видеть в своем доме. Но все не так уж плохо… — И он погладил жену по волосам.

— Отец, что же с ними? — и Фенри показал на застывшие скорчившиеся фигурки.

— Не знаю. — Помрачнел Сурт. — Не вижу и не чувствую. Да что я, сами тавлеи отказались играть это. И я не понимаю, как они сюда попали — ведь хранили их в Рассветной Башне, так

ведь, Нум?

— Да… — не очень уверенно сказал Нум. — Я был уверен в этом, когда стоял там. Иначе…

— Понимаю. — Кивнул Сурт. — Но теперь это не так уж важно.

Он собрал отыгравшие фигурки, сложил их в чашу, туда же убрал мешочек с костями и плат, все еще белый.

— Я думаю, вышивка проявится… позже. Если у кого-нибудь из вас возникнет охота сыграть — тавлеи здесь. — И Сурт поставил чашу у подножия скалы, из которой бил родник.

Глава вторая. Сыновья

— И занесло же нас в эдакую дыру… — раздраженно сказал высокий светловолосый юноша лет двадцати. Он сидел в распахнутом проеме ворот, выходивших прямо в небо, опираясь спиной на стену, одну ногу согнув в колене острым углом, другой болтая в воздухе. В руках у него был пышный розово-белый цветок; юноша отрывал лепесток за лепестком и отправлял их в рот.

— Опять за старое, Гарм? — спрашивавший парил перед недовольным, держась в пронзительной синеве силой огромных орлиных крыльев, заменявших ему руки. Он был черноволос, красив и, судя по выражению рта, упрям. — Ну чего тебе не хватает, скажи на милость?

— Скажу. Только пообещай, что не будешь драться.

— Обещаю.

Получив такое обещание, названный Гармом отбросил в сторону цветок, встал на самом краю западных врат, вытянул руки в пустоту…

— О! Чуть не забыл. Ты не сопротивляйся, ладно?

И прежде чем его брат успел ответить, запел. Пел он мастерски, ничего не скажешь. Голос, низкий и резковатый, терпкий как вкус терновника, не смягченного первыми морозами, облекал заклятие плотью слов и мелодии, падавшей короткими выдохами и свистящими вдохами. Песня молодого бога окружила парящего в воздухе и для начала заставила уменьшиться до размеров крапивника. Гарм протянул руку, осторожно взял брата и слегка подул на него. Вокруг крылатой фигурки взвихрился прозрачный поток, защищая ее, Гарм убрал руку и продолжил песнь.

Из ниоткуда сплетались в воздухе стальные прутья клетки. Вскоре они окружили «птичку» безнадежно непреодолимо; но этим песнь не закончилась. Клетка получилась огромной. Внутри ее волей Гарма расцвели миниатюрные сады, зажурчали родники и речушки, вспыхнуло маленькое солнце, запели ветра. И внезапно клетка исчезла. Только парил перед Гармом в воздухе зелено-пестрый, живой шар.

— Прекрасная иллюзия, не так ли? — спросил он. И попытался сорвать ветку с маленького дерева. Но пальцы его уткнулись в невидимую преграду. Клетка, как оказалось, никуда не делась. Клетки вообще не имеют привычки исчезать, их можно только сломать…

— Причем изнутри это сделать легче. — Уверенно сказал

Гарм. — Ну как тебе там? Не тесно?

— Тесно! И вода у тебя соленая получилась! Хватит, Гарм!

И клетка-сад пропала. На ее месте вновь возник юноша с орлиными крыльями. Он подлетел к вратам, ступил на твердый каменный пол и встряхнул крыльями, обращая их в обычные руки.

— Тесно тебе здесь. — В его голосе было сочувствие и немного непонимания. — Понимаю… хотя и не очень. Ну чего тебе не хватает?

— Свободы. Места. Времени. Да не знаю я! — и Гарм вновь сполз спиной по стене, садясь на холодный пол. — Не знаю, Фенри.

Фенри сел рядом с братом, положив руку ему на плечо.

— В батюшку пошел, братец… Кровь бунтарская. И голова дурная… у тебя, конечно.

Гарм искоса глянул на брата и ничего ему не ответил. Эти братья при всей родственной схожести черт лица были на редкость непохожи. Фенри, одетый строго и безупречно, действительно был похож на молодого бога — красив, статен… уверенный, повелительный взгляд угольно-черных глаз, черные же волосы, облекающие плечи и спину подобием царственной мантии, на голове — венец с двумя зубьями, поднимающимися над висками… И Гарм — одетый в какие-то нелепые одеяния, на плечах — широкий воротник с фестонами, длинные дырявые рукава петлями охватывают пальцы, ткань, вышитая пестро и беспорядочно, явно нуждается в чистке… на руках и на лице бога — рисунки, сделанные соком ядовитых ягод, светлые волосы взлохмачены, а в глазах, светлых как роса небесная, — тоска и нетерпение.

— Ну да, тебе повезло, маменькин сынок… Скажи, чего ты боишься? Сколько раз мы с тобой играли, все обходилось! — и Гарм раздраженно сплюнул в небо.

— Нет, брат, и не напоминай. Не буду я с тобой на огонь и лед играть. Не буду. Хоть убей.

— Дурак.

— Сам такой.

— Ты хуже дурака, ты трус.

— Не заводись, Гарм. — Но руку с плеча брата Фенри убрал. — Сам знаешь, что говоришь неправду. Хочешь, пойдем побьемся? Глядишь, полегчает…

— Нет. Не хочу. — Гарм встал. — Пойду отца поищу. Давно не виделся. Ну, бывай, брат. — И он повернулся и пошел вглубь дома.

Сколько веков минуло в Обитаемом Мире с тех пор, как

поселились в нем последние из Богов — никто не ведает. Этот осколок прежнего обширного мира, уютный и невеликий, стал их домом и — увы… тюрьмой.

Большинство в Обитаемом Мире составляли люди — светловолосые и гордые на севере, смуглые и мстительные на юге, скрытные и непонятные на востоке. А на западе этого мира поначалу обосновались альвы. Вернее те из них, что стали эльфами. Пройдя горнило братоубийственной войны, научившись — но не привыкнув — убивать себе подобных, альвы утратили способность летать, одолевая огромные расстояния и обгоняя ветер, разучились взывать к Сущностям, забыли многое из того, что прежде было им ведомо. Все, что осталось им — значительно более долгая, чем у людей, жизнь, почти что бессмертие; способность в минуты крайней опасности различать голоса стихий и обращаться к ним; да еще обрывки воспоминаний о былом величии и могуществе.

Племя отступников, именовавших себя орками, было рассеяно по всем северо-восточным землям; в отличие от эльфов, они не создавали единого государства и не выбирали себе королей. От прежних времен у альвов-отступников не осталось почти ничего. Кожа их приобрела зеленовато-смуглый оттенок, резцы удлинились и заострились, став со временем угрожающими клыками. Такой звероподобный облик не помешал оркам общаться с людьми; они и союзничали, и воевали со смертными гораздо чаще, чем их светлые собратья. Способность орков к магии проявлялась редко, они предпочитали нападать и разъяснять все недоразумения языками мечей, нежели чем вытягивать из противника душу силой тайных знаний.

С того времени, как закончилась война богов, меж эльфами и орками установился настороженный, оскорбительно-недоверчивый нейтралитет. Они либо высокомерно не замечали друг друга, либо — при неизбежной встрече — вели себя как разделенные и спаянные вековечной кровной враждой. Стоит ли упоминать о том, что они никогда более не воевали и каждый из них считал другого предателем.

Кроме пятерых выживших в этом мирке оказались и свои божки, они обитали в море, в горах, а самый приметный из них избрал местом свого пребывания чудовищные леса на юго-западе. Власть этих божков была невелика, возможности — еще меньше, впрочем, как раз по мерке этого мира, вряд ли бы он вынес большее могущество.

Повзрослев, Фенри и Гарм приняли участие в обустройстве Обитаемого Мира. Фенри больше времени проводил с братом матери, Нумом; их сближало пристрастие к порядку и

оформленности. Гарм же очень быстро оказался правой рукой Сурта, и если в мире что-то менялось, причем не всегда в лучшую сторону, он всегда оказывался к этому причастен. Гарм по-прежнему частенько позволял себе нелепые, шутовские выходки; он часто общался с людьми. Фенри до подобного не опускался.

— Здравствуй, отец. — Гарм вошел в небольшой покой, похожий на каменный подводный грот. По стенам причудливыми узорами лепились ракушки, змеились ленты водорослей. Сурт сидел, согнувшись, положив подбородок на сцепленные руки. Услышав голос сына, он поднял голову.

— Здравствуй. Опять брата на игру подбивал? — и Сурт жестом пригласил Гарма сесть рядом.

Гарм коротко кивнул и уселся, куда указали. Он мрачно пинал босой ногой зеленый мшистый ковер, безжалостно сминая, растрепывая нежный ворс.

— Ну и дурак. — Необидно хохотнул Сурт. — Ты бы еще Нума пригласил.

— Ну хорошо. — Буркнул в ответ Гарм. — С ними все ясно. Но вы, почему вы отказываетесь играть со мной?

— Я уже объяснял, сын. — Сурт развел руками. — Слишком мне нужна эта партия. И ты не ровня мне, как игрок. А тут нельзя будет ни проиграть, ни выиграть… боюсь, так провести партию ты не сможешь.

— И что теперь? Так и будем штопать прорехи на здешнем небосклоне? Отец, чего бы мы не делали — этого мало.

— И тут ты прав. Сам я давно понял — такими вот стежками-штришками погоды не сделаешь… Да, мы что-то меняем, все больше по мелочам… но незначительные, местные улучшения не исправят тесноты и замкнутости этого мира. Если мы хотим большего — надо взорвать старое и создать новое. Только так.

— И как нам объяснить это семье? — язвительно поинтересовался Гарм.

— Никак. — Сокрушенно пожал плечами его отец. — Сын, не злись. Они сами поймут, со временем.

— И сколько веков мне еще ждать? — Гарм со вздохом распростерся на зеленом мшистом полу навзничь. — Я устал плавать вокруг этого мира, как рыба в садке. Я знаю каждую скалу, каждый корабельный остов… И летать тошно, будто тебя за ногу привязали — наматывай знай круги. Звезды все пересчитаны, все цветы сорваны, и сплетены в венки… и сердце мое молчит в ответ на все голоса этого мира. Тоска, тоска… Отец, я устал ждать, что произойдет хоть что-то новое, небывалое еще под этим солнцем…

Сурт в ответ тихо засмеялся. Как давно это было… когда он

сам говорил такие же слова Хакону, своему отцу… и так же рвался в бой… и жаждал преград…

А Гарм продолжал. Он вынул из уха серьгу, плоский изогнутый треугольник, ртутно-зеркальный, ледяной на вид, и раскачивал ее, держа двумя пальцами, у себя перед глазами, будто убаюкивая сам себя.

— Мне тесно, отец… Это не скука и не лень. Да, я часто жалуюсь, мол, делать нечего в эдакой клетушке. Куда ни ткнись — упрешься в стену. Странно быть богом и постоянно ощущать свою ущербность. Этот лживый фронтир каждый день ухмыляется мне в лицо — ну, и как далеко простирается твоя божественность? А как насчет перешагнуть через меня? И еще этот постоянный рикошет… Словно щелчки кто дает. Обидно так, по лбу. Малейшее возмущение здешнего проклятого спокойствия, чуть-чуть божественного произвола, — и Гарм пренебрежительно скривил губы — и тебя тут же ставят на место. Людские маги, и те плачутся на скудость своих сил. Взывают… просят…

— Ты снисходишь до общения со смертными? — поинтересовался Сурт.

— Так же, как и вы. — И Гарм улыбнулся. — Как мой младший брат, тот, в Шаммахе? Уже вырос из пеленок?

— Уже. Способный мальчик, даже слишком.

Они замолчали. Наконец Сурт прервал затянувшуюся паузу.

— Вот что, сын. Про тавлеи ты можешь забыть — никто из нас не станет играть с тобой. А значит, надо искать другой путь… — он присел на колени рядом с лежащим сыном, отвел от его лица раскачивающийся ртутный треугольник. — Ты давно не был у восточных ворот?

— Что? Так туда вообще никто не ходит. — Взгляд Гарма прояснился, стал цепким и любопытным. — Восточные врата, вы говорите?

— Именно. Если мы откроем их… — Сурт подчеркнул первое слово — То получим все и сразу, и быть может, даже больше, чем ожидаем. Или ничего…

— Но как же то, что осталось за вратами?

— Это ты о Прорве беспокоишься? Я думаю, что если бы ее голод не был тогда утолен, вряд ли ее удержали бы наши слабые заклятия. Что-то произошло там тогда… Вот что. Пойдем, я покажу тебе кое-что.

Боги миновали анфиладу покоев, простых и причудливых; коридор вывел их к витой лестнице, ведущей в одну из башен. На самой ее вершине и был тот самый единственный портал Обитаемого Мира — бесполезный и бездействующий. Лестница закончилась, и дальше идти было некуда. Небольшой зал, куда

вышли отец и сын, был на удивление скромен — никаких украшений или архитектурных изысков. Черный каменный пол, серые стены, в которых прорублены узкие, длинные окна, заставляющие ветер протискиваться и сердито свистеть, обдирая бока. И одна-единственная дверь. Две створки, обрамленные диким камнем, перекрыты тяжелой деревянной балкой засова, в массивных петлях висят замки.

— Неплохо постарались… — одобрительно говорит Сурт. — Только стражи не хватает. А теперь посмотри… — и он указывает Гарму куда-то вверх. Там, где створки, смыкаясь, образуют острый угол, из каменной обкладки выпал маленький кусочек, а на его месте беспокойно темнеет пустота.

— Ты знал об этом? — Сурт вопросительно заглядывает в глаза сыну.

— Ну… догадывался, в общем. Только не думал, что это именно здесь. Одно время даже искал — думал, правда, что будет что-то более заметное, все-таки выход в Смерть как-никак… Так значит, частицы первородного огня нашли себе лазейку.

— Нашли.

— Отец… — помолчав с минуту, тихо спрашивает Гарм, — Что там, за Вратами?

— Беспредельность… Абсолют великой Пустоты, безвременье и недвиженье, являющие и поглощающие в свой черед.

Сурт вынимает из-за пазухи осколок льда, закрепленный несколькими витками серебряной проволоки, легко вынимает лед и, подойдя к двери, вставляет его на место выпавшего камня. Гарм невольно отступает на шаг назад — мало ли что… но, как ни странно, ничего не происходит. Будто замочную скважину прикрыли, не более. Не говоря ни слова, Сурт отходит и делает знак сыну — уходить. Уже на лестнице он негромко говорит:

— Нужна сила, сын. Меня и тебя не хватит, чтобы снять все эти замки и засовы, а помогать нам никто не станет.

— Это верно. Но я могу чем-то помочь?

— Можешь. — Сурт коротко вздыхает. — Льду нужен огонь. И немало…

Гарм понимающе кивнул; помрачнев, он глядел себе под ноги. Опять смертным раскошеливаться, думает он про себя.

— Иначе нельзя. — Угадывает мысли сына Сурт.

* * *

Великий Князь Одайна, по традиции безымянный, с недоверием оглядел приехавшего из Краглы королевского

посланника. Молодой, вежливый, с холодными неулыбчивыми глазами, светло-серыми, как северное море; «знаю я таких…», думал Князь, «мягко стелет, жестко спать… и чего этим бандитам морским от нас надобно?»

— Князь соблаговолил выслушать послание моего короля. Каково будет слово Князя? — юноша поклонился и испытующе посмотрел на Князя.

— А что тут говорить. Только прежнее повторять. Больше, чем прежде, не можем мы вам дерева дать. Хоть озолотите. Это только трава сорная вприпрыжку растет, а лесу время надобно.

И Князь сердито засопел. Он с самого начала витиеватой речи посланника понял, к чему клонит Крагла. Флот великий задумали строить, мало им нынешнего, еще подай. Небось, на море Покоя зарятся. И пускай, Князю оно без надобности… вот только лес Крагла только в Одайне купить может. В Эригоне он дороже, в Арзахеле отродясь не торгуют, только чванятся, в Маноре не леса, а одно название, а эльфы… те за одно предложение вырубить строевой лес могут и к праотцам отправить. Все бы ничего, только Одайн и Крагла — старые друзья, и северяне не раз свою дружбу доказывали, и мечами, и золотом, и отказывать им не след. Это первое. А второе… единственная дочь Князя давным-давно была просватана за старшего сына короля Краглы, да не просто по воле родителей, а по собственному желанию. И Князю (да и соседу его тоже) не раз в голову такая мысль забредала — а что, если бы эльфий лес, что Одайн и Краглу разделяет, в собственное владение получить… тогда, глядишь, внуки в наследство получили бы такое королевство, с которым в Обитаемом Мире никто бы спорить и ссориться не стал. Даже Шаммах. А эльфы… ну что эльфы… их мало, хватит на них лесов и в восточных землях, поближе к Краю Света.

Пока Князь в который раз обдумывал все это, посланник стоял молча, рассматривая собственные сапоги. И когда князь готов уже был произнести слова отказа, он поклонился и тихо сказал:

— Да простит мне Князь мою вольность, но молчание мое стало бы нерадивостью, а она еще более непростительна.

И слово в слово он повторил Князю все то, о чем тот только что думал. Добавив про наступающий на пятки Арзахель.

— Что ж… возразить мне нечего. — Князь встал, прошел к окну. — Так тебя твой король чего испросить-то велел — леса или войны?

— Князь поймет и простит меня, если я отвечу, что не уполномочен отвечать за короля Краглы.

— Ну-ну… Ладно, ступай. И скажи своему королю, что дочь

Князя Одайнского не бесприданница какая… — тут Князь оборвал себя. Он слишком хорошо знал, что приданое княжны оставляло желать лучшего, и если бы не взаимная склонность обрученных, то Крагла легко нашла бы невесту намного богаче — и наследными землями, и золотом. — Ну, ступай… — и Князь махнул рукой.

Великому Князю легко сказать — увеличьте налоги. Посланникам еще легче передать вассалам его волю. Вассалам, тем не так уж трудно собрать отряды и нагнать страху на подвластные деревни. А вот что прикажете делать тем, с кого спрашивают вдвое против прежнего поднятый налог? Отдать последнее и помереть с голоду?

Спасибо, находятся умные головы, намекают, что, мол, лес строевой нынче в цене, и одна вырубка налог покроет. А что лес тот в эльфьих владениях — так то уж эльфья беда, не людская.

— Ну что вытаращился, остроухий? — нарочито грубо говорит молодой мужик, вытирая пот со лба. Он стоит возле только что поваленной сосны, готовясь обрубать сучья. Рядом с ним еще трое — все с топорами и пилами.

— Что смотришь? Иди-ка отсюда подобру-поздорову. Не ровен час, зашибет.

— Это не твоя земля… человек. — Эльф, не отрываясь, смотрит на лежащий на земле золотистый ствол.

— А чья? Твоя, что ль? — парень кривит рот в усмешке. — А хоть и твоя… все едино. Мне, остроухий, — топор отсекает темно-зеленую ветку, — семью кормить надо. Мне либо лес твой порубить, либо по миру пойти. А у меня хозяйка прибавления ждет. — Топор поднимается и опускается с равномерностью маятника. — А леса твои… еще нарастут. Достанет с тебя… ишь, на полмира расползлись, ровно сорняки.

* * *

Однажды Фенри застает брата-близнеца в саду сидящим возле скалы — той, из которой бьет родник.

— Брат… тебя будто кто тянет к этой игрушке, — и Фенри уселся рядом. — Прямо смотреть жаль… так руки и чешутся, да? — и он необидно засмеялся.

Гарм в ответ обезоруживающе развел руками. Фенри, все еще смеясь, взял деревянную чашу, встряхнул ее и протянул брату.

— Так давай сыграем! Все равно, на что. Хочешь, разыграем Великие Леса? Кому они в итоге достанутся… Ты за кого играешь?

Вопрос был излишним. Гарм терпеть не мог альвов.

…Летят на траву истертые игральные кости. Золотые фигурки передвигаются по вышитому плату. Эльфы и люди; полководцы и короли; предатели и герои. Светлый полдень застает братьев заканчивающими партию — один из эльфьих королей, пройдя сквозь все хитросплетения узора, берет гладкую монетку и, торжествуя, поднимает ее вверх. Солнце вспыхивает на золотом диске; Гарм чуть прижмуривает глаза.

— Партия твоя, брат. И все же я думаю, что приграничные леса останутся за людьми. А твои остроухие хороши, ничего не скажешь.

— Это их леса, Гарм. Сам знаешь, они к ним не как к наследным владениям относятся — скорее как к части себя.

— Причем лучшей. — Скорчив брату гримасу, Гарм убрал фигурки в чашу и поставил ее в траву, у подножия скалы.

Через несколько месяцев уже Гарм предлагает брату разыграть партию в тавлеи — уж очень любопытно узнать, кто отвоюет себе право дать имя Безымянному Хребту? Итогом партии заинтересовался даже их отец — оба предводителя, и гном, и цверг, буквально в двух шагах от вожделенной монетки попали в мертвые узлы. «Вот ведь… неймется им», — качает головой Сурт, — «Жили бы себе спокойно, места под горами хватает, ремесло они поделили, чего же еще?»

— Может, им общего врага не хватает? — спрашивает Фенри.

— Общего врага? Думаешь, их объединит угроза? Хм…

— Идея неплоха, но кто? — Гарм собирает фигурки в чашу. — Драконов здесь только в книжках рисуют, как редкость необыкновенную. Если кто у Края Света тень крыльев виверны увидал — либо от страха помирает, либо от счастья, что такое увидеть сподобился. Люди с низкорослыми воевать не станут, потому как невыгодно.

— Раз так, врага можно и создать — во имя сохранения расы… — Сурт улыбается, но тон его совершенно серьезен.

— Опять монстров плодить? Если только Фенри возьмется, у него они лучше получаются. К тому же он давно не спускался в Обитаемый Мир… прогуляется лишний раз. А, Фенри?

— Можно… — Фенри встает, потягивается и встряхивает кистями. — Врага им нужно? Будет им враг.

Созданные Фенри не без остроумия подгорные крысы первое время действительно причиняли немало беспокойства и гномам, и цвергам, заставив их забыть друг о друге. Однако спустя несколько месяцев эти милейшие твари почему-то избрали своими врагами орков; видимо, сказалась привычка Фенри давать своим созданиям слишком много свободы воли. В другое время

Фенри здорово влетело бы, и не от отца, а от матери, но в Обитаемом Мире и без подгорных крыс забот поприбавилось. То и дело, по непонятным причинам, вспыхивали мелкие войны, что ни месяц — появлялись пророки, сулящие миру скорую гибель и вовлекающие толпы неразумных в самоубийственные ритуалы, сильные и облеченные властью совершали непростительные ошибки, а слабые расплачивались за них, проклиная день, подаривший им жизнь. Маленький, уютный Обитаемый Мир стал неспокоен и нерадостен.

* * *

Призыв отца застал Гарма в глубине океана, где он плавал наперегонки с любимыми им акулами (его забавляли их тупорылые, глуповатые морды с наивными веселыми глазками); услышав его, Гарм изогнулся, меняя направление, и поплыл к дому, обгоняя свет, пытающийся пронизать черно-зеленую толщу воды. Через несколько секунд бог исчез, ибо голос отца был тревожен и он решил поторопиться.

Перешагнув порог залы Восточных Врат, Гарм увидел, что явился туда последним. У самих Врат стоял Сурт и, судя по выражению его лица, ничего хорошего для себя не ждал. Против него стояли Нум, Нима и Фенри; последний — опустив голову и руки. Гарм встряхнул волосами, роняя на пол холодные соленые капли, и прошел к Вратам, встав рядом с отцом.

— Гарм, прошу тебя, уйди. — В голосе Нимы не было повелительных или сердитых нот, она действительно просила.

Ее сын даже не ответил. Он только вопросительно посмотрел на отца. Тот невесело усмехнулся.

— Твой брат забеспокоился о судьбах этого мира — слишком многие беды одолевают его. Решил, что нечто враждебное проникает извне, извращая и разрушая — вот и поспешил сюда. Хорошо хоть я успел прежде него достать свой камень…

В руке Сурта темным, почти черным пламенем рдел прежде прозрачный алмаз; прищурившись, Гарм увидел, как живет, пульсирует, дышит его глубина. Сурт сжал руку в кулак.

— Ты опять за прежнее, Сурт. — Нум, судя по голосу, был раздражен. — Неужели прежний урок ничему тебя не научил? Мало тебе всего прежнего мира, хочешь и остаток Прорве скормить?!

— Смотри-ка, а ты отважился ее имя произнести… — издевательски протянул Гарм.

— Тише. — Одернул его Сурт. — Нум, ты не хуже меня

знаешь, что если бы Несыть пожелала, то ни нас, ни этого мирка давно бы не было. Так что скажи лучше, что просто желаешь любой ценой оставить все, как есть… в покое. Даже если это покой болота.

— Лучше покой болота, чем пустота. — Это сказала Нима.

— Да нет никакой пустоты! Мы закрылись здесь, как испуганные дети в чулане, будто в карман спрятались… Нима, сколько раз я говорил тебе — нет той пустоты, которой вы привыкли бояться. И никогда не было. Есть лишь Несбывшееся и Невоплощенное, что жаждет лишь одного — жизни. И мы можем дать эту жизнь. Или мы не боги?!.. — и Сурт засмеялся.

— Хватит! — Нум шагнул вперед. — Довольно! Зачем ты напитал осколок изначального льда первородным огнем? Никто из нас не решится использовать такую мощь в столь тесных пределах. Ты хоть понимаешь, что одного раскрытия этого камня хватит, чтобы от всего сущего осталась горстка пепла?

— Ты всегда преувеличивал, Нум… и решительностью тоже не отличался.

— Что ты задумал, Сурт? — голос Нимы был тих и печален.

— Открыть Врата… для начала. Потом… вернуть Миру бесконечность. Творить. Разрушать. Скользить по бесчисленным отражениям Сферы. Дети мои… нас удерживают не Врата, но постыдный для богов страх.

Тишина заполнила залу. Боги стояли молча, не глядя друг на друга. Мир замер, ожидая решения своей судьбы.

— Гарм. — Сурт кивнул сыну, — Сын мой, открывай Врата — насколько сможешь. Я помогу.

Гарм улыбнулся отцу в ответ. Он, стоящий у Восточных Врат, менее всего был похож на бога. Его шутовские одежды были насквозь промокшими, с длинных светлых волос все еще капала вода, на лице красовался рисунок, сделанный ядовито-красной краской, охватывающий глаза, скулы и часть лба. Босые ноги нетерпеливо переминались на холодном каменном полу. Не обращая на застывших напротив родичей ни малейшего внимания, Гарм достал из подвешенных на низком поясе ножен длинный, узкий кинжал и одним резким ударом вогнал его в дверную щель. А потом, не заботясь ни о том, хватит ли его сил на такое деяние, ни о том, что может ожидать их всех за пределами Врат, Гарм принялся поворачивать кинжал. Как всегда, ведя заклятие, он пел. Сейчас его голос, и без того низкий и терпкий, приобрел тембр и звучание земных недр, разрываемых землетрясением… грома, сотрясающего небо после месяца жестокой засухи… И двери, казалось бы, закрытые безнадежно, подались. Застонал замок, трещина побежала по его дужке…

Голос Гарма дрогнул на секунду, молодой бог пошатнулся — и устоял. И не прервал заклятия, не отпустил рукоять кинжала, продолжая поворачивать ее, раздирая, уничтожая прежние охранные чары.

— Фенри! Спасай брата! — Нима успела крикнуть это за долю мгновения до того, как…

Как выросшая из ее пальцев осока, острая и гибкая, как бритва, полоснула богиню по тыльной стороне руки. Нима взмахнула рукой и тяжелые, пахнущие полынью, багряные капли слетели с травяных лезвий и упали на лицо Гарма. Несколько выкрикнутых слов довершили проклятие — ее старший сын замер и с еле слышным стоном бессильно опустился на каменный пол.

— Ну же! Уноси его! Прочь! — Нима толкнула Фенри к брату. Фенри подошел к проклятому, принял его на руки и неверными шагами отошел к стене. Было видно, что он не верит в реальность происходящего, как ребенок пряча взгляд от пугающего зрелища. Только что его мать прокляла его старшего брата — кровь Нимы отняла у Гарма все его силы, низведя молодого бога до уровня какого-нибудь жалкого привидения или малютки эллила.

— Сурт. Отдай камень. — Нима хрипло перевела дыхание. — Отдай.

— Нет. — И прежде, чем богиня успела хоть что-то сделать, Сурт ударил свободной рукой по рукояти кинжала. Замок с неправдоподобно гулким, ватным стуком упал на пол. Скобы засова еле держались в стене.

Нум напал на Сурта первым; но если когда-то они бились один на один, то теперь бок о бок с ним нападала сестра.

…Фенри не любил летать на сотворенных крыльях, растущих на спине; он всегда предпочитал перекидывать в могучие орлиные крылья собственные руки, чтобы наслаждаться полнотой полета, чувствовать ветер, ворошить облака. Но сейчас ему пришлось воспользоваться именно сотворенными крыльями, ибо на руках он держал брата. Фенри еле успел покинуть залу Восточных Врат — вернее сказать, его попросту вышвырнуло в небо.

Сурт, не дожидаясь, пока брат с сестрой обессилят его, понимая, что воспользоваться камнем так, как было задумано, он не сможет — но и не желая растрачивать накопленную мощь на то, чтобы уничтожить противников, — попросту избавился от него. Он швырнул камень вверх… пробив крышу Восточной Башни, тот со свистом ушел в облака.

Сурт еще успел отразить удар Нума, но вот чары Нимы ударили по нему, вскользь задев дверь. Но этого вполне хватило, чтобы обрушились скобы, роняя тяжеленный засов. Врата стали

отворяться.

Что происходило в башне, так и осталось неизвестным. Столкнувшиеся в ярости силы богов могли только разрушать. Фенри, крепко прижимая к себе безжизненное тело брата, сделал шаг назад — и, подхваченный воздушной волной, краем глаза успел увидеть, как рушилась башенная стена. Он завис в воздухе, переводя дыхание и пытаясь хоть что-то сделать здесь, где все, кроме него, уже сказали свое слово. Но было поздно. Дом богов рушился. Из его глубин начала подниматься огромная воронка смерча, готового поглотить все сущее. И тут до слуха Фенри донесся слабый крик:

— Спасайтесь!

Фенри готов был поклясться, что это были голоса его отца и матери. Не раздумывая ни секунды, он развернулся и изо всех сил поспешил прочь, унося брата и самого себя от места беды.

У самого южного края земной тверди силы Фенри иссякли. С трудом взмахивая крыльями, он опустился на пустынном берегу, поросшем степными травами, не отмеченном никакими следами обитания живых существ. Мягко, почти нежно уложил тело брата на теплый, сухой травяной ковер. Гарм был нехорошо, иссиня бледен, там, куда попали капли крови Нимы, багровели ожоги, дышал он медленно и вяло. Фенри сел рядом, уложив голову Гарма себе на колени, и призадумался. Ну вот, все же ему придется сказать свое слово. Так уж получилось, что он единственный уцелел в этой нелепой, самоубийственной схватке. Последний из Богов Прежнего Мира… Что с того, что Гарм еще жив? Даже если он очнется, то вряд ли его сил достанет, чтобы хоть крохотный дождик вызвать.

Гарм… неуемный, непоседливый, вечный шалопай и озорник, чьи шутки порой граничили с оскорблением (Фенри вспомнил осу, засунутую в его перчатку… дохлого вонючего спрута, подвешенного под потолком его комнаты вместо люстры…), но кто неизменно брал на себя вину за все их общие проделки. Гарм… постоянно щеголявший пятью минутами старшинства, показушник и похвальбишка, бессовестно использовавший доверчивость брата, — он всегда защищал Фенри, исправлял все его ошибки, а если и сердился по-настоящему — то быстро прощал. Гарм. Последний из Богов, в котором тлела искра крови Хакона. Дух противоречия. Беспокойство и сомнение. Ему только дай волю, он все с ног на голову поставит, чтобы убедиться — а не лучше ли так? Все накопленное растранжирит, пустит по ветру все семейное золото, чтобы полюбоваться — а красиво ли летит? Ни покоя с такими, ни уверенности… и веры таким тоже нет. Гарм Разрушитель. Как же спокойно будет без тебя…

— Брат, что делать-то будем? — растерянно спросил Фенри, глядя на непривычно спокойное лицо Гарма. Сколько раз задавал он ему этот вопрос… Боги, рожденные в Обитаемом Мире, наделенные могуществом и силами, слишком часто слышали от старших богов о великолепии и безмерности Прежнего Мира — немудрено, что их обиталище стало казаться им тесным. Особенно Гарму. От скуки братья нередко совершали выходки, недостойные не то что богов, но даже и магов средней руки. А потом и звучал тот самый вопрос.

Сейчас Фенри предстояло решить, что же для него важнее — воля матери или жизнь брата. Он понимал, что если решится снять проклятие, то в лучшем случае утратит значительную часть своих сил, рискуя угаснуть совсем. Каково это для бога — умереть?.. Или остаться одному? Один мир — один бог. И никто не помешает хранить его покой…

Фенри наклонился к брату, отвел с его лица все еще влажную прядь волос, погладил холодную щеку. А потом медленно, но не раздумывая, достал свой кинжал — близнец гармова, оставленного в Восточных Вратах, — и обвил левую руку спиральной, поднимающейся от локтя к запястью, нитью пореза. Встал на колени над телом Гарма, опустил руку так, что пальцы замерли невысоко над еле дышащей грудью. В воздухе запахло полынью.

Кровь капельками стекала по пурпурной линии и сбегала вдоль пальцев, замирая на их кончиках.

— Гарм! Прими мой дар!.. — и Фенри роняет искупление на грудь брату, отдавая ему свои силы, свое могущество и власть.

Падают капли, светло-карминные, пахнущие свежо и пронзительно — молод еще отдающий их бог. Молод и нерасчетлив. Не замечает, как подкрадывается к нему самому серая бледность, вползая все выше по его щекам, как карабкается по его рукам слабость. Плечи Фенри дрожат, странно блекнут блестящие волосы цвета грозовой тучи, лиловеют губы.

— Хватит! — кто-то перехватывает окровавленную руку и Фенри падает без сил. Но не на землю, а в объятия Гарма. Тот еле успел приподняться, встать на колени — и обнять брата, поддержать его, не дать упасть.

— Дурачок… — все еще тяжело дыша, Гарм крепко обнимает Фенри. — Зачем мне столько… Куда я без тебя…

Позже они сидят на краю обрыва, свесив ноги и изредка швыряя в воду камешки. Оба бледны и невеселы.

— Сколько у нас осталось? Ты как думаешь? — спрашивает Фенри.

— Ну… я так думаю, поровну. Пара огрызков… — и Гарм

усмехается.

— Что будем делать? Огрызки или нет, но мы все еще боги. — И Фенри морщится, неловко задев левую руку.

— Я домой. — Гарм швыряет камешек далеко-далеко.

— Зачем?

— Посмотреть, что там осталось — и что сталось. Ты со мной?

— Пожалуй… да.

Когда боги возвращаются на место их прежнего дома, то вместо океанских волн их встречает пустыня. Сами развалины переместились вглубь континента. Прежние леса обернулись цепью ржавых скал, крошечные оазисы, прячущиеся в бескрайних песках, — вот все, что осталось от волшебных садов Нимы. На месте прежнего дома — жуткий каменный остов скалит выщербленные клыки, не мигая, смотрит провалами бывших дверей и окон. От него веет смертным холодом; даже боги не решаются вот так сразу подойти к нему.

Гарм и Фенри выбирают местечко возле ржаво-красной скалы, садятся прямо на песок.

— Вряд ли этим все закончится, — Гарм кивает в сторону развалин, — слишком много силы пролилось зазря. Чувствуешь? Земля напитана ядом …интересно, что она породит?

— Не знаю. — Мрачно смотрит себе под ноги его брат. — Дурное место. Сердце зла.

— Сердце зла? А что, неплохое название… особенно на шаммахитском. Арр-Мурра. Так и назову.

— Зачем? Ты же знаешь, мы даем имена только тем местам, где живем сами.

— Значит, я буду жить в Арр-Мурра. — Гарм подмигивает брату.

— Твоя воля… — Фенри тяжело вздыхает, но он не особенно удивлен. С самого начала он предчувствовал, что его брат останется здесь. — Ты… остаешься?

— Да. А ты?

— А я ухожу. Не по мне все это. Отец с матерью друг друга поубивали… мать тебя прокляла… дядя мне вслед молнией шаровой запустил — из-за тебя, наверно. Нет, брат, я в такие игры более не играю. Хватит.

Фенри встает и задумчиво оглядывает себя. Потом встряхивает кистями, будто воду разбрызгивает, — и весь его внешний облик меняется. Исчезает черная строгая одежда, двузубый венец… вместо них появляются широкие, яркие одежды, а волосы сами собой заплетаются в бесчисленные косички, перевитые серебряными колокольчиками. Бог переступает босыми

ногами и колокольчики заливаются тихим, щекочущим смехом. На лице Фенри появляется довольная улыбка.

— Так-то лучше. Знаешь, Гарм, я, пожалуй, имя тоже сменю. Прежнее мне теперь не по рангу — силы не те, так возьму какое позвонче… почуднее…

— Почуднее — это на старосуртонском… — Гарм одобрительно смотрит на брата.

— Хорошо. Пусть будет… Лимпэнг-Танг!

— Лимпэнг-Танг? Динь-Дон?! Трень-Брень?! — смеется Гарм. — Ничего себе имечко для бога…

— Это ты от зависти. Звон беспечального колокольчика — самое лучшее имя для бога шутов и артистов.

Лимпэнг-Танг, улыбаясь, смотрит на брата. Он похож на студента, сдавшего ненавистные экзамены и готового удрать на каникулы.

— Я приведу в мир шутов и немного веселья. У меня будут лучшие артисты… я смогу танцевать вместе с ними. Довольно мы докучали Кратко Живущим нашим могуществом. Вот ведь скукотища… А ты, Гарм?

— Я? — Гарм встает. — Я же сказал. Мое место здесь. И имя мое останется прежним. Что силы? Восстановлю как-нибудь.

— Что же ты будешь делать здесь, в Арр-Мурра?

— Искать выход. Восточные Врата нельзя разрушить… Да и камень отцов поищу. Одним словом, буду доигрывать один.

— Решение, достойное бога… — братья смотрят друг на друга и смеются. Что-то произошло с ними после падения дома богов, будто надломилось что-то. Они ни слова не говорят о бесследно исчезнувших родителях, память о прежних днях покинула их. И, продолжая любить друг друга, они тем не менее расстаются легко и беззаботно, признавая право каждого на свой путь. Один уйдет в мир Смертных, чтобы развлечься самому и развеселить почитающих его. Другой — останется в проклятой земле, искать выхода за пределы мира; он по-прежнему считает его клеткой и сделает все, чтобы разрушить ее и обрести свободу.

Братья обнимаются… и расходятся. Лимпэнг-Танг доходит до расщелины в скале и исчезает. Гарм, помедлив минуту, направляется прямо к развалинам. Песок гасит звук его шагов; тень полуразрушенной стены накрывает бога, меняя его облик. Исчезают пестрые краски одежды, стираются рисунки на коже… теперь Гарм одет в черное, просто и строго, светлые волосы стянуты в хвост и спадают тремя косами на спину. Когда он ступает на высокий каменный порог, за плечами его появляются два меча. Гарм прижимает правую руку к груди и легко кланяется, будто приветствует кого… и входит в дом.

— …Что тут скажешь… неплохо, мальчик мой, неплохо. — Старик ободряюще улыбнулся. Мальчишке, к которому были обращены и слова, и улыбка, было лет двенадцать. Он сидел напротив старика прямо на земле, уже успевшей промерзнуть ко дню Самайна, но замерзшим не выглядел, хотя волосы его заиндевели.

— Немногие удостаиваются чести обрести такое полное и осмысленное видение в свой первый транс. — Старик присел рядом с мальчиком, спрятал руки в просторные рукава. — Я тут уже с полчаса стою, за тобой наблюдаю.

— Мастер, а откуда вы знаете, что мне привиделось? — мальчишка кашлянул, стараясь, чтобы голос его не казался совсем уж осипшим.

— Да уж знаю… — важно кивнул головой его собеседник, — тут многое значимо. Как ты дышишь. В какие цвета аура окрашивается. Как выходишь из транса. Так что ты толком успел увидеть?

— Многое. — Несколько недоумевая, ответил юнец. — Историю Прежних Богов… божественных Близнецов. Падение дома Богов… — он шумно выдохнул. — Уф, неразбериха какая в голове. Будто лоскутное одеяло собирал… какой лоскуток — куда…

— Ну-ну… разберешься потом, успеешь. Ты как сам-то? — поинтересовался старик, прищурив глаза.

— Ну… прямо сказать — не слишком. — Паренек с трудом приподнялся, ноги его совсем затекли, а то и примерзли к земле. Мальчишка все же встал, пошатнулся… и упал. Но не сам. Ему помогли. Тот самый старик, в котором он признал своего наставника, мастера-шамана. Он подсек парнишку под ноги, опрокинул лицом вниз, споро скрутил затекшие орочьи руки, забил в рот кляп.

— Так-то лучше. Для меня, конечно. — Голос старика резко изменился, в нем появились свистящие, хищные нотки и горловое прищелкивание, отличавшие голоса подгорных крыс.

Происходившее дальше показалось орку (кстати сказать, звали его Ульфр и он готовился стать шаманом, заменив после всех надлежащих испытаний прежнего, старого мастера — именно его облик и приняла крыса) диким сном. Его вздернули на ноги, грубо, не церемонясь, пинком подогнали к вековой сосне и принялись приматывать его к холодному, шелушащемуся стволу.

Это испытание (которое, к слову сказать, Ульфр прошел несказанно удачно — если, конечно, не считать финала)

проходило в удаленном от поселения месте, уединенной котловине, скрытой в предгорьях Края Света. Здесь никто отродясь не жил, поскольку среди орков не было принято строить дома возле капищ и прочих не слишком уютных мест. Будущий шаман удалялся сюда один, наставник сопровождал его только до поляны, где неофит должен был постигать судьбы мира, погрузившись в транс (это достигалось довольно просто — мальчишка должен был просидеть здесь всю священную для орков ночь Самайна, когда иссякала светлая половина года и всходила на престол темная… в темноте и холоде, обнаженный по пояс, покрытый сетью ритуальных порезов — девять на груди, двенадцать на спине и двадцать четыре на руках, на каждой по дюжине… только и всего). Мастер приходил уже под утро, присмотреть за возвращающимся из запредельных областей учеником, в случае чего, помочь дойти до ближайшего жилья. Или похоронить.

Так что на помощь Ульфру рассчитывать не приходилось. Что задумали крысы, понять было нетрудно — уж явно не за советом они к нему явились. Непонятно, откуда они вызнали об удивительных способностях будущего шамана, грозивших превратить его в погибель крысиного племени, но — не так это и важно, особенно когда стоишь, намертво прикрученный к дереву, еле живой от холода и потери крови, все еще ошалелый от принятых видений. Ульфр встряхнул головой, осмотрелся. Старик оказался не единственным, посетившим капище. На поляну, воровато оглядываясь, поводя носами, вышмыгнули три крысы, все как на подбор — крепкие, поджарые, крепкозубые. С такими не всякий взрослый орк справится — в одиночку, разумеется. Ульфр мысленно застонал. Ясное дело, они его сейчас порешат. Как не хочется-то. Ну никак не хочется.

Крысы явно не собирались откладывать дело в долгий ящик и обставлять смерть мальчишки какими-то особыми церемониями; но и просто перерезать ему горло они не хотели — слишком скучно. Они обложили ноги Ульфра заранее приготовленными вязанками сухого хвороста, подожгли его. Легко взвился белесый дымок, еле различимый в серо-молочном предутреннем сумраке. Крысы, сев кружком вокруг привязанного, в предвкушении скорой трапезы поводили носами, щерили острые блестящие зубы. Чуть прожаренное орочье мясо, сорванное с еще живой, визжащей, трепыхающейся добычи — что может быть лучше…

Ульфр, почуяв жар, подбирающийся к босым ногам, подобрался, сжался в комок, чувствуя, как терзают изрезанную кожу грубые веревки. Все плыло у него перед глазами, стволы сосен превращались в колоннаду, уводящую его дух вглубь дома

Богов, клочья тумана, повисшие на кустах, представлялись орку шелковыми платками, которые обронили феи, напуганные несносными близнецами… Внезапно зрение его прояснилось, обострился слух, все ощущения стали ясны и четки до боли. И Ульфр будто нырнул в колодец памяти — своей собственной, своих предков, своих сокровников. Глубокий колодец, стенки которого покрыты капельками крови.

«… я буду служить тебе, твоему роду… дам силы выжить там, где погибнет даже надежда…»

Ульфр почувствовал, как шевельнулся на его груди камень — его называли алмазом темной крови, и мальчишка получил его от отца, в тот самый день, когда отправился в обучение к шаману. Орку не понадобились слова, чтобы они с камнем поняли друг друга. Веревки Ульфр порвал так, будто это были гнилые нитки. Презрительно оглядел застывших в недоумевающем ужасе крыс и вместо того, чтобы бежать, раскинул руки, выпуская силу, томившуюся в прозрачной черноте камня. Огонь, вырвавшийся из алмаза, шел стеной высотой в рост велигоры; сам же Ульфр так и остался в самом сердце пламени.

Поляну выжгло в полминуты; пламя, пожрав крыс, постепенно вернулось к Ульфру, будто втянувшись в камень, висевший на его шее. Орк стоял, опустив голову, дыша ровно и спокойно. Почувствовав на опаленной, покрытой сетью запекшихся кровью порезов коже первые осторожные солнечные лучи, он поднял навстречу им лицо. И открыл глаза — серебряные, перерезанные узким веретеном черного зрачка.

Так шаман Ульфр стал родоначальником клана Крысоловов. Благодаря его удивительным способностям постигать все повадки и хитрости крыс, выслеживать и настигать их в темной тесноте подгорных коридоров, орки наконец-то стали одерживать верх в борьбе, длившейся уже сотню лет. Дети Ульфра унаследовали его дар, передав его своим детям. Крысоловы больше и выше всех чтили день Самайна, и именно от них пошла у народа темной крови традиция разжигать первой ночью темной половины года высокие костры и славить богов.

Глава третья. Танцовщицы Нимы

— А ты все такая же лысая, как я посмотрю?

— И по-прежнему нет конца твоему носу…

Обменявшись такими словами, две молодые женщины рассмеялись и принялись обниматься. Они прибыли в храм Нимы самыми последними — Гинивара потому, что путь из Нильгау не близок и не легок, Амариллис потому, что задержалась в доме аш-Шудаха, уж очень приветливо ее там встречали.

В комнате уже сидели их подруги, коротая время в беседе с госпожой Эниджей.

— О боги… будто и не было этих четырех лет. Надо же, ведь никто не изменился!.. — И Эниджа встала, чтобы обнять опоздавших учениц. — Ну что, девочки… ступайте в вашу комнату, она свободна. Располагайтесь, отдохните с дороги — и марш в малый зал, встряска вам не помешает. Завтра вам предстоит танцевать для самой Нимы и я хочу проверить, на что вы потратили эти четыре года.

— А я научилась делать вот так… — и Муна, дурачась, принялась преувеличенно страстно изгибаться в самой непристойной разновидности шаммахитского танца.

— Браво. — сдержанно усмехнулась Эниджа. — Только богине это вряд ли понравится, да и грудь у тебя маловата для таких плясок. Да, и сделай-ка полсотни «закатов-рассветов», а то бедра совсем невыразительны… вихляются как ножки у старого стула. И нечего хихикать, девочки, я сама спущусь к вам в зал и уж поверьте, всем вам хватит… моего внимания.

Смеясь и болтая, собравшиеся проследовали памятной дорогой в свою старую комнату, на протяжении двух лет бывшей их пристанищем. Муна заранее причитала по поводу последствий полусотни «закатов-рассветов», упражнения, которое в свое время заставило ее не раз глотать слезы от боли в каменеющих от напряжения мышцах.

— О Нима Сладкосердечная!.. Как сейчас помню — носки вывернешь наружу, колени разведешь и приседаешь… мееееедленно… и поднимаешься… еще мееееедленнее! И спина прямая! И руки как крылья! О боги! — и северянка застонала, прикусив губу.

Ксилла — все та же фарфоровая статуэтка, маленькая драгоценность. Лалик, сердечная подружка, похожая на розу, горячую от полуденных солнечных лучей. Гинивара, потерявшая некоторую угловатость и резкость… видимо, общение с лианами пошло ей на пользу, научив мягкой гибкости. И Амариллис.

Она поднималась по широким ступеням и ей казалось, что дорога, по которой она идет вот уже два десятка лет, вдруг резко свернула, замкнулась в круг, привела ее назад, обманув само время. Будто и не было ничего. И только вчера аш-Шудах привел ее в школу танцев. И все у нее впереди — годы учения, первые выступления, погоня за славой. Амариллис забыла о том, что все это у нее уже есть. Особенно слава. Она глянула на подруг — все они улыбались, безотчетно и робко, как ученицы.

Комната, в которую поднялись танцовщицы, встретила их теплой простотой и воспоминаниями. Они оглядывались, качая головами и вздыхая. Кому-то из них она казалась когда-то верхом роскоши, другие, напротив, удивились скромности обстановки. Кровати, застеленные шелковыми расшитыми покрывалами, шкафчик с книгами, зеркала повсюду… Гинивара решительно прошла к своей постели и повалились навзничь, со вздохом облегчения, столь естественным после долгой дороги.

— Вот ведь чушка нильгайская… — Амариллис увернулась от метко брошенной туфельки. — Нет чтобы искупаться сначала…

— Успеется. Уж лучше я полежу, а то Эниджа как примется нас гонять, сто потов сойдет.

Дорожные сундуки приехавших уже были расставлены возле их кроватей, а поверх покрывал была предусмотрительно разложена простая пара — туника и шаровары — в которой занимались танцовщицы школы Нимы.

— Неужели это наши костюмы? Ох, боюсь, я в свой не влезу… — Лалик с опаской примерила пояс шаровар к своей талии. — Ну вроде ничего… надеть-то надену, а вот танцевать в ней…

Они усаживались на свои кровати, разглаживали светло-желтую ткань костюмов, переглядывались, пересмеивались; повзрослевшие девочки вернулись к прежним игрушкам…

— Ну, девчонки, рассказывайте же! — потребовала Лалик, как только танцовщицы расположились на отдых. От нетерпения она ерзала на диванных подушках, будто набиты они были не гагачьим пухом, а кусачими муравьями. — Начнем с тебя, Ксилла. Мне ан-Нуман говорил, что ты любимая танцовщица императора, других он и видеть не желает. Так сколько перед тобой шестов несут?

…В Суртоне, где жизнь была переполнена ритуалами и условностями, этот обычай был одним из самых древних. Жены влиятельных и богатых людей выходили их своих домов крайне редко, но уж если такое случалось, то выход в свет обставлялся со всей возможной пышностью. Госпожу несли в роскошном открытом паланкине, одета она была как храмовая статуя — так

много было на ней драгоценностей, а платье не гнулось от тяжелой вышивки. Но ведь всех нарядов сразу не одеть! И дюжину серег в уши не вдеть, и больше пяти колец на палец не нанизать. Такая вот досада. Но суртонских красавиц она не донимала. Потому как существовал обычай, согласно которому перед паланкином с хозяйкой всего этого великолепия шли парами слуги, неся нутановые шесты, на которых были развешаны все-все наряды, шкатулки, в которых были разложены все-все драгоценности… Но, поскольку у суртонских вельмож на содержании бывало до десятка жен и несколько наложниц в придачу, то обычно хватало пары-другой слуг. Редко когда их было шестеро. Но все равно зрелище было впечатляющее.

— Так сколько? — любопытство переливалось в глазах Лалик радужной пленкой.

— Одиннадцать. — Скромно опустив ресницы, ответила Ксилла. — Пять шестов и шесть шкатулок.

Подруги только ахнули.

— Вот это да! — Лалик даже рот приоткрыла от изумления. — Ай да тихоня!.. Пожалуй, мне стоит рассказать об этом ан-Нуману, ежели ему придет в голову сопротивляться в ювелирной лавке.

— А что, он сопротивлялся? — посмеиваясь, поинтересовалась Гинивара.

— Да разве он посмеет!.. — и Лалик рассмеялась. — Теперь ты рассказывай.

Гинивара пожала плечами.

— У нас не принято рассказывать подробности о жизни храма. Скажу только, что верховный жрец мной доволен, доверяет мне главные партии утренних ритуалов. Вечерние мне пока не по рангу.

…Она говорила неторопливо, с усилившимся нильгайским акцентом. Рассказывала о красотах храма Калима — большей частью то, что и так было известно, о чудо-платьях из цветочных лепестков, о венках, расцветающих на головах танцовщиц, если богу оказывается угодно их искусство. Амариллис смотрела на нее и вспоминала рассказы Хэлдара — там был совсем другой Нильгау, и храм другой, где цветы не украшали, а душили. А Гинивара, не прерывая рассказа, раскрыла одну из своих дорожных сумок из толстой кожи, вынула из нее четыре свертка и принялась раздавать их подругам.

— Подарки! — и Ксилла заулыбалась и потянулась к собственным сундукам. Как и остальные девушки.

Гинивара привезла подругам статуэтки, мастерски вырезанные из душистого розового дерева. Все они изображали

обнаженную по пояс девушку, стоящую в чашечке диковинного цветка, запрокинув голову и прижимая руки ладонями к груди в молитвенно-страстном жесте.

— Послушай, это же ты!.. — стреляя глазами от подарка к дарительнице, сказала Муна. — И жест это твой, ты им выпускной танец завершала.

— Может, и так. — Не стала спорить нильгайка, улыбаясь краешками губ. — Мастер волен в своих творениях. И я не могу запретить ему…

— Восхищаться собою. — Закончила за нее Муна. — Бедняга, мне жаль его. Девочки, это вам.

И она достала четыре серебряных зеркала. Небольшие, удобно укладывающиеся в футляры из тисненой кожи, не темнеющие, не пачкающиеся, превосходно отражающие — незаменимая в дороге вещь. Сбоку к футляру крепилась деревянная расческа, такая, от которой волосы не разлетались цыплячьим пухом, не цепляющая спутавшиеся волоски, ласковая и осторожная.

— Спасибо, Муна. Мой господин любит смотреть, как я расчесываю волосы… — Ксилла лукаво прищурила глаза, — А теперь моя очередь.

Маленькая суртонка аккуратно извлекла четыре легких деревянных коробки, раскрыла одну из них и потянула вверх какое-то невесомое, позванивающее переплетение шелковых нитей и фарфоровых фигурок.

— Поющие ветра. — Пояснила Ксилла. — Повесьте их в своей спальне и сон ваш будет сладок и спокоен, и воздух всегда будет свежим… конечно, если вы не забудете открыть окно. Не бойся, Амариллис, они очень прочные, мастера бросают их на каменный пол, прежде чем вплести в шелковые тенета. А еще они не спутываются. Как это получается, я не знаю. Вот, держите.

И она протянула Гиниваре переплетение пышных цветов, Лалик — золотистые звезды, Муне — белоснежные снежинки, а Амариллис — колокольчики и капли… не то дождя, не то слез. Девушки покачивали на вытянутых руках легкие, удивительно красивые никчемушки-безделушки, улыбаясь и благодарно кивая Ксилле.

— Наши подарки немного похожи. Твои на пол швыряют, а мои о камень колотят. — И Лалик вылила — иначе не скажешь — на колени к каждой из подруг шелковистый, переливчатый, шелестящий поток ткани. Это были настоящие шаммахитские покрывала — сотканные из тонких шелковых нитей, расшитые яркими солнечными узорами, эфемерно тонкие, полупрозрачные… На деле же это великолепие, по завершении

всей работы, завязывали в узел, опускали в холодную воду Лаолы, а потом со всей силы колотили о прибрежные камни. Скручивали жгутом и снова — в воду и о камни. И так много раз.

— Поэтому вы можете не боятся порвать их или повредить узор, — поясняла Лалик, — дочкам по наследству передадите. Или невесткам подарите.

— Еще чего! — заявила Муна, обернув плечи зеленовато-голубым шелковым льдом. — Себе оставлю, духов в посмертии обольщать.

Настала очередь Амариллис. Помедлив, она достала небольшую шкатулку, открыла ее и глянула на подруг.

— Я долго не могла решить, что же подарить вам. Мне хотелось подарить что-нибудь такое, что будет напоминать нам о прежних годах, о школе… — и она вынула пять одинаковых медальонов черного золота на тонких цепочках. Четыре раздала подругам, пятый оставила себе.

В кольцо подвески была заключена фигурка обнаженной девушки, выполненная с необыкновенным для украшения мастерством. Девушка стояла, вытянувшись, поднявшись на носках и раскинув руки, словно балансируя на тонком золотом ободе. Она была похожа на натянутую струну, ждущую прикосновения пальцев музыканта; казалось, она пробует пол, готовясь сделать первый шаг.

— Амариллис… ты с ума сошла, это же черное золото… — ахнула Лалик.

— Золото ерунда, старый лис Гэлвин всегда мне потакал. А вот уговорить эльфа-ювелира — это даже мне пришлось постараться. А ведь стоило, правда?

— Да уж… — Муна держала медальон перед глазами, восхищенно рассматривая ученицу Нимы.

— У нас в Суртоне принято, что одинаковые украшения носят только сестры… это чудесный подарок, Амариллис. — И Ксилла, застегнув на шее замочек цепочки, опустила кольцо подвески на грудь.

— Таких подвесок на весь Обитаемый Мир всего-навсего пять. Мастер обещал мне никогда не повторять их, а значит — наши единственные в своем роде… как и их хозяйки. Если ко мне придет кто-то с медальоном танцовщицы Нимы, я сделаю для него все, что смогу — как если бы меня попросила родная сестра. — Амариллис улыбалась, но тон ее был серьезен.

— И я. — Кивнула ей Муна.

— И мы все. — Гинивара провела пальцами по цепочке, ласкающим движением обвела контуры украшения. — Ты умница. Даришь нам память и родство. Были и будут и другие дочери

Нимы, но мы, судя по всему, самые любимые.

Долго отдыхать в школе не было принято; от установленных правил не отступили и сейчас. Отведенного на отдых времени девушкам как раз хватило, чтобы перевести дух с дороги, обменяться подарками и самыми неважными новостями, обжигающими кончик языка. Вскоре в дверь постучали и вошедшая Эниджа решительно потребовала, чтобы лентяйки отправлялись в малый зал. Не разжалобили ее ни слезные просьбы дать отдых старым костям Гинивары, ни подарки, с любовью выбранные каждой ученицей для госпожи танцмейстерши. Так и пришлось им вставать, одевать свою старую одежду (на Лалик что-то разошлось с сухим треском…) и спускаться вниз, как четыре года назад, на ходу разминая плечи, потягивая шею и вставая на цыпочки.

— Итак… — и Эниджа обвела танцовщиц требовательным и любящим взглядом, — Посмотрим, насколько вы успели обленитьcя и запустить себя. Муна! А ты что же прохлаждаешься?! Шагом марш к зеркалу. Спину держи и руки не опускай. Лалик. Чем тебя кормят? Пшеничной кашей на меду со сливками? Гинивара, ты не в храме — так что не делай такого важного лица. Легче, девочка моя… А ты, Амариллис, вспомни, что умеешь улыбаться, что лицо скукожила… так-то лучше. Ксилла, ты все та же — опять позволила этим дылдам заслонить себя. А ну-ка, шаг вперед. Начинаем вечерний класс.

И они начали. Сначала улыбаясь и постреливая друг в дружку глазами и легкомысленными замечаниями, а потом со все большей серьезностью и уже молча… а потом на их коже заблестели первые тяжелые капли пота, дыхание утяжелилось. Они служили нежнорукой богине своими телами, ткущими узоры танца, оставляющими в воздухе шлейф трепещущих отражений. Но, так же, как шаммахитские покрывала нещадно колотили о камни, чтобы не поблек их узор и не разорвались их нити, так и танцовщицы Нимы без жалости и с наслаждением выгибали, растягивали и заставляли трудиться свои тела. Прежде чем послужить богине танцем, надобно это право заслужить, потом и болью.

— Пожалуй, достаточно на сегодня. — Эниджа не скрывала довольной улыбки. — Хорошо потрудились… хорошо. Утренний класс как обычно, сначала разминка, потом сами решайте, что и как будете танцевать. Но хочу вас предупредить: танцевать в святилище непросто, и редко когда там приходят на память отрепетированные композиции. Так что лучше поупражняйтесь в импровизации. К тому же Хранители Мелодий вас слушаться не будут, поведут ту музыку, которую выберет для танцовщицы сама

Нима.

— Понятно… — Амариллис перевела дыхание, вытерла рукой со лба капли пота. — Репетировать бессмысленно, музыку подбирать — тоже. Как будет угодно Ниме Мягкосердечной… А как насчет костюма?

— Тот, что на вас сейчас. Ну-ну, не пугайтесь так!.. — засмеялась Эниджа. — Любой, какой выберете. Все равно в святилище его придется снять.

— Это как? — изумилась Лалик.

— А вот так. Девочки, укротите свое любопытство, вы все узнаете, в свой черед. Ступайте, купальня ждет… — и Эниджа указала им на дверь.

В купальне на этот раз было непривычно тихо. Девушки расчесывали волосы, сидя на теплых каменных скамьях, смывали честный пот обжигающе-горячей водой, растирали кожу морскими губками, пропитанными соком мыльного корня, спускались в небольшой бассейн с теплой водой — и все это молча.

— Ох… что-то мне не по себе.

Эти слова Лалик прозвучали почти как просьба о помощи. Все повернулись к шаммахитке, расчесывающей свои косички, похожие на глянцевых черных змеек, и когда она подняла лицо, то на щеке ее были видны следы слез.

— Вы, наверное, скажете, что я дурочка и всегда ею была… Нет, я не спорю, но сегодня мне впервые стало страшно здесь, в школе Нимы. Я вот подумала — а что мы вообще знаем об этом ритуале? Помните, когда первый год нашего обучения был на исходе, тоже приезжали танцовщицы, их было не пятеро, как нас, а только трое.

— Помню. — Отозвалась Муна. — Нас тогда из школы выселили, вроде как на каникулы, в загородный дом Эниджи. Мы все сплетничали, ерунду всякую плели… не знали ничего, вот и выдумывали. Гинивара, ты у нас знаток всяких ритуалов, может, знаешь хоть что-нибудь?

— Не больше, чем ты. — Ответила нильгайка, полируя подошвы розовой пемзой. — Я и родные-то ритуалы не все знаю, потому как не ко всем допущена, а уж эти…

— Вот именно. — Лалик отложила в сторону гребень. — Что мы знаем? Нас вызвали спустя четыре года после окончания храмовой школы. Экзамены сдавать нам поздновато. Хвалиться мастерством? Перед друг другом, что ли? Зачем мы здесь? Амариллис, хоть бы ты что-нибудь разузнала у господина аш-Шудаха… А то как глупые курицы кудахчем — кого в пирог, кого на вертел?..

— Единственное, что я знаю — так это то, что мы будем танцевать в святилище Нимы, куда вход заказан всем, кроме нас. Даже если и опозоримся, никто этого не увидит. И я предполагаю, что ритуал нужен не только богине, но и нам самим. И еще… — и Амариллис, лежавшая на каменной скамье, подняла голову. — Никто и никогда не называл Ниму жестокой или кровожадной.

— Все равно страшно. — Но Лалик уже улыбалась. — Эниджа сказала, что костюмы придется снять. Я так танцевать не привыкла.

— Ах, бедняжка… Тогда каково же придется мне, ведь я последние полгода в шубе танцевала и в меховых сапогах! — засмеялась Муна. — Привыкла, а что поделать — зима в Крагле это тебе не южная слякоть, воздух как жидкое стекло, почти звенит!

— Правда? — доверчивая Лалик округлила глаза. — Так вот в шубе и танцевала? Тяжело же… и неудобно.

— Ничего, привыкла… — тут Муна не выдержала и рассмеялась. — Ну что ты, дуреха! В шубе только медведь пляшет. А для меня залу протапливали… перед некоторыми шесты с нарядами носят, а для других недельный запас дров за день сжигают. — И она подмигнула подругам.

— Может, нам все же стоит подумать о том, что мы будем танцевать для Нимы Нежнорукой? — Ксилла вынырнула из бассейна, уселась на мраморном бортике, отжала воду из тяжеленных волос. Только здесь, в купальне, суртонка иногда позволяла себе первой задать вопрос или быть несколько вольной в словах. — Или это будет как наше первой выступление — готовься не готовься, все одно провал…

— Вот и я о том же. — Лалик завязала волосы узлом и стала спускаться в воду. — Так все хорошо было, устоялось все, улеглось… И на тебе, опять что-то доказывать надо.

— А ты и впрямь разленилась. — Гинивара усмехнулась. — Домашняя толстая кошка. Привыкла перед своим ан-Нуманом задом крутить, танцевать, наверно, совсем разучилась… — поддела она подругу.

— Что?! — И Лалик, зачерпнув пригоршню холодной воды из стоявшего рядом с бассейном ведерка, швырнула ее в нильгайку. — Да я таких как ты десяток перетанцую! Если хочешь знать, я уже через месяц, после того, как малышку Зули родила, упражняться начала! Вот тебе! — И, схватив ведерко, Лалик выплеснула его на Гинивару. А та только засмеялась — Лалик перестала трусить, глаза ее загорелись, спина выпрямилась… этого и добивалась жрица Калима Пышноцветного.

Через секунду в тихой купальне развернулось настоящее

сражение, сопровождающееся визгом и плеском, — танцовщицы похватали ведерки с холодной водой и принялись окатывать друг дружку почем зря. Ксиллу, только-только подсушившую волосы, столкнули в бассейн, на Муну вылили целый тазик мыльной пены для очищения волос. Нахохотавшись, девушки попадали в бассейн и началась обычная купальная болтовня, не омраченная неуверенностью или, тем паче, страхом.

Утро следующего дня девушки провели в зале, вспоминая все танцы, что когда-то танцевали сами или видели в исполнении друг друга. Они так увлеклись, что Энидже пришлось буквально выгонять их на отдых. Когда же наступил вечер и в комнате затопили камин (нынешняя зима даже для Шаммаха была теплой и комнаты протапливали только один раз), в дверях появилась госпожа Эниджа.

— Еще не умерли от нетерпения? Нима ждет вас. Идемте.

Вереницей танцовщицы следовали за своей учительницей. Плотно закутавшись в плащи (не сговариваясь, кроме них они надели только самые простые джеллабы), шли по заснеженным дорожкам сада, мимо живых изгородей и беседок. Поднялись по широким каменным ступеням и вошли в узкую дверь, через которую когда-то, шесть лет назад они вышли из храма в тайный сад и пришли в школу. В зале было темно и тихо. Девушки осматривались, каждая вспоминала тот день, когда впервые перешагнула порог храма Нимы.

— Следуйте за мной. — Эниджа держала в руке светильник. Повернув за колонну, она начала подниматься по винтовой лестнице.

— Мы что, на крыше танцевать будем?.. — шепнула Амариллис Муне, — Холодно же!

Как оказалось, она не ошиблась. Вслед за Эниджей все они вышли на крышу храма, плоскую, огражденную невысокой колоннадой. Строившие храм Нимы избегали резких линий и острых углов, и здесь колонны выстраивались в мягкий овал. Возле того места на крыше, откуда поднялись девушки, полукругом располагались каменные сидения; в противоположном углу находилась статуя Нимы. Богиня держала в левой руке, изогнув ладонь лодочкой, кристалл, похожий на Хранителя Мелодий, только раз в десять поболе, ладонью правой руки она придерживала верхушку камня. Легкое тело Нимы облегало тонкое платье; складки и извивы ткани, искусно высеченные из белого камня, будто развевались под несильным ветром; босые ноги богини замерли — одна чуть впереди — готовые шагнуть, побежать, затанцевать… Выражение лица статуи должно было выражать спокойную приветливость, но в уголках ее

мягко улыбающихся губ пряталось лукавство. Все пространство святилища заливал почти полуденный свет храмовых светильников, наполненных смесью масла, золотой пудры и благовоний. Здесь было совсем нестрашно, и, пожалуй, даже тепло.

Повинуясь жесту Эниджи, девушки встали полукругом, возле сидений.

— Вы будете подходить к богине по очереди, когда она сама вас позовет. Надеюсь, вы помните о том, что одежда вам не понадобится. Ничего не бойтесь и постарайтесь особенно не задумываться… будьте искренни с Нимой Снисходительной — и не пытайтесь обмануть самих себя. Обычай танцевать для нашей богини поможет вам обрести потерянное, вспомнить забытое, исполнить невозможное. Нима заботится о своих дочерях… сегодня вы поймете это сами.

Эниджа подошла к изображению богини и, склонившись перед нею, положила к ее босым ногам гирлянду живых цветов (так вот зачем храму теплицы, как-то некстати мелькнуло в голове у Амариллис). Негромко прочла она слова молитвы, призывающей Ниму, и ободряюще кивнув своим ученицам, удалилась.

Танцовщицы несмело уселись на каменные сидения, едва переводя дыхание и глядя в пол. Ничто не нарушало тишины и уже через несколько минут девушкам стало казаться, что их заливает, заполняет теплый свет; мысли успокоились, дыхание выровнялось. Белый каменный пол, невысокие колонны, каждая увенчанная пылающей чашей, яркие цветочные лепестки у ног Нимы… Над головами пришедших острыми блестками посверкивало холодное декабрьское небо, но здесь похоже сами камни, напитавшиеся солнечным жаром, отдавали его, согревая темноту зимней ночи. Первой встала Гинивара. Она развязала плащ, уронила его на пол, распустила витой шнур, стягивающий ворот джеллабы, и выскользнула из просторной рубахи. Перешагнув ворох ткани, обнаженная танцовщица подошла к богине и замерла в ожидании.

Эта странная, ни на что не похожая одежда появилась словно из воздуха. Ноги танцовщицы от колен до щикотолок и руки — от локтей до основания пальцев — охватили тугие витки белых узких, словно металлических, полос. Бедра стянула повязка, грудь — узкий лиф из таких же лент. Гинивара, уняв дрожь, охватившую все ее тело, резко обернулась. Девушки, увидев ее наряд во всей красе, с трудом подавили возгласы удивления и испуга — чашечки лифа, наколенники, перед набедренной повязки были сделаны в виде человеческих черепов. На шее

нильгайки белело костяное ожерелье, острые, цепляющиеся друг за друга клыки. Бронзовокожая, черноволосая Гинивара, разукрашенная символами смерти и разрушения, предстала перед ними жестокой, не знающей пощады жрицей. Танец ее — по крайней мере, то, что остальные танцовщицы осмелились увидеть, от чего не отвратили испуганных глаз, — был исступлен и агрессивен. Гинивара нападала и разила без пощады. Первое же ее движение — резкий прыжок в сторону, сильно пригнувшись, почти стелясь по полу — заставил бы отшатнуться кого угодно; так прыгает с дерева черная пантера, тугим пряным комком смерти на плечи жертве, повергая ее бархатными беспощадными лапами ниц, без малейшей надежды на спасение. Едва переводя дыхание, Амариллис смотрела на давнюю подругу — сдержанная, насмешливая, проницательная Гинивара, великолепно исполнявшая ритуальные танцы, продуманные, выверенные до еле заметного движения пальцев, металась по крыше храма, как дикий зверь по ненавистной клетке. Взлетев в невозможном прыжке, вдруг падала как подкошенная… чтобы вскочить, застав врасплох, настигнуть и растерзать. Что прятала в себе все эти годы жрица Калима Миролюбивого, что тлело под спудом в ее сердце?..

Когда пронзительная, раздирающая слух музыка иссякла и танцовщицы открыли глаза, то увидели, как их подруга бессильно опускается перед богиней, обнимает ее босые ноги и плачет…

— …потому что нет таких сил, чтобы вынести равнодушие… — доносится до Амариллис.

Выплакав вскипающие, выжигающие глаза слезы, Гинивара возвращается на свое место, набрасывает на плечи плащ и замирает, сцепив руки на коленях.

На Лалик обрушивается золотая сетка, обтягивает ее руки, ноги… а на поясе с веселым звоном сплетается короткая юбочка из тонких золотых дисков. Такие же диски ложатся тяжелым ожерельем, от подбородка до груди. Ее танец оказывается самым простым — будто девочка танцует, не стараясь и не задумываясь. Движения Лалик легки и незамысловаты, но подруги смотрят на нее, не отрываясь — и улыбаются. Муна так даже начинает тихо подпевать кристаллу в руках богини. Улыбается и сама танцовщица; так ей тепло и отрадно живется в этом мире… ее веселье не задевает, оно согревает прикоснувшихся к нему. Но и у Лалик есть что сказать богине; и вернуться, стирая светлые слезы.

Муна становится похожей на морскую царевну — корсаж из веточек коралла, а на руках, от локтя до мизинца — подобие прозрачных плавников. Ноги северянки будто одеты в высокие сапожки, ажурные и многоцветные; приглядевшись, девушки

видят, что это ракушки. Она не сразу начинает танцевать, долго прислушиваясь к музыке. Поначалу плавная и ритмичная, как колыхание волн, музыка вскоре накрывает танцовщицу с головой. Не понять — сама ли морская дева вызвала эту бурю, или же шторм застиг ее врасплох вдали от родных мест… предупреждение ли это, подтверждение ли… Муна танцует, не слушая музыку, не подчиняясь ей — но явно переча, отвергая, пытаясь переломить ее рисунок. Амариллис кажется, что в глазах северянки плещется страх, а взмахи ее рук становятся похожи на судорожные движения тонущего человека… Как бы то ни было, Муна уходит, лишь коротко поклонившись богине, оборвав танец, не доведя его до финала.

Ксилла дольше всех ожидает воли богини. Ее наряд буквально прорастает из нее самой — это перья… маленькие, пушистые на груди и бедрах, длинные, легкие — венчиком на голове, и сильные, маховые — на поднятых руках. Когда суртонка танцует, слышен стон рассекаемого воздуха, и она временами надолго зависает довольно высоко от пола. Поначалу она боится, даже вскрикивает, не чувствуя под ногами пола. Но, мало-помалу, напряженные руки Ксиллы расслабляются… Они видят это: кисть, дрожащая от усилия держать жест любой ценой, пальцы, вытянутые, прижатые друг к другу плотно-плотно вдруг коротко, резко вздрагивают — будто пчела ужалила — и вот уже плывут, движутся мягко, бездумно… как подводная трава. Но все же танцовщица так до конца и не доверяется своим крыльям; она могла бы летать, но предпочитает не отрываться от земли.

Амариллис богиня призывает последней.

Переступить через одежду, будто через сброшенный кокон. Шагнуть раз, и другой навстречу — именно так, себе самой… Амариллис уже догадалась. Посмотреть вглубь искрящегося кристалла. Ждать.

Ждать девушке не пришлось. В ту же секунду ее наряд вспыхнул на ней — короткое, рваное по подолу платье из темного пламени, открывающее плечи. А на шее — ожерелье из обжигающе холодных льдинок… будто взяли воду из самого глубокого и темного омута, промерзавшую до самого дна, да и разбили, а остренькие иголочки и осколки смерзлись в причудливую цепь. Такие же черные ледяные браслеты украшают запястья и щиколотки Амариллис.

…Танцуй, иначе сгоришь… или замерзнешь… Танцуй, иначе остановится твое сердце и вслед за ним солнце вздрогнет — и скатится переспелой ягодой с опрокинутого блюда небес… Если ты помедлишь еще минуту, мир не вынесет этой муки, этого ожидания танца… он истлеет, рассыплется горстью праха на

ветру. Сотвори его из огня и льда, пусть моря его повинуются биению твоего сердца, пусть ветра его родятся от твоего дыхания… Станцуй этот мир, сотвори его — он весь в тебе, так выпусти его, позволь ему быть…

Она начинает кружиться — медленно, плавно, раскинув в стороны руки. Языки пламени лижут ее тело, лед посверкивает на осторожно переступающих ногах. Не прекращая кружения, она вскидывает руки и они словно оживают… рисуют в воздухе узоры созвездий, выпускают из раскрывающихся ладоней россыпи солнц. Вдруг Амариллис замирает, прижав ладони к груди. И, коротко вскрикнув, открывает их дарящим, отдающим жестом, протягивая ввысь зачерпнутый из глубины огонь. Она не торопится. Ей надо протанцевать легкую поступь весны, отстучать дробь торопливого летнего дождика, низко-низко проскользить колючей вьюгой… и упасть осенним листом, кружась и замирая от предвкушения покоя. И снова встрепенуться — змеей, сбросившей кожу, птицей, пробующей ветер крылом, раскрывшимся цветком. И опять терять лепестки, умирать, угасать, иссякать… только для того, чтобы просыпаться, наполняться до краев, расцветать и дарить. Всю себя. И в тот миг, когда она чувствует себя наполненной до краев солнечно-виноградным биением жизни, все, что она отдавала — враз, сполна возвращается к ней. Амариллис останавливается, охватив плечи руками, еле дыша, боясь расплескать, не удержать дарованное…

Потом она, как и другие танцовщицы, вернулась на свое место, машинально набросила плащ. Странно, но Амариллис не могла вспомнить музыку, сопровождавшую ее танец. В святилище вновь воцарилась тишина, девушки сидели молча, даже не переглядываясь. И вот огонь в светильниках начал медленно угасать, тепло, исходящее от каменного пола, стало иссякать, и порыв январского ветра напомнил им, что время ритуала истекло. Танцовщицы покидали храм Нимы. Каждая, прежде чем ступить на ведущую вниз лестницу, подходила к белевшей в полумраке статуе, опускалась на колени, прижималась лбом к камню под ногами богини и — обещала, просила, благодарила…

Спустя несколько минут после того, как танцовщицы Нимы покинули крышу храма, из-за колоннады неслышно вышел человек. Двигаясь легко и бесшумно, он подошел к изображению богини. Светильники, стоявшие рядом с Нимой, почти погасшие, вдруг разом вспыхнули, будто приветствуя незваного гостя. А он спокойно вступил в круг света и учтиво поклонился богине.

— Мир тебе, Нежнорукая…

Это был молодой мужчина, лет двадцати с небольшим;

высокий, длинноногий и при этом довольно широкий в плечах; бледный — но, возможно, в его бледности была повинна черная одежда. Волосы его, забранные в хвост на затылке, спадали на спину тремя светло-пепельными косами. Широкий ясный лоб говорил о том, что пришедший в храм отнюдь не дурак; черты лица, четкие и ясные, вполне располагали к нему. Все бы ничего, если бы не глаза. Прозрачно-ледяные, с черными точками зрачков, создающих впечатление томительного упорства, какие-то спокойно-бешеные… достаточно было заглянуть в них один раз, и становилось понятно, что парень этот — не из тех, кого выбирают в спутники на темной дороге, потому как такой сорви-голова непременно навлечет беду. Определенные сомнения вызывал и рот гостя — тонкие губы, сжатые в упрямую линию… с таким не договоришься, поскольку он и слушать не станет. Из оружия при нем был только два легких меча, крест-накрест за спиной.

— Прости, что явился без приглашения. Как видишь, мои манеры не улучшились. Благодарю, что позволила мне полюбоваться твоими танцовщицами… — он снова поклонился, прижав правую руку к груди, — Кстати, брат, которая из них твоя подопечная? — сказал незваный гость, слегка поворачивая голову влево.

Тот, кого он назвал братом, уже стоял рядом с ним. Слабо светились в темноте белые одежды, и синим огнем горели на смуглом лице глаза.

— Ты ничуть не изменился, Гарм. Появляешься там, куда тебя не звали, и ищешь тех, до кого тебе не должно быть ни малейшего дела.

Названный Гармом склонил голову и развел руками — извините, мол, так уж вышло…

— Как ты сюда попал? — свет синих глаз стал пронзительным, холодным; казалось, два луча выходят из глаз смуглолицего, упираясь в лоб Гарма.

— Обижаешь, брат. Я и в сокровищницу здешнего царька как к себе домой могу войти, не то что в матушкин храм. Охраны здесь никакой… даже странно.

— Ничего странного. — Собеседник молодого похвальбишки повел рукой, пробуждая угасшие светильники, — Об этом ритуале… пожалуй, лучше сказать — обычае, — никто не знает. Иначе бы места за колоннами стоили бы целое состояние, а Ирем внезапно наводнился князьями и королями со всего Обитаемого Мира. Это не зрелище, это таинство.

— Ты все такой же зануда, аш-Шудах. Но объясняешь хорошо. Так кто из них твоя рабыня?

— Что, хочешь перекупить?

— Денег недостанет… Неужели та, морская?.. Боюсь, она плохо кончит, слишком уж непослушна и своенравна.

— Северянки все такие.

— Ну не нильгайка же… такую даже я испугался бы. И не шаммахитка — на такое добро ты вряд ли бы потратился. Маленькая птичка? Трусовата…

Гарм жонглировал предположениями, не отводя глаз от лица аш-Шудаха.

— Здесь ты бессилен, Гарм. — Оборвал его рассуждения маг.

— Зачем же лишний раз напоминать мне об этом прискорбном обстоятельстве. И сам помню. Значит, она… — и он сжал виски тонкими пальцами. — Огонь и лед. Как ее зовут, брат?

— Амариллис. — Аш-Шудах ответил, будто предупредил.

— Красивое имя. И девушка хороша. Ну, не красавица, конечно, но танцует божественно. Я так думаю, матушка ею гордится. Я бы гордился, точно.

— Послушай, Гарм. — Маг прикрыл на мгновение глаза, возвращая им черный цвет. — Зачем ты явился сюда? Испытать в очередной раз мои силы и мое терпение? Помнится мне, нам случалось переведаться… давно это было. Неужто соскучился? — Глаза аш-Шудаха потемнели… исчезли белок и радужка, глаза стали как два провала… там клубилась темнота, иссиня-черная, подобная той, что заключена в самом сердце грозовой тучи.

— У нас договор. Ты не забыл? — Гарм не отступил и говорил спокойно, но как-то весь подобрался, как кот перед прыжком.

— Я ничего не забываю, Гарм. Ничего. Шаммахитская мстительность… — и аш-Шудах, явно передразнивая гостя, будто извиняясь, развел руками.

— Что ж… пожалуй, мне пора. Отвык я от холода, да и матушке надоедать не стоит… — и Гарм поежился от порыва ветра. Он почтительно поклонился Ниме, и удалился так же бесшумно, как и возник.

— Если с ней хоть что-то случится… — аш-Шудах пристально смотрел в сторону ушедшего.

— Ты знаешь, где меня искать. — Ответил мрак откуда-то из-за колонн; затем послышался звук легкого прыжка, прошелестели почти неслышные шаги… и затихли.

— Что ему нужно от нее? — спрашивавший подходил к аш-Шудаху так же легко, как убегал только что ушедший, но отнюдь не так неслышно. Каждое его движение сопровождал легкий, мелодичный звон колокольчиков, которыми были перевиты его волосы.

— Так-так… Все братья в сборе… были. — Аш-Шудах

усмехнулся, поворачиваясь навстречу Лимпэнг-Тангу. — Давно ты тут?

— С самого начала.

— И ты его не заметил?

— Нет. Впрочем, он и в детстве всегда меня обыгрывал в прятки. Так что ему нужно?

— Ты слышал весь наш разговор. И, как всегда, предпочел в нем не участвовать.

— Не надо меня упрекать. — Лимпэнг-Танг отвернулся. — Это мой выбор, и я верен ему. И да не наступит тот день, когда я буду вынужден изменить себе.

— Что, тогда нам всем не поздоровится? — усмехнулся аш-Шудах.

— Именно так. Как ты думаешь, брат, каков будет мир без радости? Что станется с ним, если никто не будет посылать ему хоть немного веселья?

— Не знаю, но жить в таком мире я бы не хотел. Ты-то зачем тут?

— Как зачем? Я так разумею, Амариллис скоро покинет мою труппу. Вот, хотел приглядеть новую танцовщицу.

— И как? Приглядел?

Лимпэнг-Танг вздохнул и, качая головой, рассыпал в морозном воздухе пригоршню серебристого звона.

— Увы мне… Я думал, Муна согласится вернуться, она уже проводила сезон вместе с моими детьми. Но я боюсь, она навлечет несчастья на труппу, уж очень злая у нее судьба. А остальные девушки слишком привязаны к своим родным местам.

— Может, Гинивара?

— Не имею привычки отнимать жриц у других богов. А ну как обидится? Да и вряд ли у нее получится, ее зрители привыкли молиться, мои — наслаждаться.

— Она очень талантлива. И я не думаю, что она вернется домой, в храм Калима. Устала молиться и тоскует по радости… возьми ее. Не пожалеешь.

Лимпэнг-Танг внимательно посмотрел на мага.

— Только при одном условии. Костюмы ей буду подбирать я сам! — и засмеялся.

После ритуала танцовщицы прошли в свою комнату и — все как одна обессиленные, переполненные и опустошенные одновременно — почти что упали в постели с одной лишь мыслью — спать… Проснулись они поздно, чуть ли не за полдень. Разбудила их Эниджа.

— Будет вам спать… вставайте. Марш в купальню, а потом милости прошу ко мне. Мой повар начал заготавливать сладости

для вас неделю назад, и успел столько их наделать, что даже Лалик хватит.

Покои госпожи Эниджи отличались от подобных им комнат в богатых домах разве только нетипичной для Шаммаха цветовой скромностью: все в них, начиная от стен и заканчивая подушечками, было либо сливочно-белым, либо тепло-терракотовым. Пришедших ожидал низкий стол, с немыслимой щедростью накрытый всевозможными сладостями; несколько десятков блюд, вазочки, кувшины и подносы теснились будто армия, готовая нанести решительный и беспощадный урон талиям танцовщиц.

— Ох ты, Нима Соблазнительница!.. — вытаращила глаза Лалик. — И как тут устоять?! Завяжите мне глаза, заткните нос и свяжите руки — да покрепче!

— Не переживай так, Лалик… — Эниджа пригласила учениц усаживаться. — Сегодня все можно. Я разрешаю… — и засмеялась. — Знаете, я нахожу особое удовольствие в таком вот попирании запретов и нарушении правил — эдакая сладкая вольница…

Девушки расселись вокруг стола, устраиваясь поудобнее на маленьких подушках, и в нерешительности уставились на расстилавшуюся перед ними губительную благодать.

— С чего бы начать? — и Гинивара пошевелила пальцами над столом. — Кто первый?

— Начни с хлеба богачей… — посоветовала Лалик, придвигая к себе тарелочку с чем-то воздушно-розовым и указывая подруге на блюдо, на котором золотились даже на вид хрустящие кусочки, покрытые плотным сливочным пудингом. — Слопаешь пару ложек, ничего другого уже не захочешь… потому как объешься!

— Ммм… госпожа Эниджа, а что добавляет ваш повар в абрикосовые шарики? — Амариллис держала маленькое оранжевое пирожное, сделанное из сушеных абрикосов самых сладких сортов, миндаля, хрустящего риса и кокосовой муки.

— Розовый сироп, а не яичный белок, как это делают в харутских кондитерских. Нравится?

— Очень… — И Амариллис потянулась за следующим шариком.

Ксилла, разливая в маленькие чашечки горячий чай, выглядела донельзя довольной. Ведь это она привезла его сюда, в Ирем, здесь такого даже за большие деньги не купишь. Чайные листочки, свернутые жгутами, из которых умелые пальцы суртонок сплели настоящие хризантемы. Одного такого чайного цветка с избытком хватало на целое чаепитие; цветок надлежало

сначала хорошенько пропарить в плотно закрытом чайнике и лишь затем залить — осторожно, не торопясь и не помышляя о дурном и суетном — водой, вскипевшей и две с половиной минуты назад снятой с огня. Аромат такого чая, если вдыхать его, склонившись над фарфоровой чашечкой, прогоняет печали и успокаивает сердце. Для Ксиллы, суртонки до кончиков пальцев, чаепитие было подлинным священнодействием, поэтому, когда она увидела, как Муна разбавляет горячий напиток сливками, то не преминула высказать ей все, что думает о варварстве северян.

— Мешать жирные сливки, поглощающие все вкусы, с чаем столь изысканным, что даже поэты не могут доселе найти слов для его описания… — суртонка возмущенно щелкнула пальчиками. — Ты бы еще налила в него этот ужасный забродивший отвар хмеля, который вы называете пивом!

— Дружочек, — Муна ничуть не обиделась, ей была даже забавна горячность всегда сдержанной и чопорной Ксиллы, — Горячо же… А что до вкусов, то не скрою, что мне милее наш варварский мелиссовый чай с толикой зверобоя и цветов клевера. А, Амариллис?

— Ну… суртонские чаи хороши, не скрою… но мелиссу я тоже люблю! — примиряющее улыбнулась Амариллис.

Танцовщицы отбросили все сомнения и презрели все запреты; они были похожи на детей, которым во владение отдали кондитерскую лавку: едва облизав пальцы после очередного лакомства, они тянули руки за новым. Муна не постеснялась облизать тарелку из-под лимонных долек в клубничном сиропе, Ксилла пальчиком расковыривала круглые шаммахитские пирожные, выедая начинку из меда с орехами, Амариллис на пару с Гиниварой доедали хлеб богачей, а Лалик, как на удачу надевшая просторную нарядную джеллабу, попросту придвинула к себе блюдо всевозможных слоек, пропитанных медом и пряностями, и, полузакрыв глаза, поглощала их одну за другой. К слову сказать, госпожа Эниджа не отставала от своих учениц. Вечер удавался на славу.

— Если ваш повар вдруг чем-то прогневит вас… — Лалик, с трудом разлепив пальцы, склеенные ароматным медом, взяла трубочку, начиненную взбитыми сливками, и откусив кусочек, утратила способность разговаривать.

— И не надейся. Но если хочешь, могу принять твоего повара к моему в обучение. Хотя… для тебя это может оказаться опасным, растолстеешь за месяц как бегемотиха, танцевать как будешь?

— Ну… ммм… не вечно же я танцевать буду. Кстати, девочки, а вы куда собираетесь? По домам?

— Я — да. — Ксилла подняла глаза от очередной раскопки-расковырки. — Его величество не любит ждать. Да и не стоит оставлять свое место надолго. Сами понимаете, опасно…

— А я — нет. — Гинивара со вздохом изнеможения отодвинула опустошенное блюдо. — Не хочется мне домой. Госпожа Эниджа, вы позволите мне побыть в храме? На первое время.

Эниджа коротко кивнула.

— А я, пожалуй, приму одно приглашение, — и Муна интригующе подмигнула подругам. — Меня на Мизоан зовут.

— Куда?! — изумились танцовщицы. — И зачем?

— Ну, не придворной дамой, это уж точно. Там и двора-то никакого нет. А праздники как у всех. Я сама пока мало что знаю, надо будет получше расспросить.

— Ты поосторожнее там, мне Рецина говорила, чужаков на Мизоане не любят. Ладно, твоя воля. А меня в труппе ждут, мы эту зиму в Маноре работаем. Так что я завтра удираю, пока еще доберусь… — Амариллис допила чай и поклонилась хозяйке дома. — Благодарствую, госпожа Эниджа. Теперь бы кто помог встать и дойти до кровати…

— Нет уж, идите-ка лучше в сад, прогуляйтесь. А то приклеитесь к подушкам! — засмеялась шаммахитка. И уже вдогонку уходящим ученицам добавила: — Амариллис, задержись на минуту, я хочу кое-то спросить о ваших порядках.

Когда дверь за танцовщицами, идущими нарочито медленно и неуклюже, закрылась, Эниджа присела рядом с Амариллис и тихо спросила:

— До конца зимы ты еще доработаешь. А потом куда?

Амариллис заглянула ей в глаза, усмехнулась.

— Интересно… вы одна догадались?

— Не беспокойся, я одна. Девчонки слишком заняты собой, каждой своих забот хватает. А мне о чем заботиться?.. Разве что о том, как бы найти себе преемницу. Ты никогда не думала остаться в храме Нимы? На правах Учителя.

— Я?! — искренне изумилась Амариллис. — Помилуйте, госпожа Эниджа. Какой из меня учитель? Я раздражительна, совершенно не выношу непонимания и неповоротливости — как в мыслях, так и в движениях. Да и от родных мест Ирем далековато…

— Этот город очень гостеприимен, если потрудиться понять его характер. Амариллис, я так понимаю, что замуж ты в ближайшее время не выходишь — и вряд ли выйдешь вообще. Так?

— Так. — Девушка кивнула без малейшей тени обиды.

— А значит, тебе нужен свой собственный дом. Конечно, ты всегда можешь остаться у аш-Шудаха… но, боюсь, тебе будет там скучно, поскольку в доме мага ты не у дел.

— Чего не скажешь о школе танцев. — Закончила за шаммахитку Амариллис.

— Именно. Если боги пошлют тебе дочь — лучше, чем храм Нимы, для ее воспитания места в Иреме не найти. Осчастливят сыном — думаю, Арколь будет счастлив принять его как ученика. Здесь есть, кому позаботиться о тебе и твоем ребенке.

— Амариллис сидела молча, держа на коленях подушку, разглаживая ее шелковистый ворс.

— Я… благодарю вас. Но если я и приеду в Ирем и останусь в храме Нимы, то вряд ли раньше, чем года через три. Как раз вы выпустите нынешних учениц, отдохнете и наберете новых. А тут и я подоспею… если вы согласитесь, для начала буду просто помогать вам. А там видно будет.

— Есть место, в котором ты уверена больше, чем в храме?

— Да. — Твердо ответила девушка. — Больше, чем в себе самой. Оплот неизменности в зыбком мире, твердыня любви и преданности, убежище для слабых и беззащитных.

— О Нима Нежнорукая! — ахнула Эниджа. — Неужели ты собралась в монастырь к Дочерям Добродетели?! И я дожила до этого дня!.

— Да нет, что вы! — рассмеялась Амариллис, всплеснув руками.

— Скажете тоже… — и снова засмеялась. — Да меня и на пушечный выстрел к воротам не подпустят. Одно дело бедная сиротка, и совсем другое — нераскаявшаяся блудница.

— Амариллис! С каких это пор танцовщица Нимы прозывается блудницей?!

— У Дочерей Добродетели — испокон века. Так что мне в их доме делать нечего. Нет, госпожа Эниджа, я говорила о другом месте. О доме друга — и сокровника. К тому же он неподалеку от Одайна. Я люблю тамошние места, привольно, леса светлые, не то, что ближе к Краю Света. Отдохну, отвыкну от дороги и приключений, глядишь, и к вам ехать побоюсь…

— Это ты про кого? — усмехнулась Эниджа. — Знаешь, Амариллис, поскольку ты почти согласилась занять со временем мое место, я открою тебе один секрет. Помнишь ваши первые выступления в Маруте Скверном?

— Разве такое забудешь… — и танцовщица невольно выпрямила и без того прямую спину.

* * *

Старик Снорри, как всегда в особо напряженные моменты, поглаживал пальцами шрамы-близнецы, пересекающие его щеку от уголка глаза до подбородка. Если мастер-шаман прав, то сегодня ему удастся, наконец, выполнить волю друга и вернуть алмаз темной крови законному владельцу. Вернее, владелице. Как на горе, и сын, и внуки капитана Дирка погибли в наводнении, накрывшем Свияр, что на Кадже Бесноватой. Чудом, иначе не скажешь, выжила только внучка. Найти ее стоило трудов — не великих, но все же ощутимых для орков Обитаемого Мира. Найти, чтобы решить — достойна ли она владеть камнем рода, или же надлежит ему храниться у одного из старейшин. Снорри допил пиво из массивной глиняной кружки, поморщился — ну, пойло шаммахитское!.. из чего они только его варят?!.. впрочем, лучше этого не знать. Орк сплюнул прямо на пол (ни чище, ни грязнее от этого пол не стал), покряхтел, по-стариковски недоверчиво оглядывая зал. Вот ведь напасть… нет бы парня судьба сберегла, видел он их — один другого краше, высокие, плечистые, и не людские зубоньки, а почти настоящие орчатские клыки… Так нет ведь, выплыла эта девица! Ну какая из нее хранительница камня темной крови, скажите на милость?! Небось, в одних бирюльках толк знает, да еще вот плясать выучилась. Ох-хо-хо… Сидевшие рядом со Снорри орки от нетерпения слишком громко переговаривались, поминутно оглядывались, кто-то опрокинул кружку. И тут красная линялая тряпка, висевшая в качестве занавеса, отодвинулась, выпуская на небольшую сцену предмет их любопытства. Снорри глянул и обреченно застонал.

— …О боги!… За что такая немилость?! Да что же это такое? Белка облезлая… цыпленок ощипанный… И этой… пигалице я должен отдать камень?! Укк фургат!..

А пигалица с лицом, зажатым в испуганный кулачок, прошла на середину сцены и приготовилась что-то там танцевать. В тяжкую духоту залы пыталась проникнуть тихая, жалобная мелодия. Однако выступление, едва начавшись, было прервано: кто-то тоже оказался недоволен пигалицей, и выразил свое недовольство, швырнув в девушку помидором, за которым последовали откровенные оскорбления. Старый орк опустил глаза — он не любил жалких зрелищ.

…Всегда, вспоминая об этом дне, Амариллис гордо вскидывала подбородок, разворачивала плечи, а то и ногой притоптывала. Не посрамила. Не подвела. Доказала. Сама.

С трудом переводя дыхание, Снорри изумленно глядел на

сцену. За всю свою долгую жизнь он ничего подобного не видел. Напуганная и беспомощная пигалица внезапно обернулась саламандрой, пляшущей в огне, на котором поджаривались зрители. А им, насаженным на вертел, хотелось только одного — еще огня, огня пожарче! И она раздувала, распаляла это пламя, одним взмахом руки заставляя его взлетать до небес, щедрыми горстями разбрасывая искры. Со свистом втянув в себя жаркий трепещущий воздух, Снорри захотел вытереть пот, выступивший на лбу, но почувствовал, что левая рука ему не повинуется и он даже не ощущает ее, будто нет ее вовсе. Орк изумленно посмотрел на онемевшую руку и тут же понял, кто этому виной. Алмаз темной крови, тихо-мирно сидевший в кольце, которое Снорри носил вот уже десять лет, проснулся. Теперь он был похож скорее на сгусток темного пламени, чем на осколок льда. Алмаз признал хозяйку. Он звал ее.

… Амариллис вспоминала, что, танцуя тогда в безвестном марутском притоне, она чувствовала себя горящей головней, выхваченной из костра. Порой ей казалось, что она видит сполохи пламени, пробегающие по ее рукам, и тяжелые огненные капли, срывающиеся с ее пальцев и разбивающиеся о пол в обжигающую пыль.

Не сказать больше и точнее — Снорри был счастлив. Этой пигалице (про себя он так и звал ее… поскольку была у старика на редкость неприятная привычка — называть вещи своими именами) он доверит камень с радостью. Выполнит волю друга, уплывшего за Край Света. Дирк сказал тогда: «Отдай камень истинному хозяину. Мой род хранил его не одно столетие. Не хочу оказаться последним. Не спеши. Сыну не отдавай… сам знаешь, почему. Присмотрись к внукам… ко всем троим. Все хороши. Решать тебе, кого ты сочтешь достойным.» Амариллис, последняя из рода, дочь Оттона из Одайна, внучка Дирка-капитана, правнучка Судри из Лесного клана… прямой потомок Эркина из Лесных Хоромин. Хозяйка алмаза темной крови. Законная и единственная.

Снорри встал, подошел к сцене и протянул танцовщице руку. Она глянула на него совершенно шалыми, дурными глазами, улыбнулась так, будто солнце из-за туч просияло, и спрыгнула к орку. Когда она прикоснулась к нему, легко опираясь на протянутую им руку, Снорри вздрогнул — ему показалось, камень отозвался ее прикосновению, заметной дрожью давая ему понять, что пришла пора расставаться. Усадив девчонку за стол, Снорри в который раз поразился удивительному свойству темной крови — обнаруживать себя даже в таких «разбавленных» метисах, как Амариллис. Ее окружали чистокровные орки, зелено-смуглые,

клыкастые, огнеглазые, но среди них она — тоненькая, маленькая, белобрысая — не смотрелась чужачкой, не выглядела слабой и жалкой. Было в ней что-то неуловимое… то ли блеск в глазах, то ли манера трогать кончиком языка чуть выдающиеся клыки, то ли порывистая грация движений, схожая с горением смолистой сосновой ветки. Темная кровь… ну не может она течь спокойно, вечно выкидывает какие-нибудь коленца… Старый орк, будто между делом выспросив у девчонки имя прадеда, так же мимодумно снял кольцо, с трудом стянув его с мизинца, и отдал танцовщице. Она приняла подарок, поблагодарила и, не думая, надела на средний палец правой руки. Снорри был уже слишком стар, чтобы предаваться всяческим фантазиям и выдумывать красивые сказки, но он готов был поклясться, что камень в кольце… улыбался. Он светился ровным, теплым светом, как окно родного дома в ночи. Алмаз темной крови вернулся к роду Эркина.

* * *

— Так вот, я видела ваш каждый танец. Приезжала заранее — ведь это я выбирала заведение — пряталась в уголке потемнее, но с отличным видом на сцену, и смотрела. Как зачем? Не могла же я оставить вас совсем без присмотра, мало ли что! А еще затем, чтобы поглядеть, чему вы успели научиться и на что вообще годны. Бывало и такое, что после этого испытания девушки уходили из школы. Так вот, то, что я видела в одном из самых скверных марутских притонов, спокойной жизни тебе не сулит. Я видела тебя на сцене и потом, но это… — и шаммахитка пожала плечами. — Уму непостижимо, откуда ты все это вытянула, что за бес в тебя вселился?..

— Я и сама не знаю. — девушка пожала плечами. — Хотела быть сильной… да нет, хотела просто быть. И заставить всех уважать мое присутствие.

Они проговорили до тех пор, пока не вернулись с половины прогулки остальные танцовщицы и не увели Амариллис с собой.

— Помните, когда-то мы уже расставались вот так… не зная, увидимся ли. Все подушки проплакали. — Сказала Гинивара, закончив укладывать сундук.

— Помню. Ничего, увиделись же… я, признаться, очень обрадовалась, когда мне Эниджа приглашение прислала. Думала, грешным делом, что за шесть лет она нас всех позабыла. — Муна все никак не могла налюбоваться подарком Лалик и вертелась перед зеркалом, накинув на обнаженное тело покрывало.

— Смешно… на самом деле мало что изменилось. — Лалик сидела в кровати, расчесывая волосы. — Только что Гинивара здесь остается. А так — с чего начинали, туда и возвращаемся. Постарели, конечно… — и она притворно закряхтела.

— Да уж, старость — не радость… — засмеялась Амариллис. — Ты так вообще — глубокая древность… матушка Лалик.

Это расставание оказалось не в пример спокойнее прежнего. Совсем немного поплакав, танцовщицы попрощались друг с другом и с Эниджей.

Глава четвертая. Ледяная птица

Она ехала верхом, чуть покачиваясь в такт неторопливым шагам лошади, и напевала себе под нос какую-то странную, невесть откуда взявшуюся мелодию:

Люди и эльфы,
Крысы и кольца,
Темная кровь
В моих жилах смеется…
Темной-то крови
Все бы смеяться…
Гномы и цверги,
Маги и танцы…

Амариллис ехала в Манору в сопровождении Арколя. Шел уже январь и дети Лимпэнг-Танга заждались своей танцовщицы; что же касается Арколя, то он, с позволения аш-Шудаха, решил провести еще пару сезонов в качестве шута.

— Надо же… — улыбнулась Амариллис — Помнишь, мы уже как-то раз вот так ехали — навстречу им всем, в родную труппу. Лорку повстречали…

Брат с сестрой переглянулись и засмеялись, вспомнив обстоятельства, при которых к артистам попал рыжий вольтижер. Путь до Маноры был недолог и безопасен.

— Да, было дело… — все еще улыбаясь, сказал Арколь. — Амариллис, ты не устала? Уже четвертый час верхом…

— Ну и что с того? Я и больше могу… — недоумевая, возразила Амариллис. И, поймав на себе заботливый, беспокоящийся взгляд брата, все поняла. — Ну вот… А я думала, только Эниджа и аш-Шудах проведали.

— Надеялась меня провести? — Арколь только головой покачал. — Куда тебе… Ты как себя чувствуешь? — судя по тону, он держал этот вопрос во рту уже не первый час, не решаясь задать — но и не умея проглотить.

— О боги… — пробурчала Амариллис. — Опять… Я чувствую себя прекрасно, как цветочек поутру! И не о чем тебе так беспокоиться… Обо мне уже побеспокоились однажды — только пылинки не сдували. Нет, в этот раз я уж как-нибудь сама справлюсь.

— Хэлдар… знает? — осторожно спросил Арколь.

— Нет. — Покачала головой танцовщица. — Я не видела его

уже больше месяца. Он опять в Шибальбу поехал… уж не знаю, зачем. — И она вздохнула.

— А если бы знал, то вряд ли бы одобрил твое решение доработать сезон… — рискнул предположить Арколь.

— А вот уж это не его дело. — Отрезала его сестра. — И запомни, Арколь, это касается меня — и только меня. И решать все буду я — где мне быть, что делать, у кого спрятаться. Дорабатывать-то всего ничего — пара месяцев, а деньги мне не помешают. Не хочу нахлебницей к Сычу ехать… и просить ни у кого ничего не буду.

— Я понимаю твое ожесточение… — Арколь подъехал поближе, положил руку на плечо сестры. — Но зачем ты обращаешь его на Хэлдара? И… — тут Арколь внимательно всмотрелся в лицо Амариллис — уж не задумала ли ты скрыть от него ребенка?

— Тебе одному признаюсь — да. Собиралась. И не хмурь свои великолепные брови. Арколь, кто я для него? О!.. только не надо говорить мне о любви и самопожертвовании. Уж не думаешь ли ты, что его светлость женится на мне, введет меня в свой родовой замок как законную супругу? То-то его матушка обрадуется… А его светлейший король подарит мне на свадьбу бессмертие и острые уши в придачу… Смешно, правда? — но сама она даже не улыбалась.

Собеседники замолчали.

— Да нет, я конечно обо всем ему расскажу… — Амариллис кивнула. — Просто я уже однажды была замужем — и возлагала на брак куда как большие надежды. И прошло-то с тех пор всего-навсего два года…

— Хэлдар сделает все, чтобы ты была счастлива.

— Знаю. Но что такое счастье Кратко Живущих для эльфа? Один день… один изумленный вдох и один короткий выдох… отражение, унесенное быстрой рекой. Арколь, я прошу тебя, оставим этот разговор.

Они прибыли в Манору как и рассчитывали — к началу января. Остальные дети Лимпэнг-Танга, заждавшиеся старых друзей, с нетерпением ждали их и встреча получилась задушевной и радостной. В составе труппы не произошло никаких изменений — молодой шут, приглашенный Арколем, предпочел остаться в Арзахеле, так что приезд мага-подмастерья оказался очень кстати. Впрочем, одно изменение было налицо — в комнате Лиусса и Веноны стояла колыбель, в которой мирно почивала их годовалая дочь.

Выступления шли своим чередом, зима, в Маноре мягкая и незлая, проходила чересчур быстро для зимы. Артисты, будто

сговорившись (или будучи предупреждены…), ни о чем не спрашивали Амариллис, только Венона иногда позволяла себе прервать репетицию танцовщицы и отправить ее пораньше отдыхать. Вестей от Хэлдара девушка не получала — оно и понятно, Шибальба место неблизкое, да и не особо населенное.

На исходе февраля, когда дети Лимпэнг-Танга заканчивали зимний сезон в Маноре, за Арколем приехали. Один из слуг аш-Шудаха привез магу письмо, в котором учитель призывал его вернуться в Ирем как можно скорее. Арколю очень не хотелось уезжать, оставив Амариллис без своего попечения; он настойчиво звал ее с собой.

— Ну послушай же меня, вот ведь несговорчивая какая… Ну чем тебе Ирем не глянулся? Да какая жара?! Это в нашем-то доме?! Да я тебе хоть метель устрою, хоть град с потолка! Амариллис… поедем со мной. Где тебе будет лучше и спокойнее, ты мне скажи? В доме аш-Шудаха к тебе ни одна напасть не подступится, будешь жить как королева — только без скучных королевских обязанностей.

— Арколь… — Амариллис сокрушенно покачала головой и ткнулась лбом брату в плечо, — ну что ты… Не поеду я в Ирем. — И она как-то зябко вздрогнула.

— Почему? — чуть ли не в сотый раз задал этот вопрос Арколь.

— Не знаю. Не хочу. Вот не хочу, и все. Я к Сычу поеду.

— Давно решила… и крепко. — Арколь отстранил сестру, заглянул ей в глаза. — Вижу… не переспорить тебя. Твоя воля, сестрица. — Он крепко обнял ее.

— Арколь… — тихо попросила девушка, — Ты не пропадай, ладно? Как тогда, в Эригоне…

— Постараюсь. Но и ты тоже — будь поосторожнее… плясунья. — Арколь помолчал с полминуты и спросил — Ты как себя чувствуешь?

Амариллис обреченно застонала.

Спустя две недели после отъезда Арколя приехали и за нею. Хэлдар, вернувшись из Шибальбы, поспешил в Манору, презрев все свои действительные и мнимые обязанности. Узнать, где проживают дети Лимпэнг-Танга было легче легкого — они снимали небольшой дом рядом со зданием театра, со старым, обширным садом, обнесенным высокой каменной стеной. Здесь они могли отдыхать, прячась от суеты и шума. Слуга, открывший эльфу ворота, не без удивления сказал, что господа артисты сейчас у себя… сезон закончили, неужто к себе пригласить хотите? Потом принял повод коня и степенно удалился.

Хэлдар вошел в дом — старые, сложенные из желтоватого

песчаника стены, красновато-коричневые плитки пола, уютные закоулки и просторные комнаты, темная деревянная мебель, смешные манорские светильники, выполненные в виде зверей, держащих свечи то в лапах, то на спинах, а то и в пасти, — похоже, дом строили с намерением жить спокойно, без особых затей и вывертов. Он прислушался: где-то рядом, во втором этаже, кто-то смеялся, да так радостно, что эльф поневоле улыбнулся. Хэлдар поднялся по пологим ступеням, заглянул в комнату, дверь которой была приоткрыта. В высокие, узкие окна заглядывало все еще по-зимнему скуповатое солнце, освещая лица людей розоватым золотом; в камине полыхал щедрый огонь. А на ковре вокруг еще нетвердо стоящего на пухлых ножках малыша прыгал рыжий кот — ребенок пытался поймать кота, хлопал в ладоши, топал, даже делал по нескольку шажков в его сторону, но рыжий в руки младенцу не давался. Рядом на этом же ковре сидели две женщины, они-то и смеялись, наблюдая, как кот дразнит малыша. Сидевшая лицом к двери Венона первой заметила стоящего в дверях эльфа. Она встала, подхватила дочку на руки.

— Амариллис… к тебе гость, — и, ответив на поклон Хэлдара улыбкой, поспешила покинуть комнату.

Амариллис не стала вставать с ковра; кот, лишенный такой забавной игрушки, подошел к ней и улегся на подол ее платья. Эльф присел рядом, обнял девушку; она тихо положила голову на его плечо. Они долго сидели так, не произнося ни слова.

— Амариллис… Поедем со мной.

Она только молча покачала головой.

— Не расстраивайся, — чуть усмехнувшись, ответила она, — Арколю я тоже отказала. Он хотел увезти меня в Ирем. Но знаешь, еще меньше, чем туда, меня тянет в ваши леса. А уж тем более в Лис-Арден. Не хочется мне туда сейчас… да и зачем?

Хэлдар вздохнул. Похоже, и на этот раз ему не удастся переубедить танцовщицу. Слишком серьезно она говорила.

— Зачем? Я бы повторил свои слова, Амариллис, если бы не знал, что опять нарвусь на отказ.

— А ты попробуй.

— Амариллис… — Хэлдар повернул к себе ее лицо, взяв за подбородок, — я прошу тебя стать моей женой.

— Нет. — Она смотрела ему в глаза; на посмуглевшем от пустынного солнца лице они казались осколками синего льда… — Нет, Хэлдар. Не быть мне твоей женой. И это не я тебе отказываю… так уж судьба распорядилась. От меня через пятьдесят лет только холмик на кладбище останется да сундук со старыми нарядами. А для тебя полсотни лет — что один летний

день. Так о чем тут говорить, радость моя… — и она обвила его шею руками, крепко прижалась к нему, спрятав лицо где-то в светло-пепельных волосах.

— Фириэль… — Хэлдар смотрел сквозь незамысловатую пляску огня в камине, — Никто не знает своей судьбы. Мой отец погиб намного раньше отведенного ему природой срока. А ты выжила там, где сгинул целый город. Бессмертие эльфа — не более, чем сказка; мы и смертны, и уязвимы. Амариллис, — и он сильнее сжал ее плечи, — Ты напрасно отталкиваешь меня. Это бесполезно. Я все равно буду рядом.

— Знаю… — беззвучно прошептала девушка. И уже погромче прибавила — Ты отвезешь меня к Сычу?

— Ах вот кому меня предпочли! — притворно возмутился эльф. — И меня, и мой замок с полчищами слуг, тронным залом, и страшными придворными дамами! Ну, если тебе так хочется… Отвезу. И, признаться, буду спокоен куда больше. У Совы не распрыгаешься… тем более сейчас.

— Хэлдар… — обреченно застонала Амариллис, — И ты… Какие же вы все занудные… — И засмеялась.

— А потом?.. — осторожно поинтересовался эльф — Долго ты там не выдержишь, соскучишься.

— Потом? Знаешь, меня Эниджа пригласила в храм Нимы — на свое место. Вот не думала, что она такого высокого обо мне мнения.

— В Ирем? — Эльф недовольно пожал плечами. — Не твое это место. Северные цветы на юге быстро устают.

— Зато там я буду при деле.

— Ты могла бы остаться в труппе детей Лимпэнг-Танга, ведь Венона не покинула вас — разве не так?

— Так. — Не без ехидства подтвердила Амариллис. — Так с нею супруг вместе… Да и не в этом дело. Танцовщица Нимы — это… ну как тебе сказать… не может она матерью быть. Не может, Хэлдар. Моя подруга, Лалик — жена советника ан-Нумана — она своей дочки в глаза не видела. Ну, может потом и показали ей Зули — так, через полгода. А толку-то… она ее даже не узнала.

— С тобой никто не посмеет так поступить.

— Если я решу остаться танцовщицей Нимы — той, что выступает для сотен жаждущих глаз, я сама должна буду так поступить. Но что мне эти глаза… Я давно уже решила — это мой последний сезон. Уйду тихо, без громких прощаний. Была Амариллис… танцевала как могла… и все. Хватит.

Девушка, осторожно подвинув нагло развалившегося рыжего кота, легко встала — по ней нельзя было сказать, что меньше чем через полгода ей предстоит вновь стать матерью. Она положила

руку на забрызганный грязью рукав эльфьего камзола и сказала, глядя в сторону:

— Хэлдар. Не очень мне хочется говорить об этом, но придется сказать. Я не раз слышала, что эльфки, родившие от смертных, отдают этих детей на попечение Дочерям Добродетели. А если какая и сопротивляется, так есть кому проследить за чистотой вашего рода…

Хэлдар поморщился, но промолчал.

— Так вот. Мне говорили, что эльфы, которых угораздило осчастливить своим отпрыском женщин из Кратко Живущих, делают это сами — отнимая ребенка чуть не первого часа от роду. Я сначала смысла в этом не видела, пока сама в монастыре не побыла. Хэлдар, оттуда дорога одна — по кругу, в те же монастырские ворота. Служить Добродетелям… Арколь чудом удрал, а меня отпустили, потому как не очень удобна была, в вольности воспитывалась… таких ломать долго. Хэлдар… — Амариллис вдохнула воздух, будто в воду прыгать собиралась, — Если кто-то попытается отнять моего ребенка…

— Амариллис… — эльф взглянул ей в лицо и опустил глаза.

Она прижалась на минуту к эльфу, затем отстранилась и сказала:

— Ты устал, верно? Пойдем, тебе надо отдохнуть.

Спустя неделю эльф и танцовщица покинули Манору. Амариллис распрощалась с друзьями сердечно, стараясь не огорчаться предстоящей бессрочной разлукой. Но от слез удержаться не удалось никому, даже Рецина, и та отвернулась, стирая с лица предательские капли. Слишком многое связывало их, слишком хорошо работалось и жилось вместе.

— Ами… может, ты все же вернешься? Как же мы без тебя… — все повторял Лиусс.

— Нет, Лиусс. Ты лучше позови кого-нибудь из моих подруг, вам без танцовщицы нельзя. Если успеете, так в храме Нимы оставалась Гинивара — что-то у нее там в Нильгау разладилось. Пригласи ее, думаю, она не откажет.

— Амариллис… — Лорка подозрительно шмыгнул носом, — Ты уж как-нибудь дай о себе знать. Не исчезай. А то как нагрянем…

— Да уж ты нагрянешь… — Венона отвесила вольтижеру легкий подзатыльник, — тебе бы только людей пугать. Амариллис, он все же прав, — мы твои друзья… и если вдруг тебе понадобится наша помощь…

— Или наше общество… — ввернул Лорка.

— Просто позови. — Закончила Венона и сказала: — Ну, будет. Не надо лишних слез. Тебе вредно волноваться.

Амариллис уехала тихо, незаметно. Еще никто из танцовщиц Нимы не покидал сцену так… шепотом, на цыпочках. Никто, кроме детей Лимпэнг-Танга и Хэлдара не знал, куда и почему она отправилась.

* * *

Дому Аш-Шудаха не впервой было принимать важных гостей, но в таком количестве, да еще со всех концов Обитаемого Мира, — пожалуй, впервые. Гости, сопровождаемые свитой и охраной, занимали все новые и новые покои; все они были равно роскошны и удобны, так что пожаловаться не могли ни короли эльфов, ни корабельные крысы. Встреча действительных властителей мира была назначена на последний день июля.

Они собрались в небольшом зале, окна которого, оплетенные густым темно-зеленым плющом, дававшим отличную тень, выходили в сад. Посреди зала стоял круглый стол белого мрамора, вокруг выстроились стулья с высокими спинками. Приглашенные магом входили, церемонно раскланивались и рассаживались, кто куда.

Аш-Шудах, полуприкрыв светло-зеленые глаза тяжелыми, будто усталыми веками, внимательно вглядывался в лица своих гостей.

Эльфы — ее величество Воды, высокая, тонкая, словно хлыст, со светлыми, почти прозрачными волосами, и его величество Воздуха — уголки губ приподняты, но печальные серые глаза смотрят на что-то, ведомое и видимое только им. Богато одетый, грузный, важный Карло Квиати, глава магистрата Маноры. Рядом с ним — Сириан и Риго Миравали, разительно непохожие отец и сын, представители и негласные короли Эригона Баснословного; Сириан все тот же, разве линия рта стала более жесткой, и поредели волосы. За ними — Гвидо Арзахельский, младший брат нынешнего герцога, куда более опытный в делах дипломатии и тонком искусстве политики, чем сам герцог. Рядом с аш-Шудахом сидит шаммахит, с глазами черными и горячими, как угли, у него шрам на правой щеке, а одет он как всегда вопреки дворцовому этикету — не как советник, а как воин; это ан-Нуман, правая рука властителя Шаммаха. По правую руку от него — пожалуй, самый высокий человек среди собравшихся, с плечищами что твое коромысло, и по-детски любопытными глазами, светящимися на привычно невозмутимом лице — король Краглы, Огма. Далее — орки; один старый, ссутуленный шаман, оглядывающий собрание не менее пристально, чем маг, второй — крысолов Сыч. Рядом с

орками сидят Черный Лис Гэлвин, присланный от имени короля Одайна (сам король уже слишком стар, чтобы так далеко путешествовать). Несколько поодаль от остальных сидели двое — сморщенный, высохший как изюм старичок и его спутник, помоложе, сверлящий гостей глазами-буравчиками. К старичку представители торговых городов обращались весьма уважительно, именуя его «господин Брик». Это был первый раз за всю историю мира, чтобы корабельные крысы выбрались со своих островов, обсудить заботы и беды Западных Земель.

Не прислали своих представителей только Нильгау, Суртон и живущие под горами Безымянного Хребта гномы и цверги; все они посчитали, что предмет обсуждения их не касается.

Аш-Шудах, оставив глазам цвет морской воды (он позволял ему лучше улавливать смену настроений собеседников), жестом пригласил гостей выслушать его. Не вставая, он сказал:

— Титулы и доблести почтивших мой дом слишком многочисленны и великолепны, чтобы я перечислял их; все вы равно достойны уважения — поэтому и говорить я буду как равный среди равных. Дабы не возникло досадных недоразумений и непонимания, я предлагаю всем сказать о том, что привело их в мой дом, что именно хотят они постигнуть и избыть.

Первым откликнулся Карло Квиати.

— Я скажу вам, государи мои. Хоть Манору и не считают торговым центром Западных земель, — тут он несколько шутливо поклонился Миравалям, — однако и мой город немало теряет из-за всех тех бед, что приносит тихий ветер. Я не буду утомлять собравшихся перечислением всех понесенных нашими горожанами убытках, скажу только одно — даже не они тревожат нас. Каждый раз мы ждем, что крылья этой заразы развернутся и над нашим городом.

Его слова подхватил Гвидо Арзахельский.

— Совершенно с вами согласен. Арзахель эта напасть тоже пока миновала — но что случится в следующий раз? Кто знает?.. Ветра имеют привычку менять направление — сегодня он западный, а завтра — восточный…

— Никто не знает гибельности тихого ветра лучше нас, увы… — это был Сириан Мираваль. — Эригону второй раз пришлось противостоять ему, и не только ради себя самого, но и для всех земель запада… да и для остальных тоже. — Сириан говорил так, будто его городу пришлось выдержать длительную осаду.

— Вы неплохо справились… — невозмутимо сказал ан-Нуман, — Говорят, что в Эригоне найдено лекарство от тихого ветра.

— Даже если и так. — Риго Мираваль поднял ладонь правой руки, призывая собравшихся к молчанию. — Это средство слишком опасно, чтобы заявлять о нем во всеуслышание.

— Согласен. — Кивнул ан-Нуман. — Сказать полубезумному, что его исцелит кровь… нет уж. Но вы правы, Мираваль. Не будет Эригона — вся торговля полетит в Арр-Мурра.

— Милостивые государи. — Огма говорил неторопливо, будто сам с собой о чем-то рассуждая. — Я понимаю, что говорить мы все можем долго и о многом, но заботит всех только одно — тихий ветер. Что-то он зачастил последнее время. И пробирается все дальше в Западные земли. Сначала побережье, потом Муспельские острова, потом и Эригон прихватил — кто ж на очереди, милсдари? — и Огма недвусмысленно глянул в сторону эльфьих королей.

Его величество Воздуха слегка наклонил голову в ответ на этот взгляд.

— Не буду спорить с вами, Огма, поскольку вы совершенно правы. Не скажу, что мы ничего не предпринимали для защиты наших земель… но — увы… — успех наши попытки не увенчал. Мы напрасно надеялись. Перед тихим ветром мы бессильны. — При этих словах ее величество Воды болезненно поморщилась.

Аш-Шудах выслушивал гостей молча, изредка встречая их пытливые или настороженные взгляды. Он дал им выговориться, перечислить все свои заслуги или потери. И лишь потом, дождавшись достаточно долгой паузы в разговоре, позволил себе сказать:

— Так значит, досточтимые гости считают, что причина всех их бед и тревог — тихий ветер?

Почти все собравшиеся закивали головами; лишь эльфы и орки невольно переглянулись, будто знали нечто такое, что другим было неведомо.

— Я вижу, что не одинок в своих сомнениях по поводу первопричинности тихого ветра. Как странно, что все вы говорили о последствиях — будь то нарушенная торговля, убытки и прочая дребедень, или страх, что куда более неприятен и вреден. Никто из вас не спросил — что вызывает тихий ветер?

— Или кто… — глянув магу в глаза, произнес шаман-орк.

— Или кто. — Усмехнулся аш-Шудах.

— Помилуйте, аш-Шудах… — Огма пожал плечами, — Кто ж на такое способен?.. разве что вы…

— Нет, ваше величество, моих сил на такое не хватит. — И маг сокрушенно развел руками.

— Ну, тогда не томите нас и не говорите загадками… ох уж мне этот шаммахитский обычай! — Огма пристукнул кулаком по

столу, отчего молчавший все время старичок (успевший к этому времени задремать) вздрогнул и проснулся.

— Тихий ветер — лишь одно из последствий того, что происходит в проклятых землях. — Аш-Шудах оглядел своих гостей. — Арр-Мурра не так мертв, как вы полагали, государи мои.

— Мы вовсе не полагали Сердце Зла мертвым… — старый орк с достоинством поклонился магу. — О том, кто избрал это место, мы знаем немного — даже имени его мы не знаем.

— Гарм. — Аш-Шудах сообщил это просто, будто напомнил.

— Вам виднее. — Нисколько не удивился орк. — Значит, Гарм. Мы знаем, что он — сын того, за кем некогда пошли наши предки. Бог, запертый в клетке нашего мира, ищущий выхода, сотрясающий прутья.

— Бог, проклятый матерью. Несущий страдание. Разрушающий. — Королева Воздуха говорила тихо, слова ее падали с нежных, тонко очерченных губ как льдинки.

— Именно так. Хотя я помню его и другим. Но именно он, о ком вы говорите, и есть причина тихого ветра.

Аш-Шудах, не вдаваясь в излишние подробности, рассказал собравшимся о выборе, сделанном богами в незапамятные времена; о братьях-близнецах, и их столь различных дорогах. Еще более скупо он поведал о том, как Гарм обосновался в Арр-Мурра…

— …он не искал там убежища. Гарм ищет выхода — и только. В это трудно поверить, но он не злодей и не чудовище, каким представляют его легенды. Он лишь хочет покинуть Обитаемый Мир — но сделает это любой ценой, не задумываясь о последствиях для тех, кто останется в его пределах. Тихий ветер — это лишь эхо его попыток открыть Восточные Врата.

— Что ж такое получается, — заметно волнуясь, проговорил Квиати, — мы, стало быть, тут как на пороховой бочке сидим? А то, что ветер раз от разу все сильнее становится — так значит, и силы проклятого возрастают?

— Нет. Растут не силы, скорее умение и искусство. — Ответил ему Аш-Шудах. — Все свои силы Гарм вложил в Арр-Мурра. Оставшись там, он связал себя с этой землей, вне ее он утрачивает многие из своих способностей.

— И все же… Что ж, нам так и сидеть без дела, просто наблюдая, как растет смертоносное искусство бога? А что станется, если он добьется своего? Что будет, если он откроет эти ваши ворота? — спросил ан-Нуман.

— Я думаю, этого не знает даже сам Гарм. Но я вас успокою — его собственных сил и всех артефактов Арр-Мурра

недостаточно для этого. Гарму — с теми силами, что у него есть сейчас — никогда не открыть Восточных Врат.

— И что, он так и смирится с этим? — Насмешливо переспросил ан-Нуман.

— Нет, к чему, а к смирению Гарм никогда не был склонен. — И аш-Шудах чуть не засмеялся — видно, представив себе смиренного старшего брата. — Подобные обстоятельства только растравят его, сделают еще более отчаянным и безрассудным. Нет, ан-Нуман, Гарм не смирился. Более того, он почти заполучил то, что может помочь ему, даровав силу, намного превосходящую его собственную.

Собравшиеся запереглядывались, тревожно и неуверенно.

— И что же это? — задал общий вопрос ан-Нуман.

— Это алмаз темной крови. Первый скол, отмеченный руной Феху. Камень дома Эркина.

— Вы неплохо осведомлены о наших преданиях… — с уважением сказал шаман. — Да, последний представитель рода Эркина утратил камень. Но почему вы думаете, что он попал к Гарму? Если бы это было так, неужели он до сих пор не воспользовался бы им?

— Присутствующие здесь могли бы куда полнее и достовернее моего рассказать вам о судьбе камня темной крови. — Аш-Шудах выразительно посмотрел в сторону Миравалей. Сириан и Риго переглянулись.

— Боюсь, мы мало чем сможем помочь вам… да к тому же выставим себя на посмешище, однако обстоятельства таковы, что даже я пренебрегу фамильным достоинством и не скрою истинных обстоятельств. — Сириан кашлянул и продолжил: — Я купил алмаз темной крови у господина Брика… это был тайный, но честный торг. Камень, показанный мне перед продажей, был подлинным. Камень, который я положил в шкатулку, оказался подделкой. Проще говоря, меня, Сириана Мираваля, обманули.

Присутствующие с изумлением воззрились на ратмана Эригона — с таким же успехом он мог сказать, что реки отныне текут вспять, а солнце восходит на западе. Насмотревшись на обведенного вокруг пальца Мираваля (зрелище небывалое с начала времен), гости перевели взгляды на старичка Брика. Тот спокойно принял их и как-то смущенно сказал:

— Государи мои… не приписывайте мне столь сверхъестественной изворотливости. Милсдарь Мираваль, в этой истории я, как и вы, лицо пострадавшее. Но если ваша утрата измеряется звонким золотом, то моя… — тут старичок закашлял, — пострадала моя репутация. Кто же захочет вести крупные дела с торговцем, который столь бесстыдно обманывает

своих партнеров? Камень, предложенный вам, был подлинным. Однако в конечном итоге вы, по совершенно независящим от меня причинам, получили фальшивку. Милсдари, чего уж греха таить… меня обманули.

Если собравшиеся за столом не попадали на пол, так это только потому, что были достаточно выдержаны; но изумление, ясно читавшееся на их лицах, говорило само за себя.

— Вас?! Вас обманули? — Гвидо Арзахельский хлопал глазами так, будто мух ресницами отгонял. — Да за кого вы нас принимаете, Брик, вы же у лиса ухо отрежете, да ему и скормите.

— Поддерживаю. В то, что можно обмануть вас, слабо верится… — Гэлвин настороженно смотрел на старичка.

— Напрасно. И господин Мираваль, и господин Брик действительно были обмануты. — Маг смотрел на них без тени усмешки. — И алмаз темной крови действительно был украден.

— Кем, позвольте полюбопытствовать? И где этого кого-то искать? — спросил ан-Нуман.

— Зовут этого прохвоста Фолькет… — покряхтев, ответил Брик. — Бывший наш магик, цверг по крови. Он удрал с острова на одном из кораблей, что ходят в Пойолу. Куда он оттуда делся — я не знаю.

— В Шибальбу. — Ответил Брику аш-Шудах. — Там он дождался каравана, идущего в глубь материка. Те, кто был в том караване, в один голос утверждают, что одноглазый урод цверг исчез, когда караван достиг края пустыни. Думали, его песчаные волки утащили.

— Значит… камень уже в Арр-Мурра. — Иного вывода Риго Мираваль, да и все остальные, сделать не мог.

В зале воцарилась тишина. Огма сосредоточенно рассматривал свой кулак; короли-эльфы, говорившие меньше всех, казались похожими на две статуи.

— Это приговор. — Высказал общую мысль Гэлвин. — Причем смертный и обжалованию не подлежащий.

— Ну почему же… — Огма оторвался от созерцания своих кулаков и коротко, остро глянул на мага. — Я так разумею, камень попал к Гарму не вчера… а много раньше. Так чего же он ждет, скажите на милость? Если его нетерпение так велико, почему он медлит?

— Потому, что камень не подчинился ему. — Ответил королю шаман-орк. — Алмаз темной крови не станет служить никому, кроме принадлежащих роду Эркина. Это не обычный артефакт, признающий любого хозяина, способного раскрыть и подчинить себе его силы. У этого камня и рода Эркина договор — из тех, что не нарушаются никогда. Гарм бессилен перед камнем.

— Уже лучше… — переведя дух, высказал Гэлвин. — Но Гарм наверняка знает об этом договоре, и вряд ли он оставит того, кому подчиняется камень, в покое. Он будет искать его… или ее.

— Ее. Хозяйка алмаза темной крови — Амариллис, танцовщица Лимпэнг-Танга, последняя из рода Эркина. — Аш-Шудах коротко вздохнул, словно сожалея о высказанных словах.

Не одно сердце сжалось при упоминании этого имени. Но никто из собравшихся не был привычен выставлять свои чувства напоказ; со стороны казалось, будто обладательница этого имени и вовсе незнакома им.

— Танцовщица — и целый мир… — качая головой, протянул Гвидо Арзахельский.

— Неслыханно… — Карло Квиати даже красными пятнами пошел от возбуждения, — Она танцевала в Маноре, весь зимний сезон! Если бы знать тогда…

— Да? И что бы вы сделали? — насмешливо поинтересовался ан-Нуман.

Квиати как-то странно посмотрел на шаммахита, но промолчал.

— А где она сейчас? — спросил у Квиати Гвидо.

В ответ тот пожал плечами.

— Не знаю. Дети Лимпэнг-Танга покинули мой город весной, сейчас они в Иреме. Но Амариллис среди них нет, танцовщица у них новая, это точно.

— Что ж… — Гэлвин пожал плечами. — Найти ее, я думаю, мы в силах. А что потом, милсдари?

— Странный вопрос вы задали, барон. — Голос ее величества Воды был прозрачен, ясен и холоден. — Соотношение слишком несоизмеримо — одна жизнь — и участь всего мира. Вы переглядываетесь, пряча свои мысли, но они читаются так же ясно, как если бы вы кричали о них во весь голос. Ее не должно быть.

— Это жестоко, ваше величество… но, пожалуй, вы правы. — Сириан Мираваль поклонился, и добавил — Слишком опасно оставлять ее…

— Если Гарм заполучит ее… — Гвидо потер пальцами виски. — Согласен с вами, Мираваль.

— Экие вы скорые, милсдари… — в голосе Огмы сквозило неприкрытое презрение. — Ровно крысы на девушку набросились. Ох… прошу прощения, милсдарь Брик…

Старичок замахал на короля руками:

— Да ничего, ничего, ваше величество… Я привык.

— Вы там как пожелаете, а я готов дать ей убежище. В моих землях есть такие глухие места, где ее никто не сыщет.

— Глупое великодушие. — В голосе короля Воздуха презрения было не меньше. — Неуместное и опасное.

— Неужели? Конечно, мы лишим светлых эльфов возможности совершить великолепный, достойнейший подвиг — убить ни в чем не повинную девушку. Я так разумею, вы уж и армию снарядили… — Огма откровенно насмехался.

— Если Амариллис… — аш-Шудах помедлил, — исчезнет, то нам придется распрощаться с надеждой заполучить земли Арр-Мурра. Если вернуть ей камень, она сможет освободить его силу — с ее помощью проклятые земли могут стать благословением для всего мира.

— Вернуть камень? — удивился Квиати. — Возможно ли это?

— Возможно. Гарм силен только в Арр-Мурра, но и там его сила не беспредельна.

На несколько минут разговор прервался; все обдумывали услышанное, пытаясь решить, на чью же сторону встать.

— Все это так. — Первым заговорил шаман, спокойно и размеренно звучал его голос. — И вы вольны принять любое решение, произнести любой приговор. Но запомните все — если Амариллис погибнет и мы будем знать, что виной тому ваши страх и немощь, — не ждите от нас прощения.

— И от меня тоже. — Аш-Шудах недвусмысленно посмотрел на эльфов.

— И от меня. — Огма скрестил руки на груди, весьма довольный таким разворотом разговора.

— Ну что вы, милсдари… как можно! — Брик сокрушенно покачал головой, всплеснув руками. — Ссоритесь, ровно дети! И когда?! Когда нам понимание да единение как воздух потребны!.. Яснее ясного, что нельзя девицу эту убивать, никак нельзя. А ну как и впрямь милсдарь маг камень вернет? Тогда всем нам прямая выгода… Спрятать ее надобно, да получше. И чтоб охрана была.

— Мой дом вас устроит? Не самое потайное место, это верно. Однако лучшей защиты, чем здесь, Амариллис не найдет нигде. — Аш-Шудах посмотрел на орков. Шаман согласно кивнул ему. — Что ж… тогда дело за малым — отыскать ее и привезти в Ирем. И как можно быстрее.

— Это наша забота. — Не допускающим возражений тоном сказал орк-крысолов. — Мы привезем Амариллис в Ирем… или вы знаете кого-то, более достойного доверия?!

— Мой ученик — если вы, конечно, не возражаете, — поедет с вами, — Аш-Шудах мог и не задавать этого вопроса, против общества Арколя Сыч возражать уж точно бы не стал.

— Если вы позволите, — неожиданно вмешался король

Воздуха, — один из моих приближенных также будет вас сопровождать. Он из Вольных Лесных Стражей, так что вы не заподозрите его в излишнем рвении соблюсти нашу волю. Меж тем, он опытный путешественник и сможет быть вам полезен. Ваш ученик, кажется, знаком с ним…

— Вот так все эти важные особы и решили, что именно мы — и никто другой — привезем Амариллис к аш-Шудаху. — Арколь рассказывал Хэлдару о состоявшихся переговорах, не особо церемонясь в своих описаниях и комментариях. Больше всего от него досталось эльфам. Их хладнокровие и невозмутимость, с какой они решили судьбу его сестры, выводили мага-подмастерье из себя и он не стеснялся в выражениях.

Друзья сидели в комнате Арколя — Сыч расположился в низком деревянном кресле, положив длинные ноги на столик, Хэлдар сидел на широком подоконнике, глядя в сад. Он ни разу не возразил Арколю, и вообще с самого начала почти не открывал рта. Кроме них, в комнате были Шонно, Венона, Лиусс и Рецина; Криолла осталась нянчиться с малышкой, Лорка куда-то запропал. Дети Лимпэнг-Танга были приглашены самим магом, который хотел избавить их от ненужных расспросов и, паче того, допросов… попросту спрятал. В самом дальнем и темном углу, в глубоком кресле дремал старик шаман.

— Вот и славно. — Сыч ловко кинул в окно крупную персиковую косточку. — Быстро, бесшумно, точно в цель… как батюшка учил. Когда едем-то, Арколь?

— Как только светлейшие гости отбыть восвояси изволят.

— Нет, Арколь. — Дверь распахнулась и в комнату вошел сам аш-Шудах. Выглядел он обеспокоенным и огорченным; черные глаза мага тлели красноватым огнем, как потревоженные угли.

— Вы должны ехать немедленно и как можно быстрее. И я ничем не могу вам помочь — ты знаешь, Арколь, все мои силы могут понадобиться вдруг и сразу, я не вправе растрачивать их.

— Что случилось, учитель? — Арколь и сам встревожился.

… капли воды парят в воздухе, вздрагивают, трепещут… воздушные потоки окружают их, придавая форму, приручая… Из прозрачно-голубых ка пель складывается птица — небольшая, но с мощными крыльями, хищным клювом и ничего не выражающими хрустальными глазами. Потоки воздуха становятся плотнее и постепенно холодеют… все больше и больше… Очертания птицы становятся четче, затвердевают, стекленеют… Наконец, она с резким звоном расправляет ледяные крылья и пронзительный клекот вырывается из ее клюва.

Несколько строк, написанных кружевной вязью эльфийского письма, помещаются на груди птицы. Несколько слов,

произнесенных мелодичным, переливчатым голосом, определяют ее путь. Она взлетает, делает круг над головами королей — и вылетает в распахнутое окно, и растворяется в небе.

— Я не могу судить светлых королей. — Маг отказался сесть и расхаживал по комнате. — Их жестокость понятна… они должны защитить свой народ. Для них соотношение и впрямь несоразмерное — одна жизнь, которая и без того недолговечна, и тысячи бессмертных…

— Так вы только подозреваете или? — Хэлдар задал вопрос, не поворачивая головы, по-прежнему вглядываясь в сад.

— Хэлдар, мой дом не более часа назад покинула ледяная птица. Как ни быстро летают сотворенные посланцы, покинуть мой дом без моего ведома не может ни одно существо… тем более, созданное магией. Единственные, кто мог сотворить ее — ваши короли, спевшие одновременно песни Воды и Воздуха. Путь ее лежит на северо-запад… а послание, которое она несет в Лис-Арден, предугадать не сложно.

— Найдите и убейте. — За мага эти слова произнес Сыч.

Глава пятая. Дорога тысячи путей

— Если так… — Арколь заметался по комнате как беспокойный дух, — если так, мы не успеем! Три недели пути — и это если повезет и никто не захочет нам помешать.

— Птице лететь четыре дня… — Хэлдар все так же всматривался в глубь сада, только пальцы его вцепились в край подоконника, — Поиски займут… если знать, где искать, не более двух недель.

Артисты, внимательно слушавшие разговор, но не позволявшие себе вмешиваться в него, переглянулись и опустили глаза. Сказать — как и сделать — было нечего. Если хоть кто-то из эльфов догадывался о дружбе Хэлдара и Сыча — он также легко мог догадаться и о том, что дом орка станет лучшим убежищем для возлюбленной эльфа.

— Господин эльф… — голос Шонно был тих и несколько неуверен; суртонцы вообще ораторскими способностями не отличались, а акробат и вовсе производил впечатление немого, так редко и мало он говорил. — Если вы ищете быстрого пути и не боитесь пройти его… может, я и смогу вам помочь.

— О чем вы, Шонно? — Хэлдар повернулся в сторону говорившего.

— О дороге тысячи путей. — Суртонец вздохнул, будто решался на нечто немыслимое, и продолжил:

— Мы, я и сестра, так давно с вами… такие же незнакомые и нелюдимые, как в первые дни нашей труппы. Но я всегда знал, что придет день, когда вы узнаете обо всем, что связано с появлением акробатов-суртонцев. Мы хранили свою тайну ради самих себя, чтобы выжить и спокойно жить. Мы расстанемся с ней, чтобы помочь той, которую мы полюбили.

Шонно встал, прошел к окну, оглядел внимательные лица друзей.

— Мое полное имя — Шонно Шой Де. Мы с сестрой единственные, кто уцелел из клана Шой Де после мятежа, во главе которого стоял наш отец. В те дни мы были еще детьми…

* * *

— Криолла! Шонно! Подойдите немедленно!

В мамином голосе прозвенела никогда до этого не появлявшаяся нотка просительного отчаяния. Шонно удивленно оглянулся и тут же получил хороший удар деревянным мечом от

соперника. Не вскрикнув, только скривившись, мальчишка отсалютовал своим мечом в знак прекращения поединка и подошел к своей сестре, разбиравшей неподалеку многочисленные наряды любимой куклы — от этого занятия ее не отвлек бы и звук дворцового гонга, не то что мамин голос. Шонно взял сестренку за руку и они вдвоем направились к маме, стоявшей на галерее, огибавшей внутренний дворик домашней половины дворца клана Шой Де.

— Тысячелетнего процветания тебе, госпожа! — дети склонились в почтительном поклоне, и более непосредственная Криолла, пренебрегая ритуальными формулами, спросила:

— Что случилось, мама?

Их мать, третья жена Шакки Шой Де, ничего не ответив на этот вопрос, сказала каким-то бесцветным голосом:

— Дети, сейчас же идите на конюшню, мы отправляемся на прогулку.

— Мам, на какую прогулку?! И потом, я не посчитала, сколько у моей Бими пар чулочков…

Шонно дернул сестру за руку и, почтительно склонив голову в знак повиновения, молча потащил ее за собою. Они миновали дворик, прошли через многочисленные дворцовые покои, и вышли за пределы дворца. Только тут брат позволил себе высказаться:

— Ты что себе позволяешь? Разве так разговаривают с матерью? И потом… неужели не чувствуешь — что-то случилось…

— С чего это ты взял, зануда?

— Ты еще глупее, чем я думал. — Шонно понизил голос. — Мама чем-то напугана, у нее руки дрожали и голос обесцветился. Может, у отца не все благополучно?

Почти бегом они подошли к приземистому зданию конюшни, где их уже поджидал нильгаец Мазруван, один из приближенных слуг отца и их воспитатель. К величайшей досаде детей, нильгаец не стал тратить время на объяснения, а увел их в одно из пустовавших стойл и попросил как можно быстрее переодеться в принесенную им в двух узлах одежду. Повернувшись друг к другу спинами, брат с сестрой торопливо одевали теплое белье, штаны и куртки для верховой езды, прочные и легкие сапоги, плащи, подбитые мехом выдры. На этот раз первым не выдержал Шонно:

— Мазруван, да продлит небо твои годы, к чему этот маскарад? Не подобает детям господина Шой Де рядиться подобно пыльным гонцам; и потом, зачем эти плащи, ведь тепло же!

— В пути они заменят вам одеяла, маленький господин, а в

горах укроют от непогоды, — ответил нильгаец.

— В каких горах?! — разом воскликнули дети.

— Тише!.. — в голосе неслышно подошедшей матери звенела тревога; госпожа Инанна уже была одета под стать своим спутникам. Она несла небольшой сверток, за плечами ее висел дорожный мешок.

— У нас нет времени на разговоры, — Инанна опустила руки на головы детей, — мы должны спешить. Вы сами еще слишком малы, чтобы править конями, поэтому ты, Шонно, сядешь с Мазруваном, а ты, Криолла, со мной. Все слова мы произнесем позже, если будет на то воля неба.

Инанна протянула слуге сверток, тот с поклоном принял его и спрятал на дне своего мешка. Затем подвел двух оседланных коней, помог сесть госпоже с дочерью, сел сам, примостив спереди маленького господина, и они отправились в путь.

Присмиревшие дети сидели молча, изредка поглядывая друг на друга. Неспешным шагом кони проходили мимо дворцовых служб; из Дома Вечно Пылающего очага тянуло вкусными запахами готовящейся еды… кажется, на ужин запекали уток в рисовом тесте и жарили розовые блинчики (Криолла с шумом втянула носиком воздух и весьма похоже изобразила урчание в желудке… брат только погрозил ей кулаком).

Все так же неспешно путники миновали Малые Ворота, возле которых — как всегда в отсутствии господин Шакка — не было стражи; затем копыта гулко простучали по узкому подъемному мосту над глубоким рвом, наполненном темной водой, и впереди показалась изукрашенная резьбой и позолотой арка Больших Ворот. Стража, разморенная не по-осеннему жарким солнцем, дремала и не обратила никакого внимания на выезжавших, приняв их, наверное, за бедных родственников кого-то из сытой дворцовой челяди. Точно следуя старой поговорке, путники медленно, но верно удалялись от дворца; сначала он походил на грозовую тучу на горизонте, потом — на сарай для сена, потом — на рисовый пирог… и вот тогда Инанна, третья жена Шакка Шой Де, привстала на стременах и сказала:

— Дети, держитесь крепче…

В тот же миг Марзуван свистнул и этот звук подействовал на коней как удар плетью; он прянули с места и сухая степная земля зазвенела под их копытами. Очень скоро Криоллу укачало, она побледнела и до крови закусила нижнюю губу, но мама крепко придерживала ее обмякшее тельце и, ни на секунду не придержав коня, продолжала путь. Шонно держался немногим дольше; понравившаяся сперва бешеная скачка вскоре превратилась в настоящую пытку; мальчик крепился, кусая изнутри щеки и читая

про себя Каноны Истинной Доблести. Прошло немало времени, прежде чем кони замедлили бег и, повинуясь поводьям, остановились. Брат с сестрой, не издав ни звука, повалились в рыжую степную траву как два мешочка с крупой.

— Попейте, мой маленький господин… — Мазруван прижимал к бескровным губам мальчика флягу с водой. Тот сделал несколько глотков, закашлялся и его стошнило; смутно он слышал похожие звуки у себя за спиной — это его сестра расставалась с обедом.

— Хорошо, что они не успели поужинать, госпожа… — невесело усмехнулся нильгаец. — Теперь мы можем продолжить путь.

— Подожди, Мазруван, пусть хотя бы отдышатся… — попросила Инанна.

— Пусть они отдышатся у подножия гор, госпожа, — возразил слуга, — воздух у ног Шуа Ду вряд ли покажется им сладким.

И снова они взобрались на коней и заклубилась душистая степная пыль, отмечая путь всадников.

…Они остановились на ночлег уже поздней ночью и то только потому, что знаменитые своей выносливостью суртонские кони нуждались в отдыхе. Мазруван расседлала их, вычистил и, в знак особой благодарности, расчесал гривы деревянным гребнем. Тем временем Инанна вскипятила воду в котелке, бросила туда пучок терпко пахнущих трав и принялась отпаивать этим настоем совершенно измотанных детей. Вскоре им полегчало и они уселись у костерка, молча наблюдая за матерью и слугой. Горсточка сушеных плодов да чашечка травяного чая — таков был весь их ужин.

— А дома сегодня были розовые блинчики… — вздохнула Криолла.

— Сегодня дома?… — у Инанны задрожал подбородок.

— Госпожа, я думаю, дети должны знать правду. Это придаст им силы. — Подал голос слуга.

— Ты прав. Шонно, Криолла… у вас нет больше дома. У вас нет никого и ничего, кроме вас самих. Ваш отец… кто я такая, чтобы судить его?… никогда не мог довольствоваться тем, чем так щедро награждала его судьба, он жаждал заполучить все. И погубил себя… и свой род. Дети, вы помните господина Эддо? Ну конечно помните, ведь он всегда привозил вам подарки. Он когда-то любил меня, но воля родителей соединила меня с господином Шакка. Впрочем, это неважно. Ваш отец возглавил мятеж против императора, надеясь вернуть Суртон к княжеской вольнице. Его поддержали многие, в том числе и клан Шуа Ду… чтобы в последний миг предать и погубить. А теперь, сынок,

вспомни уроки учителя канонов и скажи, что ожидает мятежника, посягнувшего на священную особу императора?

— Ч-ч-черный свиток? — заикаясь, еле выговорил Шонно.

— Да. Эддо успел прислать мне известие с почтовым голубем, презрев все традиции ради нас…

— Мама, а что такое черный свиток? — дрожащим голоском спросила Криолла.

— В дом мятежника приезжает гонец и привозит черный свиток, на котором нет ни единого слова… а потом… воины господина убивают его родных, жен, детей, советников… и сами тоже… — не выдержав, мальчик заплакал, уткнувшись лицом в колени. Вслед за ним заплакала и сестра, не от горя или страха, к которым она была непривычна, но скорее от тяжкого предчувствия будущих бед.

Взрослые дали детям выплакаться и продолжили невеселый разговор.

— Получив известие о предстоящей гибели дома Шой Де, я решила, что жизни моих детей дороже всех канонов и ритуалов, вместе взятых, и взяла на себя право увезти вас. — Инанна крепко обняла детей. — В Суртоне для нас теперь нет жизни, надо уехать отсюда… как можно дальше. Утром мы будем у подножия гор, пройдем водопады, и Мазруван проведет вас… нас вдоль Края Света в Шаммах. Там у него найдутся друзья. Я взяла все свои драгоценности, так что нужда нам не грозит.

— Мама, ты говоришь о водопадах? О Бороде Небесного Старца? — переспросил ее сын. — Но их никто еще не проходил…

— Просто никто по-настоящему не нуждался в этом, — улыбнулась ему мать. — А теперь спите. Путь будет нелегким.

Когда дети уснули, Инанна еле слышно попросила старого слугу:

— Обещай мне. Если дорога тысячи путей не примет меня… — голос ее задрожал и пресекся.

— Обещаю. — Мазруван не отвел глаз. — Я сделаю это.

Они разбудили детей через несколько часов и продолжили путь в темноте.

…..Эти водопады не зря называли Бородой Небесного Старца. На севере земли Суртона ограничивал Край Света — непроходимый горный массив; в его туманных глубинах брала начало полноводная Шакти — река, по которой проходила граница с империей Шаммаха и с буйными лесами Нильгау. И, возможно, те же источники, что питали Шакти, изливали здесь свои воды с уступов высоких серых скал. Небольших водопадов было около десятка, маленьких — более двадцати, и все вместе они представляли собой довольно точное подобие белоснежной,

ухоженной бороды; и вся эта падающая с немалой высоты вода не производила ни малейшего шума, а лишь слегка шелестела, подобно шелковому свитку. За водопадами были неоглядные горы и бесконечный туман, но древние легенды говорили, что если найти нужные слова, то Небесный Старец снизойдет до просящего и разведет водные струи, и укажет проход в сером камне, ведущий дорогой тысячи путей. Эта дорога ведет куда угодно и всегда приводит к цели — причем значительно быстрее, чем обычные дороги Обитаемого Мира.

Было раннее-раннее утро, солнечные лучи еще только скользили по земле, не согревая ее. Шонно и Криолла, проведя почти весь прошлый день в седле, пошатывались от усталости. Они безучастно глянули на молочно-белое, бесшумное великолепие Бороды и уселись наземь, прижимаясь друг к другу. Их мать стояла рядом, слуга — поодаль, вытянув руки.

— Погоня уже близко, госпожа. Или мы увидим солнце по ту сторону гор, или нам воссияет солнце мертвых.

— Хорошо. Будь рядом с детьми, отвлеки, если понадобится.

Инанна взяла из своего дорожного мешка сверток и, не оглядываясь, пошла к самому подножию водопада. Там она остановилась, достала четыре маленьких курильницы, заранее заправленные душистыми маслами и зажгла их, выстроив в полукруг по левую руку. В колючий утренний воздух потянулись четыре серых дымных столбика; Инанна опустилась на колени. Ее безмолвная молитва длилась долго… дети не могли бы сказать, сколько часов их мать пытается найти нужные слова. Вдруг Инанна потянулась к свертку, достала маленький нож, по форме похожий на ивовый лист, и провела им по левой ладони две линии крест-накрест, перечеркивая запечатленные на розовой коже жизнь и судьбу. Вытянув левую руку в сторону курильниц ладонью вниз, она принялась смешивать четыре струи дыма в одно облачко, немедленно окрасившееся в пронзительно-красный цвет….

Среди тихого шелеста воды зародился новый звук; он напоминал хрипловатый голос тростниковой флейты. А затем прозрачно-белые водяные струи разошлись, и за ними открылся узкий поход вглубь горы. Инанна, не оборачиваясь, махнула рукой, и Мазруван, увлекая за собой детей, пошел к горе.

— Сынок… Криолла… — Инанна прижала к себе детей так крепко, что у них перехватило дыхание. — Шонно, береги сестру. Дочка, позаботься о брате. И будьте счастливы. Ну, ступайте… вы первые, я после, пока промою руку… ну же!

Мазруван крепко взял детей за руки и они пошли. Однако, не пройдя и двух десятков шагов, Шонно будто проснулся и

оглянулся.

— Мама, не отставай! Мама!..

От его истошного крика вздрогнули серые каменные стены. Мальчик вырвал руку из смуглой ладони слуги и бросился назад, а вслед за ним — и сестра, спотыкаясь и всхлипывая. Там, где должна была стоять Инанна, застыл блестящий водный кокон, в котором смутно угадывались ее очертания. С разбегу дети ударились о холодную, твердую поверхность, которая даже не дрогнула. Девочка опустилась на колени, обхватила кокон руками и заплакала; брат стоял рядом, смаргивая переполнявшие глаза слезы.

— Не мучьте госпожу своим горем. Она дарит вам жизнь во второй раз — будьте же достойны этого дара.

— Мама, как же мы теперь? Что нам делать? — вырвалось у Шонно.

— Она сказала вам. Тебе — беречь сестру; ей — заботиться о том, чтобы ты не чувствовал себя одиноким в мире. Идемте. Дорога не будет ждать.

Мальчик осторожно прикоснулся к блестящей поверхности.

— Мама… спасибо тебе.

— Спасибо, мама… — прерывающимся эхом отозвалась Криолла.

Брат обнял ее за плечи, подал руку нильгайцу и они вместе двинулись вглубь горы, не оглядываясь и не разговаривая. Вокруг были серый камень, ватная тишина, полусвет-полумгла. Когда много позже они вспоминали об этой дороге, Криолла признавалась брату, что ей казалось, будто их проглотил каменный исполин и они сами идут по каменному горлу в его ненасытную утробу. Шонно же сказал, что до тошноты боялся встретить за следующим поворотом глухую стену. И все трое отчетливо слышали судорожное дыхание остановленного времени.

….На самом же деле прошло не более полусуток, прежде чем им ослепительно улыбнулось солнце Шаммаха. Последние шаги они почти бежали, затем стремглав вылетели на волю и пронеслись еще несколько десятков метров по инерции. Дорога тысячи путей вывела их куда-то на окраину Ирема, в цветущие предместья Харута.

— …В Иреме нас принял старый знакомый Мазрувана, бывший циркач. Так мы и решили спрятаться под пестрым покровом жизни артистов. Вы понимаете, что раскрыть наши полные подлинные имена мы не могли, равно как и поделиться нашей историей — слишком опасно… да и зачем обременять спутников своими семейными тайнами?

Шонно оглядел слушавших его и продолжил:

— После того злосчастного мятежа император прожил недолго — видно, измена одного из приближенных приблизила его кончину. Наследника он не оставил. С тех пор и поныне власть в Суртоне принадлежит клану Шуа Ду — уж не знаю как, но эти песьи дети умудрились доказать свои права на престол…

— А вы считаете, что… — не закончил Арколь.

— Да. — Скромно ответил Шонно. — Клан Шой Де состоит в близком родстве с императорской семьей и по праву мог бы претендовать на власть. Только официально считается, что все, носившие имя Шой Де, были казнены.

— Учитель! — Арколь обратился к внимательно слушавшему аш-Шудаху. — Вы никогда не говорили мне об этом — о дороге тысячи путей, правильно?

— Не говорил. Потому что, признаться, считал все касающиеся ее легенды пустыми россказнями. А проверить было как-то недосуг. А зря… Я слишком много наслушался разговоров старших братьев — о глухоте и тесноте этого мира, и даже не считал возможным существование подобной дороги. Однако мы упустили из виду немаловажную деталь. Шонно, ваша мать заплатила жизнью за ваше право пройти дорогой тысячи путей… ведь так?

— Да. — И суртонец опустил глаза.

— Странно, — Арколь не мог остановиться и все расхаживал вдоль стен, — странно… Я так понял, собственно хозяина у дороги нет. Она отстранена и безразлична к вопрошающим. Эта формула — «найти нужные слова» — слишком всеобъемлюща и пуста одновременно. Не понимаю. Нет хозяина — некому принять жертву. А значит, она нужна только как знак освобождения силы.

— Неплохо, Арколь. — Аш-Шудах кивнул в знак одобрения. — Чтобы открыть этот путь, нужна сила — и немалая. Среди всех моих артефактов вряд ли найдется способный соперничать с отчаявшимся сердцем…

— Я думаю, мы можем помочь. — Это сказал орочий шаман, казалось, проспавший все время. — Рискованно, конечно, но…

Он вздохнул и достал из-за ворота полотняной рубахи цепочку, на которой висела металлическая пластина, служившая обрамлением прозрачному темному кристаллу.

— Всего таких камней двадцать четыре. — Шаман внимательно оглядел собравшихся. — Конечно, средоточие силы изначального камня — это камень дома Эркина. Но и оставшиеся наделены силой… мы использовали ее только один раз. Должно быть, эльфы не забыли Год Зимы? — шаман неприметно усмехнулся. Это случилось давным-давно, когда потомки альвов

еще выясняли, кто же из них более достойно выполнил волю богов. Однажды на исходе весны на земли эльфов обрушились нескончаемые снегопады, реки сковал лед, воздух промерз и превратился в жидкое стекло. Невиданная зима продолжалась ровно год. За это время эльфийские леса, вплотную подступавшие к Краю Света, сплошь повымерзли; тем, что были южнее, тоже досталось. На освободившихся землях и расселились орки, прежде вынужденные отвоевывать каждый клочок.

— Иса? — спросил аш-Шудах шамана.

— Иса. — Подтвердил тот. — Мой дальний предшественник использовал силу, заключенную в руне льда. А потом он же, чтобы прекратить это, потратил еще и силы Совуло, иначе мы сами так и остались бы в этой бесплодной мерзлоте. Так или иначе, было решено, что использовать силу камней чересчур опасно и накладно, и нужны весомые причины, чтобы пустить ее в дело. Сейчас они есть. Сыч, возьми камень.

Шаман снял цепочку с шеи и протянул крысолову. Тот принял ее и внимательно всмотрелся в камень, лежавший у него на ладони.

— Это судьба, милсдари. Этот отмечен Райдо, руной обретения пути. Арколь, ты сумеешь его открыть?

— Сумею. — Уверенно сказал маг-подмастерье.

— Хэлдар, ты сможешь в случае чего хоть как-то его сдержать?

— Смогу. — Эльф встал с окна и подошел к орку.

— Тогда чего же мы ждем?!

Спустя пять дней Хэлдар, Сыч и Арколь стояли перед тем же бесшумным великолепием. Это место было из тех, что не меняются столетиями, храня свой первозданный облик, не изменяя своему предназначению. Все те же серые скалы, та же вода, шепотом спускающаяся по выглаженным уступам, полупрозрачный туман и еле уловимые отзвуки тростниковой флейты в воздухе. Спутники стояли, оглядываясь, присматриваясь к месту; их кони пощипывали траву неподалеку.

— И впрямь на бороду похоже… — Арколь задрал голову вверх, пытаясь разглядеть истоки водопада. — Ничего борода, ухоженная. Сыч, мы тут ночевать собираемся, или?

— Или. — Орк снял с шеи цепочку с камнем, оправленным в металлическую пластину. — Кто тут магик? Работа имеется…

— Работа, говорите? — подхватил Арколь. Он подошел к Сычу, прикрыл ладонью лежащий на орочьей руке камень, прикрыл глаза… очень скоро камень начал теплеть и тяжелеть. Через минуту Сыч почувствовал, как кожу его будто покалывают горячие, незлые иголочки, будто он держит выхваченную их золы

печеную картошку, шершавую, черную, тяжелую… И тут же, будто по волшебству, орк забыл о том, где он, зачем пришел сюда… он помнил и ощущал только одно — свой дом. Родной, теплый запах — тот, которым не надышаться вовек, запах, обнимающий его с порога ароматами хлеба, чистой воды и сушеных трав. Знакомые звуки — чуть скрипящая дверь, шепот листьев за окном, легкие шаги Совы… Пальцы Сыча ощутили прохладу деревянного стола, меховое тепло кошачьей спинки, гладкую кожицу спелого яблока… и ему показалось, что вот сделай он шаг — и перед ним окажется крыльцо с широкими ступенями, и распахнется перед ним дверь — дверь его дома. Тут Арколь распахнул глаза, всмотрелся в лицо орка — так, будто видел его впервые, — и улыбнулся.

— Как все просто-то. Как дверь ключом открыть. Давай, Сыч.

— Чего? — недоуменно переспросил орк. От недавнего взгляда Арколя у него слегка кружилась голова и пересохло во рту.

— Открывай, говорю. Руку протяни и поворачивай… камень в пальцах зажми, ладонь вперед. Алмаз я разбудил, остальное ты сам должен сделать.

Сыч послушался. И в ответ на этот жест сквозь водяной шепот зазвучал голос тростниковой флейты.

— Куда направляешь ты свой путь, ищущий дорогу? Куда спешишь?

— Домой. — Выдохнул Сыч.

— Домой… — повторил хрипловатый переливчатый голос. — Домой…

Молочно-белые пряди воды бесшумно разошлись, обнажая мокрый серый камень.

— Дорога тысячи путей перед тобой… Хочешь обогнать судьбу — попытайся…

От века незыблемая, монолитная каменная стена начала таять; в ней явственно проявились очертания высокой арки, ведущей вглубь горы. Проход был достаточно широк и светел, будто сами стены источали неяркий свет.

Сыч, не оглядываясь, двинулся вперед; он опустил руку, сжав алмаз в кулаке. За ним шли Арколь и Хэлдар, ведя в поводу коней. Несколько шагов — и вместо степной рыжей травы под их ногами оказался гладкий каменный пол.

— Не оглядывайтесь, — на ходу посоветовал Арколь, крепче ухватывая поводья. — И не торопитесь…

Второе его предостережение оказалось излишним. Каменный коридор, по которому шли друзья, был заполнен полупрозрачным, вязким на взгляд туманом, на расстоянии

вытянутой руки уже ничего нельзя было разобрать… при этом никаких препятствий на их пути не было. Но из-за тумана очертания стен, пола и потолка казались нечеткими, невнятными, каждый шаг приходилось делать будто наугад, осторожно и пытливо — как на молодом льду. Хотелось разогнать эту клейкую дымку, стереть липнущую к глазам пелену — но приходилось терпеть, шаг за шагом продвигаясь вглубь горы.

Хроники дома Эркина

Дирк-капитан тащил полное ведро воды, перехватывая мокрую, грубую веревку, чуть ли не пояс перевесившись за борт корабля. Вытащил и с размаху выхлестнул соленую, холодную влагу на палубу, схватил швабру и принялся привычно-усердно надраивать доски. Для своих пятнадцати лет Дирк-капитан был довольно рослым, но ничем таким особенным не отличался — поджарое, угловатое тело подросшего щенка, зеленоватая кожа, покрытая синяками и ссадинами, хвост темных волос, посекшихся от морской воды; от остальных матросов команды «Бродяги» его отличали разве что серебряные глаза, доставшиеся в наследство от батюшки-Крысолова, и амулет на шее — черный, оправленный в металл камень. Да еще прозвище: как ни крути, но юнг все-таки чаще величают Недотепами, Олухами или Балбесами, а тут — Капитан… Причем дано это прозвище было не кем иным, как самим капитаном, Фраггом-Освободителем, охотником за рабскими галерами; а данное таким человеком прозвание сомнению не подвергалось и прилипало покрепче имени, данного отцом-матерью.

Дирк, старший сын Крысолова Судри из южных лесов, впервые вышел в море в неполные двенадцать лет. Мальчишка бредил кораблями, парусами, волнами и прочей морской дребеденью лет с десяти, когда его отцу угораздило взять сына с собой в Манору. Попав в порт, Дирк поначалу остолбенел, а потом ноги сами понесли его к первому попавшемуся кораблю, пришвартованному к причалу — грузчики закатывали по деревянному трапу бочки, заполняя брюхо трюма, кто-то записывал принятый на борт груз… Мальчишку, сунувшегося прямо под ноги грузчиками, чуть не затоптали; но вовремя успели дать затрещину, выругать и прогнать к отцу, где его ожидали те же гостинцы. Однако такой приветливый прием Дирка ничуть не смутил и он на следующий же день опять отправился в порт — уже без отца. С утра до вечера он бродил по причалам, зачарованно разглядывая торговые манорские коги — похожие на детские лодочки, с квадратными парусами на единственной мачте, с массивным воротом брашпиля на кормовом замке. Он видел матросов, смуглых и ловких, и, кажется, один раз даже разглядел капитана — человека, одетого богаче и строже всех, разговаривавшего с главой складской охраны (родным дядей Дирка). Одним словом, ни покоя, ни толку от вернувшегося домой Дирка ждать не приходилось; парень словно помешался. И родные сочли за благо не ломать его волю,

а отпустить восвояси куда глаза глядят и куда душа тянет — в море. Отец, провожая сына, неожиданно сам для себя снял с шеи семейную реликвию — камень, похожий на осколок черного льда, оправленный в металлическую пластину, — и отдал сыну. «Не знаю, что делаю… — как-то недоуменно сказал отец, — но тебе, похоже, он нужнее. Всю жизнь я его слушался, и сейчас спорить не стану».

Стараниями дяди Дирка взяли на один из торговых когов юнгой. Поначалу все было как и полагается — работа, схожая с пыткой, насмешки и тычки, тоска и растерянность. Дирк обдирал в кровь ладони мокрыми, тяжеленными канатами, его сбивало с ног звеньями якорной цепи, а однажды во время шторма чуть не смыло за борт. Небольшая команда кога никогда не упускала случая повеселиться на счет новенького, причем ни добротой, ни утонченностью шутки эти не отличались. Дирк сносил все оскорбления молча, стиснув зубы, понимая, что пока он не станет здесь своим, права ответить у него нет. Первое плавание из Маноры в Арзахель и обратно, длившееся чуть более месяца, показалось Дирку бесконечным… Но, несмотря на оханья дядиной жены и уговоры самого дяди бросить эту блажь и вернуться домой в привычные оркам леса, Дирк вернулся не домой, а на борт коги. Второе плавание оказалось немногим менее мучительно, третье запомнилось тем, что когу попытались сцапать пираты и шкиперу пришлось проявить все свое умение, чтобы увести корабль от более быстрой и маневренной муспельской каравеллы. А дальше все пошло само собой; Дирк привык к работе, корабельному распорядку и команде. Спустя два года кога и вместе с ней Дирк попались муспельским пиратам.

Произошедшее тогда Дирк вспоминать не любил. Как заехали по голове рукоятью палаша, как пришел в себя в вонючем трюме, среди десятков таких же бедолаг, обреченных на рабство, как вытянули вскорости на палубу, чтобы посадить к веслам… И как на меньше чем через месяц на палубу пиратского корабля поднялись другие крысы, у которых, судя по почтению, которое им оказывали, была и труба повыше и дым погуще. Вместе с крысами был еще кто-то, явно не их крови — намного выше, одетый во все черное, держащийся особняком. До слуха Дирка донеслось имя главного из удостоивших гостей — господин Брик. Но особо прислушиваться ему было некогда, успевай только весло ворочать.

— Эй, ты!.. Кто таков будешь? — Дирк поднял голову. Напротив него стояли господин Брик и тот тип в черном, на вид совсем молодой, ртутноглазый и невозмутимый.

— Что молчишь? Онемел, никак?

— Дирк… Крысолов из Южных лесов. — Мальчишка счел нужным слегка склонить голову в поклоне.

— Ах ты, вот ведь как судьба повернула… И чего только не наглядишься — крысолова в море понесло. А это у тебя что такое, а? — и Брик ткнул пальцем в висевший на шее простенький амулет с черным камнем.

— Отцово благословение, милсдарь… — Дирк провел ладонью по лбу, стирая крупные капли пота.

— Не особо оно тебе помогло… — подал голос парень в черном. — А что скажешь, Дирк, — может, обменяешь свое благословение на свободу? Прямо сейчас, пока тебя на шаммахитские рудники не продали?

— Ты подумай, парень, только не долго… — Брик усмехнулся, глядя сверху вниз на одуревшего от тяжкой работы Дирка.

— И думать тут нечего, — Дирк неожиданно для себя выпрямился. — Не обменяю.

Брик и безымянный переглянулись. «Да забрать…» — «Не могу…» — «Как не могу?! Ты?!» — «Только сам. Должен отдать сам.» — «Не можешь забрать — выиграй.» Высказав это предположение, Брик снова обратился к Дирку.

— Воля твоя, крысолов. А как насчет честной игры? Ты свой амулет поставишь, да и мы, чтобы тебе не скучно было, ставку сделаем…

И действительно, ставку они сделали очень быстро. В отверстие для стока воды в фальшборте просунули доску, наспех закрепив ее бочками, а в качестве первой ставки капитан пиратского корабля («чтобы почтить уважаемых гостей и дабы никто не заподозрил его в скупости») выставил самого ценного из своих «постояльцев» — шкипера одного их сторожевых арзахельских кораблей, несмотря на молодость, изрядно успевшего насолить крысам. Дирк за то немногое время, что провел на пиратском бриге, успел наслушаться о Фрагге — и как он ловко пиратские корабли гонял, и как в бою хорош был. А теперь он стоял на доске, выдвинутой в море, со связанными за спиной руками.

— Ну вот, парень, твой амулет против этой жизни. Прошу… — и Брик с поклоном подал ртутноглазому стаканчик, в котором погромыхивали кости.

— Тавлеи… — усмехнувшись, произнес тот. И не глядя стукнул стаканом об услужливо подставленную перевернутую бочку. — Мне везет — шесть и шесть. Твой черед.

Дирк взял дрожащей от усталости рукой стакан, встряхнул и так же стукнул о бочку.

— Ишь ты… ему тоже везет. Шесть и шесть. — Без тени удивления произнес Брик. — Видно, ставка маловата. Эй, хозяин, а девицы у тебя не припасены? — и небрежно махнул рукой, чтобы прежнюю ставку убрали.

Увидев, как падает в воду шкипер Фрагг, Дирк со вполне понятным воплем вскочил со скамьи, громыхая цепью, пытаясь ударить хоть кого-то. Тут не выдержал и его противник; он схватил мальчишку за шкирку и протянул руку к амулету. Уцепился за цепочку, рванул…

А дальше произошло нечто невообразимое. Немногие из уцелевших сочиняли истории про морское чудовище, поднявшееся со дна, чтобы покарать мерзких крыс, а заодно и подкрепиться. Во всяком случае, корабль, на котором пытались разыграть в кости алмаз темной крови, разлетелся в щепки, будто весь трюм был забит бочками с порохом и все они разом рванули. Стоявшему рядом кораблю гостей тоже досталось, но его куски оказались несколько покрупнее. Во всяком случае Дирку повезло — вынырнув, он наткнулся на подобие плота из палубного настила. Море помогло ему взобраться на него. Отдышавшись, Дирк огляделся — куда ни глянь, волны, тлеющие обломки кораблей… только тут он понял, что с его рук исчезли кандалы. А еще через секунду увидел, как поднимается из воды изрядный кусок мачты, а на нем — бессильное, бесчувственное тело молодого мужчины со связанными за спиною руками.

Так вот и получилось, что Фрагг, которого Дирк из последних сил перетащил на свой утлый плот, и Крысолов дальше путешествовали вместе. Их странствие продлилось немногим более десяти дней. Недолго, но запомнилось навсегда. Дирк собирал воду (на их счастье ночи оказались дождливыми) в свернутые жгутами полотняные моряцкие штаны, однажды на их плот плюхнулась стайка жирных летучих рыб. Но всего этого было удручающе мало, чтобы поддержать две жизни. Да еще Фрагг не приходил в себя… Дирк не раз отчаивался, видя его безжизненное, застывшее лицо. Но продолжал выжимать воду в полуоткрытый, пересохший рот шкипера, пытался согреть его, обняв и уложив себе на колени. На их счастье, Фрагг был оглушен, но не ранен, да и Дирк остался целехонек; так или иначе, кровь не сопровождала их путь и не привлекала к ним хищных рыб.

Последние два дня пути Дирк провел в каком-то забытьи. Что-то делал, на что-то уже не хватало сил и он терял сознание чуть ли не наполовину свесившись с плота. И надо же такому случиться, что ветра и течение пригнали их в арзахельские воды, и подобрал их сторожевой корабль…

Глава шестая. Лесные тропы

Амариллис проснулась от негромкого птичьего посвиста — какая-то птаха уселась на подоконник распахнутого окна и выводила свою немудреную песню. Девушка подняла голову, прищурилась… спросонья контуры предметов были невнятны, поначалу она даже не поняла, что это — раннее утро или поздний вечер? Птица, потревоженная проснувшейся, улетела, оставив по себе ощущение некоторой неловкости, будто ее согнали с законного места. Амариллис потянулась, села на кровати, потянула к себе разложенную на прикроватном сундуке одежду, до сих пор непривычно просторную. Подумав, накинула теплый плащ, — все-таки августовские утра прохладны, — и направилась в сад. Сова, по-видимому, все еще спала; вчера она допоздна не ложилась, ожидая приезда старшего сына. Глитнир должен был приехать на исходе августа, да не один, а с женой. Сова все сокрушалась, что Сыча нет дома и он, возможно, так и не успеет повидаться с сыном.

Девушка вышла на крыльцо, постояла с минуту, присела на верхнюю ступеньку. «Доброго утра», — послышалось снизу. Пробегавший мимо брауни выслушал ответное приветствие Амариллис, приветливо покивал ей и побежал дальше — хлопотать по хозяйству. Подумав еще немного, танцовщица вернулась в дом, и отыскала на кухне жену брауни, ту самую, что год назад помогала ее выхаживать.

— Доброго утра и теплого дня. Я собираюсь прогуляться — в лес, к Медвежьей Домушке. Сыч мне разрешил туда ходить, места там безопасные. Прошу, собери мне поесть… а то сейчас чего-то не хочется.

Брауни заулыбалась, кивнула и через минуту для Амариллис был готов маленький заплечный мешок, в котором лежали фляга с топленым молоком, белый хлеб и ломоть сыра. Как раз столько, чтобы подкрепиться, но не пропустить обеда.

К Медвежьей Домушке Амариллис ходила нередко. Впервые она набрела на это место, гуляя с Сычом по окрестным лесам. Орк почти потерял надежду научить девушку хоть как-то ориентироваться в лесу. «Городское отродье…» — ворчал он, — «Ты еще на муравейник сядь… Елку от сосны отличить не можешь, даром, что к Лесному клану принадлежишь». Во время прогулок он пытался передать Амариллис хоть какие-то знания.

— И куда это ты повернула, а?

— Домой… — пожимала плечами танцовщица.

— Ну-ну… Пошли… Глядишь, к зиме до Краглы и доберемся.

Ами! Мы из дому вышли в северную сторону. Значит, возвращаться надо в южную.

— Тебе виднее.

— Благодарствую за доверие. Ну, куда идти-то?

— Эээээ… Ммммм… К югу…значит, так. Ты говорил, что с южной стороны стволы деревьев порастают мхом… — но, бросив на орка взгляд, девушка поспешила поправиться, — То есть с южной они как раз лысые…

— А еще? — ехидно поинтересовался Сыч.

— Нуууу… У муравейников южный склон пологий, и ветки у деревьев длиннее. Так, что ли?

— Что ли так. Пошли уж…муравейник искать да ветки мерять. Вот же тропа, мы ею раз десятый проходим! Недотепа городская…

Однажды лес вывел их на небольшую поляну; поначалу девушку привлекли три причудливо сросшиеся сосны, она походила, оглядываясь, а потом, неожиданно для себя, направилась куда-то в сторону, по едва приметной тропке. Сыч быстро нагнал ее, ядовито интересуясь, не намеревается ли она поиграть в прятки или поискать съедобных грибов, и тут же предложил ей разжиться семейкой облепивших пень поганок. Но Амариллис даже не услышала его, она спешила выйти туда, куда ее властно и ласково позвали.

Этим местом оказалась обширная поляна, отмеченная немалой ямой, заросшей мхом. По краям топорщилось несколько кустов малины, пестрели разноцветы. Ничего особенного.

— Ты что, Амариллис? Нездоровится никак? — спросил Сыч, встревоженный молчанием девушки, застывшей на краю ямы.

— Ты как думаешь, Сыч, — не заметив его вопроса, сказала она, — что здесь было? Может, жил кто?

— Может, и жил. Только давно очень. Я, во всяком случае, ничего об этом не знаю. Тут окрест хуторов немного…

— Ага… — протянула Амариллис. Она опять едва ли слушала орка. — Можно, мы тут побудем?

И, не дожидаясь ответа, пошла по поляне, оглядываясь и прислушиваясь. Сыч не стал ей возражать и уселся рядом с кустом малины, обрывая мелкие сладкие ягоды. Походив немного, девушка вернулась и присела рядом с орком.

— Знаешь, Сыч, мне здесь хорошо. — Недоуменно сказала она. — Непонятно. Ты сам знаешь, я в лесу беспомощна, не особо мне уютно, даже страшновато бывает… а тут… Хоть ночевать оставайся!

Сыч глянул на Амариллис с насмешкой — прежде одна мысль отправиться на ночь глядя в лес заставляла ее боязливо ежиться,

а тут вдруг расхрабрилась.

— Прям-таки и ночевать?

— Да. Знаю, ты мне не веришь, но я бы осталась.

— Ну, может, как-нибудь. Но не сегодня. Пошли-ка домой, смотри, солнце уже за верхушки клонится.

С тех пор Амариллис часто приходила на эту поляну; в последнее время реже, потому как идти до нее было неблизко, а Сова сердилась, если Амариллис уходила одна далеко от дома. «Мало ли что!..» — хмурилась она. Но сюда девушка предпочитала приходить одна.

Неторопливо (по-другому теперь не получалось) Амариллис спустилась с крыльца, поплотнее запахнула плащ и направилась давно знакомой тропой — через сад, через выгон, мимо редколесья, немного вдоль опушки — и в лес. На этот раз идти пришлось почти час (скоро мне полдня понадобится, чтобы сюда доползти, с неудовольствием подумала Амариллис). Растаял утренний холодок, плащ пришлось распахнуть, а потом снять и нести в руках. Выйдя на поляну, девушка сначала чуть зажмурилась от яркого света, а потом раскинула руки, уронив плащ в траву, потянулась, выгибая спину, и пошла, чуть-чуть пританцовывая, греясь, улыбаясь…

Потом подошла к яме, спустилась вниз, расстелила прихваченный плащ, устроилась поудобнее, полусидя-полулежа и закрыла глаза. Спать ей не хотелось, но, как и прежде, ласковая дремота провела легким рукавом по ее лицу, смежила веки, выровняла дыхание. Со стороны могло показаться, что девушка уснула, таким спокойным, безмятежным было ее лицо. Ей и самой поначалу так казалось. Когда Амариллис впервые спустилась в яму и задержалась там ненадолго, то пережитые ощущения и обрывки видений она приняла за мимолетный сон, привидевшийся за несколько минут. Но вскоре ей пришлось признать, что с обычными ее снами это состояние не имеет ничего общего. Оставаясь на дне моховой ямы, она грезила наяву, видя рядом с собой семью орков, причем чаще всего попадался ей на глаза мальчишка лет тринадцати-четырнадцати, упрямый и своенравный. Амариллис видела и других орков — то смутно знакомого мужчину в моряцкой одежде, то паренька, исполосованного сетью порезов, привязанного к дереву, а однажды увидела своего прадеда, схватившегося с довольно неприятным на вид созданием, похожим на мохнатого скорпиона. Иногда мимо нее проходили вереницей эльфы, пробегали стайкой дети, размахивая пустыми лукошками… под ее пальцами оказывались то прохладный, влажный после долгого осеннего дождя мох, то свежий снег… Амариллис понимала, что здесь

время не властно, что прошлое, уже свершившееся проходит перед ее глазами, навсегда сохраненное этим местом, и те, кого она видела, кто притягивал ее внимание, — все они как-то связаны с нею… «может, это мой дом…»

Что же касается ощущений, то они сводились к покою, умиротворению и тому, что девушка называла про себя «кушай и расти большая». Волшебное место щедро делилось с нею присущей ему силой; Амариллис принимала ее с благодарностью, «про запас».

Она никому не рассказала о том, куда в действительности ходит. Что-то удерживало ее от этого, и поскольку она всегда возвращалась из лесу вовремя и выглядела довольной, никто особо и не расспрашивал ее.

Сегодня она также привычно доверилась магии лесного «дома»; однако вопреки ожиданиям тени минувшего не посетили ее, только и было, что теплый мох, мягкая шерсть плаща под локтем и тишина. Под конец Амариллис действительно задремала, уложив голову на согнутую руку и прикрыв глаза от солнца. Сколько она проспала, сказать было трудно, поэтому проснувшись, она не стала задерживаться, а поднялась наверх, как смогла поклонилась «дому», и направилась обратно, к дому Сыча. Пока она отмеряла положенные обратной дороге шаги, ничто не тревожило ее, не пугало и не беспокоило. Тот же лес, та же тропа, кусточки можжевельника, веретенообразные глянцевые листья ландышей, теплые, прогретые августовским солнцем стволы сосен… ветер, доносящий звонко-монотонный голос кукушки… ветер, несущий запахи хвои, смолы… Вскоре она уже вышла к выгону, прошла садом, отводя руками ветки яблонь, вновь, как и два года назад, клонящихся к земле под тяжестью плодов. Запыхавшись, остановилась отдохнуть и увидела, что во время ее отсутствия в дом Сыча пожаловали гости.

На крыльце сидели Сова и незнакомый Амариллис орк — высокий, молодой и красивый, с такими же, как у Совы, желтыми глазами. Он окликнул кого-то и из сада — со стороны, противоположной Амариллис, — вышла юная женщина, светловолосая, невысокая, одетая в просторное легкое платье, не скрывающее ее беременности. «Так это же Глитнир с женой!» — подумала танцовщица. — «Придется Сове двое родов принимать… Странно, а мне она не сказала, что ее сын человеческую дочь взял в жены. Наверно, Глитнир ее саму удивить хотел. Надо же… прямо как мои прадед с прабабкой…» Она еще хотела подумать о том, как хорошо и правильно, когда в такое время рядом с тобой тот, кто не испугается твоей боли, но не успела.

Внезапно неспешно идущая женщина как-то резко вздрогнула, будто ее кто толкнул, остановилась — и Амариллис поняла, что из горла у нее торчит стрела, серебристо-серая, эльфья. Женщина не издала ни звука, медленно, подогнув колени, опустилась на землю и замерла. Еле-еле, на пороге слуха Амариллис различила шелестящий свист, повернула голову в сторону дома — Глитнир, не успевший отбежать от крыльца больше трех шагов, лежал, уткнувшись головой в выброшенные вперед руки, и его спина была украшена тремя такими же стрелами. Они же опрокинули Сову на ступени крыльца, расцветив ее льняное платье багровыми пятнами по нагрудной вышивке. Еще два коротких вскрика со стороны конюшни. И тут Амариллис начала различать вокруг себя фигуры эльфов. Она видела их совсем рядом, и поодаль, и даже слышала их дыхание, отдающее ландышевой горечью. И снова видела стрелы, летящие к дому Сыча, горящие стрелы, впивающиеся в крышу, стены, влетающие в распахнутые окна. Эльфов немного, не более полутора десятков, но Амариллис они показались целой армией. Она прижалась к стволу яблони, скользя по нему, разрывая рукав платья и в кровь царапая плечо, в тщетной надежде укрыться от их цепких, всевидящих взоров, обхватила ладонями живот… У Амариллис не получилось испугаться; она оглядывалась, как затравленный зверь, не видя спасения — и не понимая, не постигая, как такое возможно, что же такое случилось с миром, что те, кого считали воплощенным достоинством и честью, убивают подло и хладнокровно. Она готова была распластаться потрошеной рыбой, слиться с землей, прорасти травой, лишь бы ускользнуть от этих безжалостных охотничьих глаз и серебристо-серых стрел. Запах гари, едкий, отчаянный, горестный запах гари обжигал ее лицо, заставляя стонать и — в конце концов — раскашляться…

…Амариллис проснулась от кашля. Она уняла его, хлебнув молока, и попыталась перевести дыхание, успокоить бешено стучащее сердце. Только сон, говорила себе она. Только сон. Но сама же возражала — здесь не бывает просто и только снов. И гарью в лесу обычно не пахнет. Да и откуда бы взяться на ее рукаве прорехе, будто острым сучком оставленной — ведь когда она засыпала, рукав целехонек был. И рваной царапины на плече тоже не было… Острые, холодные зубы страха вонзились в затылок Амариллис. Надо прятаться, бежать — но куда? И с какими силами? Девушка на минуту замирает, прижав пальцы к вискам, сжавшись комочком на дне моховой ямы… потом открывает глаза, встает, аккуратно одевает плащ, поправляет завязки мягких кожаных туфель и быстро выбирается наверх. В ее

лице нет более страха и неуверенности; она знает, что ей делать и куда идти. Амариллис кланяется и спешит к лесу. Помедлив на опушке не более полминуты, она сворачивает в сторону Медвежьей Домушки. Идет она быстро, словно знает дорогу — или идет за кем-то, кто ведет ее, уверенно и спокойно.

— Господин!.. прошу Вас, идемте со мной!

Ответа на этот истошный крик, раскатившийся кувыркающимся эхом по огромной зале, не последовало. Кричавший замер, закусив губы, мучительно раздумывая, стоит ли вновь взывать к тому, кто не возжелал явиться. Но вспомнив, что привело его в столь неподходящий час, гостем незваным и — он знал об этом — желанным не более, чем чума, он яростно блеснул единственным глазом и возопил еще громче:

— Господин!… Где Вы?!..

Тихий вздох прошелестел под неразличимыми во тьме сводами залы… едва уловимое раздражение и обидная снисходительность были в этом вдохе. Кричавший замер, сжавшись, на пороге, тщетно вглядываясь темноту. Через секунду после этого он снова закричал — на этот раз от боли. От непереносимой боли в единственном глазу, потому что вспыхнувший в зале свет ударил по нему ослепительно-белоснежным хлыстом, прожигая до самого дна. Сквозь слезы пришедший различил того, кого так самонадеянно потревожил. Под самым потолком зависло тело, напряженное, натянутое как струна — выгнутая грудь, запрокинутая голова и руки, опущенные вниз, с ладонями согнутыми подобием чаш. Названный Господином неспешно открыл глаза, с сожалением вздохнул и встряхнул небрежно кистями — его кровь, стекавшая из витых порезов на запястьях в чаши ладоней, выплеснулась в воздух и застыла в нем темно-карминными сгустками. Затем он так же неспешно спустился и направился к пришедшему.

— Фолькет… — он говорил тихо и чуть ли не грустно. — Поверь, мне было бы жаль лишиться такого слуги как ты. Но поверь также, что создать голема такой же толковости мне не сложней, чем тебе — почесать затылок в минуту раздумья. Или по-твоему этот ритуал настолько ничтожен, что ты позволил себе прервать его за минуту до завершения своими воплями?.. Или по-твоему моя кровь создана для того, чтобы творить из нее всякие пустяки, вроде вот этого?..

Через мгновение один из сгустков распался на сотни мелких капелек, каждая из которых обратилась осой, вооруженной тонким стальным жалом. Звонко жужжащий рой окружил несчастного цверга… вскоре на его лице, руках, шее появился странный, причудливый рисунок. Впрочем, приглядевшись внимательнее,

можно было различить буквы шаммахитского алфавита, кудрявые и затейливые, они складывались в слова, а слова — в назидание, повторяющееся несколько раз — «Не тревожь Господина понапрасну». Фолькет даже не делал попыток отмахнуться от ос, с ужасом глядя на оставшийся кровавый сгусток.

Гарм махнул рукой и осы отлетели в сторону.

— Так что привело тебя, Фолькет? Что показалось тебе настолько важным?

— Кккамень… — цверг выпустил это слово из дрожащего от боли рта. — Ожил…

— Камень ожил? Так что ж ты молчал?!… — Гарм улыбнулся и раскрыл руки, будто собираясь обнять слугу. Но вместо этого он собрал парящую в воздухе кровь, придав ей форму червя, и одним взмахом отослал ее прочь, во внешние пределы бывшего Дома Богов, в земли Арр-Мурра.

— Ну что застыл? Идем! Показывай, как твой питомец возвращается.

Они спустились по крутой, осыпающейся камнями лестнице, прошли анфиладой то ослепительно освещенных, то непроглядно мрачных комнат и вошли в покой, ничем не украшенный, совершенно пустой. На одной из стен было видно что-то похожее на дверь — вросшую в стену, почти стертую, но все же заметную. Посреди покоя стоял алтарь, на каменной поверхности которого лежал алмаз темной крови — тот самый, что когда-то носила Амариллис на правой руке. По прежнему закрепленный в кольце, ничем не сдерживаемый. Увидев его, Гарм на миг замер — камень горел ясным, теплым огнем.

— Оооо… — и бог со свистом втянул воздух сквозь зубы. Он не спеша подошел к алтарю, провел рукой над камнем. Ничего. Гарм взял кольцо в руки, положил на ладонь — алмаз лежал спокойно, все так же светясь.

— Хвала всему сущему… Она жива… нашлась… — Гарм улыбался, купая взгляд в прозрачной глубине камня. — Ну конечно…ты не мог оставить ее на погибель. Дотянулся. Будь по-твоему…Веди ее. А я тебе помогу.

Осторожно положив камень на алтарь, Гарм, не поворачивая головы, сказал:

— С этого момента ты сюда больше не входишь. Только если я укажу. Не будем торопиться…

И Фолькет почтительно поклонился и вышел из покоя.

Амариллис шла не торопясь, но и не задерживаясь ни на секунду. Через полчаса она, однако, остановилась — лишь для того, чтобы подобрать палку подходящего размера, на которую было бы удобно опираться, и продолжила свой путь. В правой

руке — посох, левая поддерживает тяжелый живот, лицо спокойно и даже как будто безмятежно. Можно было подумать, что она возвращается в родной дом, где ее ожидают тепло и защита, и если ей что и угрожает — так это укус припозднившегося комара или выговор от старой няньки за слишком долгую прогулку.

Еще через полчаса девушка увидела, как в просвете меж соснами блеснуло зеленым зеркалом озеро. Она спустилась пологим берегом, подошла к сосне, чьи огромные, вывороченные корни казались похожими на арку и остановилась перед ними.

— Пусти меня — переждать опасность… Укрой меня — от несущих смерть. Последний листок на древе, последнее зерно в колосе, последняя капля в иссохшем источнике. Не оставь меня, защити…

Выговаривая эти слова, Амариллис водила перед собой рукой — пальцы словно рисовали в воздухе витой, плавный узор. Закончив, она повела руками, отодвигая невидимую завесу и вошла, пригнувшись, в убежище, давным-давно сотворенное Эркиным.

В пещерке было сухо, почти тепло, пахло песком и сухим мхом. Амариллис положила к стене посох, собрала в небольшую подстилку раскиданный по пещерке мох, осторожно присела, вздохнула, переводя дыхание, откинулась на спину, достала из мешка флягу, глотнула молока…

Стрелы. Серебристо-серые стрелы. Полные колчаны смерти. Глаза. Промерзший до дна в Год Зимы родник. Светлые, ясные глаза смерти. Вышивка. Красными сполохами по льну. Красными брызгами по коже.

Там, в саду, она держалась, сколько могла. Но когда один из эльфов повернул голову на зов другого — застонала и без сил опустилась на колени, разрывая рукав, в кровь царапая плечо. Это был Хадор — почтительно-любопытный, всегда такой дружелюбный… А тот, кто звал его, кивком головы указав в сторону конюшни, откуда выглянул брауни, — это Геран.

Молоко в кожаной фляге… топленое, пахнущее теплом и медом. Амариллис осторожно закрыла горлышко, поставила флягу на песок. А потом прижала ладонь ко рту и закричала — беззвучно, отчаянно. Слезы, редкие, тяжелые, прочертили пару мокрых дорожек от уголков глаз к вискам. Она еще не успела унять дрожь в плечах, как со стороны противоположного берега послышался топот копыт. Всадник… и не один.

… Как будет угодно Вашему Величеству. Воля Королей священна для эльфа. Ибо чувство долга в нем сильнее всех прочих чувств — ежели они вообще имеются.

Ледяная птица прилетела в Лис-Арден в первый день августа. Послание, запечатленное морозной вязью на ледяной груди, читает Ее Величество Земли, потом передает притихшую птицу в ладони самому молодому королю — Его Величеству Огня. Им хватает одного взгляда, глаза в глаза. Слова Воды и Воздуха должны быть исполнены — и кому их исполнять, как не подданным сказавших эти слова.

…Воля Королей будет исполнена. Что еще может сказать первый советник Ее Величества Воды, Геран из клана Тайных Истоков? И кого он возьмет в путь, как не свой отряд, в который не так давно принял племянника своего лучшего друга… Хадор прекрасно стреляет из лука. И что с того, что услышанное имя переворачивает его сердце, подбрасывает его к горлу, заставляя трепетать и вздрагивать. Последнее, что видит Геран, выходя из тронного зала, — это лужа холодной воды, растекающаяся по подоконнику. Все, что осталось от Ледяной птицы.

Эта любовь была для Герана наказанием. Он не мог простить себе, что позволил своим чувствам осилить его, взять верх. А какой смехотворной казалась ему эта схватка поначалу… Девчонка ничтожных человеческих кровей, да еще с примесью проклятой темной крови, забавная игрушка, но — не более. Увлечение таким предметом простительно для заскучавшего лорда, увлечение на неделю-две, но — не более. Он поначалу так и думал, что всего лишь взглянет в ее сторону, и вот — застыл, не в силах отвести глаза, едва переводя дыхание… очень надолго. Он ненавидел себя за это, проклинал свою слабость, не умея даже промолчать о ней. Но даже если бы это легконогое создание и одарило бы его своей нежностью, то Геран отверг бы ее с насмешкой. Принять любовь заведомо презираемого, враждебного по своей сути существа?!.. Тянуть руки — и отдергивать их, едва уловив прикосновение. Улыбаться при встрече — и отворачиваться, чуть ли не брезгливо кривя губы. Первым утренним вдохом втягивать в сердце ее имя — и выдыхать этот воздух, будто отраву.

Воля Королей, прозвучавшая вначале как смертный приговор, оказалась для Герана помилованием. Боги сыграли с ним нечестно — так почему бы не поймать их на этом, не вывести из игры Амариллис — их крапленый козырь.

Найти дом орка оказалось не так легко, но две недели поисков привели их к цели. Эльфы окружили дом, скользя меж стволами яблонь, хмелея от аромата спелых плодов, изредка проводя пальцами по их шелковистым, румяным щекам. Геран следил, как стрелы клюют их одного за другим — двух орков, сидящих рядом, и человеческую девушку, ждущую ребенка. Все

так, как должно. Но его не оставляло странное, неприятное ощущение совершаемой ошибки. Именно оно заставило его спешиться, подойти к уже горящему дому, к перенесенной на крыльцо девушке, и перевернуть ее, чтобы увидеть лицо убитой. Оглянувшись на стоящих поодаль собратьев, он коротко приказал:

— В седло. Обыскать все окрестные леса.

Через десяток-другой минут кони выносят Герана и нескольких его спутников к лесному озеру.

Амариллис замерла в пещерке, как ящерка, почувствовавшая взгляд на своей спине. Она видела только бело-рыжий песок, стебли осоки и кусочек воды. Что же, так вот сидеть и ждать, пока ее не найдут и не вытащат отсюда, как ядовитую змею? Сиди, сиди, сказал внутренний голос, дрожащий и прерывающийся. Нечего геройствовать. Не тот случай. Может, и не заметят тебя. Как же, не заметят, возразила она сама себе. Я ж по песку шла. Она закрыла глаза, постаралась успокоить дыхание…

Красивые места, отметил Геран про себя. Надо будет при случае вернуться сюда, побродить по здешним лесам. Он спрыгнул наземь и пошел вдоль берега озера, ведя коня в поводу. То, что девушка совсем недавно проходила где-то здесь, не вызывало у него ни малейших сомнений. Эльф чувствовал ее присутствие. Знаком показав своим спутникам осмотреть высокий берег, Геран стал спускаться к воде. Бело-рыжий песок, сухо шелестящая осока, зеленоватая вода… сосны, растущие на берегу, корнями впивающиеся в песок. У одной корни просто огромные, настоящие ворота…

— Только не визжи… — Гарм лежит, опираясь на локоть, на листе лотоса, плавающего по черно-зеркальной воде. В стенных нишах этого покоя (немногого из восстановленных им полностью) сидят каменные лягушки, у каждой в раскрытом рту — фосфоресцирующая радужная жемчужина величиной с голову человека; свет этих жемчужин отражается в воде рассыпанным ожерельем. Гарм смотрит прямо перед собой — не на свое отражение, а на сидящую на песке девушку, закрывшую глаза, прижимающую ладони к животу.

— Главное, ничего не бойся. — Несколько назидательно произносит бог. — Он тебя не увидит… не почует… тихо… тихо…

Геран подошел к корням, наклонился, заглядывая внутрь. Пещерка — полутемная, пыльная, пустая. Ничего. Эльф выпрямился, постоял с минуту, глядя по сторонам, потом зачем-то еще раз заглянул под сухие сосновые корни.

— Уходи… — Гарм прикасается пальцем к отражению эльфа,

заставляя его расплываться, терять четкость очертаний. — Поищи еще где-нибудь, остроухий. Не здесь. Слышишь?

Гарм опускает руку в воду, разбивая всю картинку, разбрызгивая ее. Потом откидывается на спину, закладывает мокрые руки за голову и закрывает глаза.

…..Девушка так и не поняла, что произошло на самом деле. Она отчетливо видела, как эльф остановился напротив ее убежища. Видела его лицо, глаза, пристально оглядывающие стены, пол. Вот только по ней самой эти глаза скользнули, не отметив и не признав. Будто и нет ее вовсе. Геран дважды заглядывал в пещерку, но так ничего и не увидел. Вскоре он ушел. Амариллис разлепила стиснутые губы, позволила себе дышать чуть глубже, протерла глаза. А потом, повинуясь наитию, зашептала, сама не зная кому:

— Спасибо… спасибо, спасибо… — шептала она, запинаясь, глотая слезы и так и отпуская рук с живота.

— Не за что, Амариллис… — не открывая глаз, улыбнулся Гарм.

Амариллис просидела в пещерке еще чуть более часа; заставила себя немного поесть, допила молоко. Наконец, набравшись решимости, вышла на берег озера. День только-только перевалил за половину, было тепло и безветренно. Амариллис умылась озерной водой, сполоснула флягу, наполнила ее; постояла немного, прислушиваясь к себе. Потом поклонилась сохранившему ее убежищу и направилась в лес. Тропа, выбранная ею, вела на юг.

На счастье Амариллис, здешние леса были легкими и нестрашными; сосны, иногда березовые перелески, под ногой — мох или невысокая трава. Но и спрятаться в таких кружевах было негде. Она шла не торопясь, но и не задерживаясь, разрешив себе первый отдых не ранее, чем через час после того, как лесное озеро скрылось из виду. Присела на сухом пригорке, вытянула ноги, попыталась успокоить невесть откуда взявшиеся мысли, скачущие в панике беспорядочно и бестолково. Пока она шла, думать было некогда, но стоило только остановиться, присесть и вздохнуть свободно, а не в такт шагам… Куда? Как? К кому? Рой вопросов и страхов окружил ее голову. Единственное, что она могла сделать — зажмуриться и заговорить с ними. Куда? Да уж куда-нибудь да выйду. Как? Ногами, как же еще… К кому? К людям…

Отдохнув, девушка поднялась и отправилась дальше. Старалась, чтобы солнце было справа, чтобы встреченные муравейники обращали к ней крутые склоны, старалась не кружить и не сходить с тропинки, еле заметной, почти что

придуманной. Несколько раз останавливалась, чтобы поесть черники. Первым серьезным препятствием стала для нее обширная просека; Амариллис было страшно выходить на открытое пространство, где не увидеть ее мог бы только слепой. А перебежать от одной опушки к другой, через бесчисленные пеньки, кусты болиголова, оставленные срубленные деревца было невозможно. Она переходила вырубку долго, запинаясь, спотыкаясь, больно ударилась лодыжкой о сучок.

Шагая по траве, приостанавливаясь, чтобы передохнуть, обрывая с кустиков ягоды брусники, похожие на крупные розовые бусины, Амариллис старалась не думать о том, что дни в августе уже не такие долгие и хочет она того, или нет — а придется ей провести ночь в лесу. И, скорее всего, не одну. Сначала она подумала, что для того, чтобы не было так страшно, лучше ей не останавливаться, а идти — сколько хватит сил. Но потом, поразмыслив, девушка решила, что если и есть лучший способ безнадежно заблудиться, так это идти вовсе с завязанными глазами. Ближе к вечеру шаги ее заметно отяжелели, замедлились; все чаще она выгибала назад ноющую спину. Наконец, выйдя на невысокое всхолмье, поросшее можжевельником, она отважилась остановиться с тем, чтобы здесь и переночевать.

Амариллис постояла, несколько растерянно оглядываясь. На ее счастье, не было ни ветра, ни, паче того, дождя. Но у нее с собой ничего не было — ни ножа, ни кремня — только котомка с остатками хлеба. Хорошо, хоть плащ теплый накинула, благо утро было прохладным. Поскольку выбирать особо не приходилось, она села меж двух кустов можжевельника, росших рядом, прислонившись спиной к одному из них. Попила воды, доела хлеб. И вскоре поняла, как же она устала. Ныла спина, жаловались ноги — словом, тело, готовящееся к не самому легкому из испытаний, явно выражало свое недовольство. В лесу темнело, подавали голоса ночные птицы; Амариллис было пожалела о том, что не может развести огонь, который и согрел бы, и защитил, но тут же подумала, что не стоит лишний раз обозначать свое присутствие — мало ли чьи ясные глаза могут увидеть его.

Амариллис легла, постаравшись укутаться плащом, положив под голову котомку, свернутую валиком. И почти мгновенно заснула. Первый усталый сон взял ее легко, без усилий и предупреждений, но, к сожалению, оказался недолог. Девушка проснулась от холода — выпрямившись во сне, она выпростала из-под плаща ноги, вытянула руки… Открыв глаза, она увидела темноту, едва разбавленную контурами травинок и

можжевеловых веточек; привстала, растерянно огляделась, протирая глаза. Напугавшая поначалу тишина успокоила ее, будто по голове погладила. Амариллис села, укрыла плащом колени, накинула на голову капюшон и попыталась унять дрожь. Поначалу она хотела встать и походить немного, чтобы согреться (ну хоть вокруг можжевельника хороводом), но как-то скоро отказалась от этой идеи. Ей подумалось, что вставая и расхаживая она только растеряет тепло. Поэтому она постаралась получше подоткнуть плащ, расслабить плечи и спину и не думать о теплых одеялах, каминах и прочих излишествах. Амариллис глядела прямо перед собой, прислушивалась — вот зашуршало что-то в траве где-то слева, вот подала голос ночная птица, ветер провел пальцами по уснувшим головам деревьев… Ничего страшного. Но Амариллис знала, что дрожит не только от холода, не такого уж сильного. Она вспоминала все рассказы Сыча о том, что только городские дурочки боятся ночного леса, что его мама вешала люльку на ветку на всю ночь, и ничего, никто им, Сычонком, не поужинал, что в лесной тишине и темноте спать не в пример спокойнее, чем в городской суете. Она уговаривала себя, успокаивала, даже гладила ладонями по плечам и щекам. Примерно через час таких уговоров девушка снова уснула, свернувшись под плащом. Проснулась она уже утром — пригорок оказался солнечным, так что она вполне согрелась. Полежала совсем немного, готовясь к долгому пути, настраивая себя на работу и терпение, встала, сняла плащ — было уже тепло — и пошла. Стараясь, чтобы солнце было слева, муравейники отворачивались крутыми склонами, и едва заметная, почти придуманная тропка не терялась. Она сошла с нее, только заслышав шелест ручья — напиться, умыться и наполнить флягу водой.

Амариллис измеряла сосновые леса Одайна своими шагами, останавливаясь, чтобы отдохнуть немного или поесть. В августе в лесу только слепой умрет с голоду. Девушке попадались полянки, поросшие кустиками черники, от которой чернели кончики пальцев и на языке набивалась оскомина, заросли шиповника, чьи твердые, невкусные ягоды она насобирала про запас. Однажды тропка вывела ее к заброшенному хутору, от которого остались только холмик на месте дома и одичавший сад, заросший кустарником. Там Амариллис нашла облепиху — маслянистые, желтые ягоды оказались на удивление сытными, а вот яблоки совсем выродились, в горькие, румяные дички. На третий день пути, основательно проголодавшись к полудню, девушка отважилась отведать сырых грибов, благо что нашлась полянка, давшая приют семейству крепконогих боровиков. И хотя ей почти

всегда хотелось есть, а от ягод порой тошнило, силы у нее были — и для себя, и для того, кто согревал ее, ободрял, радовал, отзываясь нетерпеливыми движениями на ее слова и ласковые поглаживания.

На пятый день пути Амариллис попала в ловушку. Она обходила поваленное дерево и успела расслышать тонкий свист… и тут же на ее ногу обрушилось бревно. Коротко вскрикнув, девушка упала. На ее хоть какую-то удачу ловушка оказалась рассчитанной на некрупного зверя и бревно, хоть и пребольно ударило, все же не переломило ногу. Плача от боли и испуга, Амариллис вытащила ногу из-под бревна, отползла подальше и осмотрела лодыжку.

— Опухнет скоро… идти не сможешь. — Голос, низкий, похожий на ворчание, доносился откуда-то снизу. Амариллис вздрогнула, оглянулась… Поодаль, опираясь на копье, стоял человечек — ростом с кошку, вставшую на задние лапы, с волосами, стоящими дыбом, будто иглы, с личиком, похожим на шишку — темным и рябым, но вполне дружелюбным. Глаза смотрели сочувственно и серьезно.

— Придется… — Растерянно ответила Амариллис. — Я должна… А вы кто?

— Я-то? — Человечек улыбнулся. — Я Моховик буду. А ты?

— Я Амариллис. — Девушка стерла с лица слезы, попыталась приподняться и с коротким стоном опустилась наземь.

— Я ж говорю — не сможешь.

— Ничего, как-нибудь. Вот посох возьму, полегче будет.

С посохом Амариллис, действительно, смогла встать и даже сделать несколько шагов. Но каждый из них давался ей с трудом и болью.

— Далеко ты так не уйдешь. Говорил я Ежовичу, не ставь ты тут ловушку… Куда ты так торопишься, цветочек?

— Я? Не знаю… — У Амариллис опустились руки. — Не знаю.

— Из дому, что ль, сбежала?

— Выгнали… — С трудом улыбнувшись, ответила Амариллис. — Теперь вот ищу, куда спрятаться.

— От кого? — назвавшийся Моховиком недоумевал все сильнее. Он, в отличии от Амариллис, знал, что люди поблизости не живут, что у них, у людей, как-то не принято, чтобы беременные женщины расхаживали по лесу без сопровождения, да еще так далеко… Откуда взялась эта девушка? Кто может преследовать ее, и без того беззащитную и беспомощную?

— От эльфов. — Вырвалось у Амариллис. Она вновь опустилась на траву. Она так устала от одиночества,

неизвестности, страха, что не смогла удержаться и открылась первому же встреченному в лесу живому существу.

— С каких пор остроухие охотятся на кратко живущих? — Моховик даже рот разинул. — Может, ты, цветочек, путаешь чего? И не их это леса вовсе…

Амариллис не выдержала и расплакалась. И дело было даже не в том, что нога болела все сильнее, и давал знать о себе голод; просто наконец-то перед ней был кто-то нестрашный, понятный… и можно было высказать свои страхи, разжать кулаки, расслабиться…

— Ну что ты… — Моховик подошел поближе, погладил девушку по плечу. — Пойдем…

Узнать, куда позвал ее Моховик, Амариллис не успела. Через поваленное бревно перепрыгнул человечек, очень похожий на Моховика.

— Отец! Вот вы где! А там, у нас-то, что делается! Эльфы — это в наших-то лесах! С десяток остроухих, все верхом, да не Вольные, а… — тут он заметил сидящую за Моховиком девушку, осекся и замолчал, вытаращив на нее глаза.

— Эльфы, говоришь… — Моховик бросил на Амариллис быстрый взгляд. — А зачем припожаловали?

— Так это… — сын Моховика растерянно переводил взгляд с отца на девушку, — Это… Сказывают, девица одна, из человечьих детей, кого-то из лордов обворовала, фамильную рельки… рекли… релихвию украла… Так они ее ищут, мол, вещица та уж очень опасна. А девица, мол, далеко уйти не могла, ибо на сносях…

Тут сын Моховика замолчал, более чем красноречиво разглядывая живот Амариллис. Она инстинктивно прикрылась ладонями, мысленно прикидывая, что будет, если она треснет одного лесовичка палкой, другого оттолкнет, и попытается удрать… ну хоть попытается…

— На сносях, сказывали… Цветочек. От кого твое дитя? Уж не от эльфа ли? — Моховик строго глянул в глаза Амариллис.

— Да. — Девушка не отвела взгляда. — Да, от остроухого, светлоглазого, благородного эльфьего лорда.

— М-да… Что ж, получается, ты их действительно обворовала. Ну, наши-то обычаи с ихними не сходятся… ишь, чего удумали — дите у матери отнимать… изверги патлатые! — Моховик сердито топнул ногой. — Вот что, парень. Давай-ка топай домой да предупреди наших, чтоб поостереглись с остроухими болтать. Скажешь, что ничего похожего на девицу на сносях не видели, разве только вот охотник пять лун назад проходил, да и тот в болоте увяз. Матери скажешь, что я к

старому дому пошел, что у грибных полей. Боле — никому ни слова. Ясно, что ли? Тогда дуй!

Повторять Моховику не пришлось. Его сын кивнул и опрометью бросился бежать обратно. Сам лесовичок повернулся к Амариллис:

— Так-то. Вставай, цветочек. Если не ошибаюсь, тебе не впервой от судьбы удирать. Отведу тебя к нашему старому дому, на ваш-то глаз он не больше, чем холмик, мхом поросший…там и спрячешься. Как остроухие уедут — помогу из лесу выйти, там, глядишь, и до своих доберешься. Ну… пошли, что ли?

И он зашагал, оглядываясь, успевает ли за ним хромающая девушка. Она старалась изо всех сил не отставать и не шуметь. Они успели пройти не больше двух сотен шагов, как вдруг Моховик остановился, прислушался… и Амариллис не успела опомниться, как он шагнул вперед, будто загораживая ее собой, рывком распустил завязки маленького мешочка, висевшего у пояса, выхватил пригоршню какого-то порошка и швырнул его в воздух. Через мгновение из-за деревьев неслышно вышли эльфы.

Моховик приложил пальцы к губам, взглядом умоляя Амариллис молчать. Она съежилась, как под ледяным дождем, но проглотила тонкий, рвущийся из горла крик.

— Странные здесь места… — Эльф, опустившись на колено, пристально разглядывал землю. — Не пойму… Геран, если это и следы, то не те, что мы ищем. Мы уже проходили здесь… или нет?

— Лесовички чудят… — Геран усмехнулся. — Конечно, проходили. За дичком — тут он указал прямо на замершую Амариллис, — спуск в овраг, за ним молодой лесок. Не поиски, хоровод какой-то. Вернемся к болоту.

Когда эльфы так же неслышно скрылись, Моховик, знаком приказав Амариллис стоять, побежал вслед за ними. Вернувшись минут через десять, махнул рукой — пошли, мол. Девушка не стала его расспрашивать, понимая, что сейчас не время для расспросов и разговоров. Она поспешила вслед за лесовичком. Он шагал быстро, то обходя поваленные стволы, поросшие мхом и поганками, то ныряя под лапы вековых елей, то перепрыгивая ниточки ручеков; несколько раз он позволял девушке отдышаться, попить воды, — и снова вел за собой. К вечеру они вышли на небольшую поляну, на которой возвышался моховой холм — высотой не более самой Амариллис, зеленый, украшенный бусинами брусники. Подойдя поближе, Моховик притопнул ногой, как-то затейливо подпрыгнул, стукнув в воздухе пяткой о пятку, — и в ответ в глубине холма что-то зашумело, глухо стукнуло, и прямо перед ними в земле открылся ход.

— Спускайся. Понимаю, нелегко тебе под землю лезть. Но по-другому никак. Давай, я первый полезу.

Амариллис пришлось присесть на корточки, потом и вовсе встать на четвереньки и ползти вслед за лесовичком вглубь холма. К счастью, лаз оказался недлинным и вскоре она смогла выпрямиться — хотя и стоя на коленях. При свете собранных в корзиночки светляков она увидела залу, из которой вели несколько коридоров; как Амариллис поняла, это было что-то вроде передней. Из крайнего левого коридора вышел лесовичок, волосы его, не в пример Моховику, завивались тугими кудрями, а основным цветом одежды был бурый.

— Доброго здоровья, Вьюн, — приветствовал хозяина Моховик.

— Благодарствую, братец… Приключилось что? — и Вьюн удивленно глянул на Амариллис, старающуюся усесться поудобнее, не повредив при этом обстановки.

— А то как же. Вот что, Вьюн. Мне сейчас недосуг все как есть рассказывать, домой заглянуть надо. Ты девицу приюти, накорми, напои, да устрой ей постель здесь потеплее. Притомилась она совсем. Да, и ногу она ударила. Я утром вернусь. Тогда и решим, что к чему.

Вьюн согласно кивнул головой. Амариллис умоляюще посмотрела на Моховика, но он ободряюще потрепал ее по плечу (как раз дотянулся) и исчез в лазе.

Ну, что ж… — кашлянув, сказал Вьюн. — Сначала еда. Посмотрим, что я найду в кладовке…

Через несколько минут Амариллис за обе щеки уплетала принесенный хозяином старого дома ужин: ореховые лепешки, мед, копченое мясо, нашпигованное ягодами можжевельника, горячий травяной чай. Не беда, что и чашечки, и тарелки лесовичков были малы для девушки, — хозяин не ленился и не жадничал, знай подкладывал и подливал. Единственное, от чего Амариллис отказалась, сморщив нос, — так это от плошки с черникой… Пока наевшаяся девушка отдыхала, Вьюн натаскал из комнат перинок, одеял, плетеных камышовых циновок и устроил для нее вполне сносную, хотя и маленькую постель. Поблагодарив, девушка улеглась, накинула на плечи плащ и даже не успела пожелать Вьюну доброй ночи — сон подкрался на мягких кошачьих лапах, дунул ей в затылок и она уснула, крепко и спокойно. Она даже не почувствовала, как Вьюн растирает ее опухшую ногу мазью, пахнущей болотными травами, и туго перебинтовывает полосками простыни.

На следующее утро Амариллис разбудил хозяин холма, и, прежде чем накормить завтраком, помог выбраться наружу,

указал тропку к ручью и подал чистое полотенце и мыльный корень. Девушка, мысленно представив себе свое лицо — после ползания под землей, слез, долгой дороги, — охнула и поспешила умываться. Пока она отмывалась, Вьюн перенес завтрак из холма на его вершину, и вскоре они уже пили чай, наслаждаясь теплым утром. Тут их и застал вернувшийся Моховик.

— Доброго утра. Не боитесь так открыто рассиживаться? Ладно, ладно, не пугайся… если Вьюн из холма вылез, значит поблизости никого нету. Налейте чаю, что ли… — и Моховик сел рядом с Амариллис. — Как твоя нога?

— Спасибо, намного лучше… — девушка улыбнулась Вьюну. — А как у вас дома? Все ли благополучно?..

— Боишься? Как бы нам твое спасение не аукнулось? — Моховик отхлебнул чай, поставил чашку на колено. — Ничего, цветочек, не тревожься. Ночью остроухие уехали, назад к северу повернули… и я так понял, они тебя живой уже не ищут.

— Если бы не вы… — голос Амариллис дрогнул.

— Ну-ну… погоди благодарить-то. Вот доберешься до своих, там видно будет.

— Я хотела спросить… — Природное любопытство девушки взяло верх. — А что это было вчера? Я Герана как вот эту сосенку видела, а он меня за дичок принял.

— Это пишог. — Гордо ответил Моховик. — Он же заклятая дерновина. Есть еще названия, но они не для женских ушей. Удобная штука, цветочек. Ты своего недруга видишь, а он ну совсем не соображает, где находится. А что видит — все не то. Остроухие еще добрый час плутали, пока их отпустило.

И он довольно ухмыльнулся.

— Почему вы мне помогаете? — Амариллис вытянула ногу, помогая Вьюну снимать повязку. — А что это за мазь такая? Никогда прежде не видела такой…

— Помогаем почему? Да потому что только изверг или живодер какой такую, как ты, травить будет. Нам эльфы с их спесью не указ, и князь тоже. Мы от века сами по себе. — Вьюн одобрительно покачал головой — опухоль на лодыжке почти спала, и Амариллис могла пошевелить ногой, почти не морщась. — А мазь такую еще моя прабабка делала, от нее и научился. На болотных травах делаю, за основу гусиный жир беру. Однако поразительно быстро ты поправляешься…

— Мои ноги тоже сами по себе… — Усмехнулась Амариллис. — Я танцовщица. Благодарствую за все, только я ж ведь вас объем… обычно-то я ем немного, но сейчас… — И она виновато развела руками.

— Ничего, как-нибудь справимся. Тебе раньше, чем через три

дня, идти нельзя. Не пущу. Срок-то когда?

— Меньше месяца осталось. А может, и скорее.

— Так это не первый? — Удивился Вьюн.

— Не первый. — И Амариллис закрыла глаза.

Лесовички не стали расспрашивать ее дальше; Вьюн растер ногу девушки мазью, снова туго перевязал и велел оставаться у холма. По правде сказать, она и сама не помышляла о прогулках — и без того устала; вскоре после перевязки Амариллис спала на пригретом солнцем холме.

Три дня, назначенные Вьюном, пролетели как одна минута; этого ему показалось мало, и он потребовал еще и четвертого. Утром пятого дня к моховому холму пришли Моховик с сыном.

— Вдвоем сподручнее. — Пояснил лесовичок. — Это вот Багульник, мой старший. Вьюн, моя хозяйка тебе велела к ней поспешать, мы твои запасы все подчистую заберем.

— Ага… Сам сбегаешь, а меня к ней снова под начало… — И Вьюн пояснил — Его жена мне сестрой старшей приходится. Ладно уж, к вечеру соберусь. Ну что, пошли, что ли, мои кладовые опустошать.

Вскоре трое путников покинули полянку с моховым холмом; Амариллис сердечно распрощалась с Вьюном, с которым успела подружиться и для которого припомнила не один рецепт из тех, что сама узнала от Веноны. Они двигались на юг — так что Амариллис не изменила той, почти придуманной тропке; шли, не торопясь и не медля. Ночевали в легких шалашиках, в корнях деревьев, вставали засветло, останавливались затемно. Разводили маленькие, почти бездымные костерки, чтобы заварить в котелке пучки собранных по дороге трав, запечь на углях тушку подстреленного Багульником рябчика или съедобные корни. Через пять ночей, в самом начале шестого дня Амариллис заметила, что почти придуманная тропка исчезла — и лес закончился. Это была не вырубка, не просека — опушка, за которой в утренней дымке проглядывались редкие перелески, разделявшие поля, плавные линии холмов.

— Ну вот… дальше ты сама. — Моховик переступил с ноги на ногу. Было заметно, что лесовички чувствуют себя неуютно. — Большие леса закончились. Там — редколесье, а значит, — люди. Поспешай, тебе нельзя одной оставаться. Удачи тебе, цветочек…

— Не знаю, как и отблагодарить вас. — Амариллис развела руками. Ничего ценного у нее не было, разве что только подвеска черного золота, изображающая танцовщицу Нимы, но это украшение слишком много значило для нее и отдать его она не могла.

— Как отблагодарить-то? — Моховик усмехнулся, отступая

вглубь леса. — Выживи. Просто и только — выживи, цветочек.

И лесовички бесшумно исчезли. Амариллис еще с минуту постояла у опушки, вглядываясь в тень деревьев; казалось, что все произошедшее только почудилось ей, — уж очень неправдоподобно добрыми и бескорыстными были ее проводники… как в старой сказке. Но лежавшие в котомке маленькие лепешки, баночка с мазью и мешочек с порошком («Мало ли что… вдруг и пишог сгодится») подтверждали реальность случившегося. Помедлив еще немного, девушка поклонилась и повернула в сторону холмов.

По открытым местам идти оказалось труднее; Амариллис старалась прятаться от солнца в тени перелесков, но иногда ей приходилось переходить заросшие высокой травой луга. Ноги вязли в траве, голова кружилась от жары и запаха цветов, живот ощутимо потяжелел и как-то опустился. Дышать после этого стало легче, но Амариллис поневоле заспешила — ребенок давал ей знать, что вскоре запросится на свет. Поэтому она не прекратила идти даже после захода солнца. Вскоре после того, как стемнело, она прошла негустой сосновый борок, вышла на дорогу. Места казались ей смутно знакомыми, будто виденными не то в далеком детстве, не то во сне. Теряя последние силы, она дошла до каких-то зарослей и опустилась наземь. И тут поясницу ее опоясала резкая боль, будто сомкнулись стальные челюсти капкана. Амариллис охнула — она не ожидала, что роды начнутся вот так сразу, без предупреждений в виде нудных, тянущих судорог. Девушка расстелила плащ, оторвала от платья изрядный кусок, укоротив его до колен, — чтобы было во что завернуть младенца. Она подняла голову — небо, прежде такое ясное, усыпанное крупной солью августовских звезд, померкло, его заволокло тучами… на лицо Амариллис упала первая капля теплого дождя. Луна, не спрятавшаяся за пологом туч, выглядывала половинкой бледно-золотого лица. Ну, а поскольку Амариллис не успела привыкнуть к страданию и смириться с его неизбежностью, следующая же волна боли заставила ее закричать.

— Господин!.. Господин!.. — слуга, заглянувший в комнату, был встревожен, почти напуган.

— Ну что там такое стряслось? — ответил ему резкий, недовольный голос.

— Господин, простите, но оборотень-то снова объявился! Да где, чуть ли не у ворот! Где-то в саду воет да кричит, сторож перепугался, за подмогой прибежал. Что делать-то будем, господин, а?

— Ох ты… — выругался старик, сидевший в кресле у

камина. — Оборотень… Воет… Олухи вы все, как я погляжу. Какой оборотень на убывающей луне, голова твоя садовая?! Небось из Озерков кто забрел да с перепою песни голосит. Ну пошли, пошли… зови слуг, глянем, что там за страшилище.

Как сквозь сон Амариллис видела рыжий, рваный свет, плавающие в тумане пятна. «Факелы…», догадалась она, «откуда?..» Кто-то осторожно приподнял ее голову, поворачивая лицо к свету.

— Неужели?!.. Ты?! — голос, дрогнувший, пресекшийся, не был незнакомым. Амариллис отвела с глаз пряди мокрых волос, прищурилась, всматриваясь в говорившего.

…Ничуть не изменился. Разве только больше стало соли, чем перца, в волосах. А так — все тот же клевачий петух, ядовитый стручок. В чью честь Амариллис назвала своего первого сына — Арчеш Мираваль. Но не успела ничего сказать, задохнувшись от боли. Она едва осознавала, что ее поднимают, несут куда-то, потом почему-то прекратился дождь и стало теплее. Все это было неважно, Амариллис поняла, что наконец-то может не думать о том, что будет делать потом, когда все это закончится. У нее и без того было чем заняться в последний день лета…

Глава седьмая. Должник Арчеша Мираваля

… Как это хорошо и правильно — выспаться, как следует выспаться после трудов, утомивших и отнявших все силы. Как сладко вытянуться на чистых, прохладных простынях, опустить голову на пахнущую мелиссой подушку, смежить веки и улыбнуться первому сну. Как же это приятно — засыпать в безопасности, с осознанием выполненного долга, зная, что рядом тот, кто защитит и не выдаст.

Амариллис проспала, казалось, целую вечность. А когда проснулась — было позднее утро, заглядывавшее в окно теплым ветром и ароматами поздних цветов. Она открыла глаза, осмотрелась — светлая, просторная комната, стены, обшитые деревянными резными панелями, простая мебель… Рядом с кроватью девушка увидела колыбель, возле которой сидел ее давний знакомый. Заметив ее пробуждение, старик радостно заулыбался, приподнялся, подавшись поближе к своей любимице.

— Проснулась? Вот и славно… Хвала богам, Амариллис, что дорога привела тебя к моему дому… Кто знает, что случилось бы… — тут он оборвал себя. — Это судьба, цветочек. Второго сына рожаешь в Серебряных Ключах. Благословенны будь они до скончания веков!.. — с этими словами он наклонился над колыбелью, взял спеленутого младенца и подал его приподнявшейся Амариллис. Он смотрел, как она берет на руки маленькое, теплое тельце, смотрит на него — изумленно, распахнув глаза, словно не веря им, как осторожно прижимает к груди своего сына, едва осмеливаясь прикоснуться губами к его умилительному и серьезному личику… Смотрел, незаметно смахивая слезы. Когда Арчеш нашел Амариллис ночью, под дождем у живой изгороди своего сада, поначалу он своим глазам не поверил. То, что девушка была жива, он знал — уж очень догадлив был. Но что она вот так, из ниоткуда появится в его поместье… Арчеш думал, что она где-то под надежной защитой своего эльфийского лорда и вряд ли когда захочет вспомнить, паче того, посетить эти места. Слишком ей солоно здесь пришлось.

Но в который раз эта темнокровка доказала ему, что в мире всегда есть, чему удивиться. Придя в себя от изумления, старик приказал отнести девушку в дом, поднял с постели Клеми, сначала напугав ее до полусмерти, а потом несказанно обрадовав. К радости Арчеша, помогать экономке вызвалась Морелла. Жена Риго жила в Серебряных Ключах безвыездно, не отходя от своего сына; впрочем, своим она считала его лишь по праву воспитания.

— Чей это ребенок? Кто его мать? — это были первые вопросы, которые Морелла задала Арчешу, когда их оставили в покое растить малыша вдали от Эригона. Арчеш, подумав и заглянув в глаза женщине, рассказал ей… почти все. Как он и думал, меньше любить мальчика Морелла не стала; она приняла ребенка как драгоценный подарок, данный на время. Арчеш-младший рос очень похожим на отца, Риго Ворона: черные огромные глазищи, крупный нос, и уже к концу второго года — длинные черные волосы. От матери ему достались, главным образом, порывистая грация движений — малыш рано начал ходить, а бегал чуть ли не танцуя, — и характер… легкий, озорной, ласковый.

…Амариллис смотрела на своего сына. А он, немедленно после того, как его вынули из колыбели, проснувшийся, смотрел на нее. Две пары глаз — серые и светло-синие — рассматривали друг друга. Острые маленькие ушки. Смешной носик. И — Амариллис поневоле ахнула и засмеялась — пара уже прорезавшихся острых клычков, значительно более выдающихся, чем у нее самой. Пух светло-пепельных волос под ее ладонью. А он видел плещущееся в серых глазах счастье, ощущал тепло ласковых, осторожных рук, и запах молока — дразнящий, щекочущий ноздри, сладкий… Вдохнув его несколько раз, младенец подумал и заревел.

— Уже и проголодался… — Амариллис повернула голову и увидела входящую в ее комнату Клеми. Экономка подошла к кровати, улыбаясь довольно кивая головой. — Господин Арчеш, извольте нас покинуть.

Арчеш засуетился, встал и удалился, прикрыв за собой двери. Подумав, он направился в сад — там, под присмотром Мореллы, играл его правнук.

— Она проснулась? — Морелла повернулась к подходящему старику.

— Да. С ними все хорошо. Как ты думаешь, стоит ли ей говорить?..

— О том, что ее первый сын жив и здоров? И что он бегает бок о бок с ней? Разве можно умолчать о таком…

— Не боишься? — Арчеш покачал головой.

— Чего мне бояться? — Морелла улыбнулась. — Господин мой, наш линьяж в таком долгу перед этой женщиной, что добавить к нему еще хоть малость невозможно. Я могу сама сказать ей… и поблагодарить.

— Ну-ну… ты ее не знаешь. Да и я, признаться, не знаю, что она сделает в ответ. Может, захочет забрать Арчеша.

Их разговор прервался — в сад спешила экономка,

изумленная и испуганная.

— Да что ж это делается… — Причитала она на ходу, — Где ж такое видано!.. Господин Арчеш, хоть вы-то ее уймите!

— Что случилось? — Арчеш невольно схватился за сердце.

— Она встала — это через пять-то часов после родов! — сама еле ходит, приказала собрать вещи, хоть какие, и еду в дорогу. Какая дорога?!.. — экономка умолкла, с трудом переводя дыхание.

— Пойдемте, господин мой. — Морелла кивнула экономке. — Присмотри за мальчиком.

Когда они вошли в комнату Амариллис, девушка действительно уже оделась.

— Амариллис. — Арчеш испуганно глядел на девушку. — Ты что это? Куда собралась? Ты в себе ли?

— Господин Арчеш… — Амариллис подошла к кровати, схватилась за спинку — стоять ей было еще трудно, подкашивались колени. — Я должна покинуть ваш дом. Немедленно.

— Да куда ты пойдешь такая?

— Неважно. Лишь бы подальше от вас. Слишком опасно держать меня в доме… — девушка скривилась, как от боли.

— Амариллис, вам нельзя уходить вот так сразу. Надо отдохнуть, набраться сил. Не ради себя… — Морелла подошла к девушке и помогла ей лечь на кровать, присела рядом.

— Кто вы? — Амариллис бросила вопросительный взгляд на Арчеша.

— Я Морелла Мираваль. Жена Риго.

— Ах вот что… И вас сюда сослали.

— Амариллис, объясни, что такое случилось, что ты мечешься как птица в сетке? Если тебе нужна защита, так сразу и скажи — от кого, какая… я ведь не последний нищий! — Арчеш даже ногой топнул.

— Знаю. Только я уже видела смерть приютивших меня, давших защиту… Больше не хочу. Чем быстрее вы от меня избавитесь, тем лучше. Я хуже чумы… — и Амариллис беззвучно, кусая губы, заплакала.

— Рассказывай. — Приказал Арчеш таким тоном, что возразить ему не представлялось возможным. — Он придвинул к кровати деревянное кресло с низкой спинкой, основательно, глубоко уселся и уставился на девушку с вызовом. Амариллис, понимая, что без объяснений ее не выпустят не то что из дома, но даже и из комнаты, постаралась успокоиться и рассказать обо всем. Стоило ей начать рассказ, ребенок, уже несколько раз беспокойно ворочавшийся в колыбели, проснулся и заплакал,

словно понял, каково его матери вспоминать и заново переживать случившееся. Морелла осторожно вынула его, подала Амариллис… та прижала легкий теплый сверток к груди, принялась укачивать, продолжая тихо говорить.

Ее выслушали в полном молчании. Закончив, Амариллис без сил опустилась на подушки, все так же крепко прижимая к себе новорожденного сына.

— Тебе нельзя волноваться. — Как-то машинально сказал Арчеш. Он сцепил пальцы замком, опустил на них подбородок и задумался. Морелла встала, принесла девушке воды, дала платок — вытереть слезы.

— Ты права. Здесь тебе оставаться нельзя, слишком близко к эльфам. Могут найти.

— Ей необходим отдых… — Попыталась возразить Морелла.

— Да погоди!.. — Отмахнулся от нее старик. — Так. А как же ребенок?

— Что?! — Переспросила Амариллис. — Что значит как? Со мной. Уж вам ли не знать…

— Понимаю. Получается, ты без сил, кровишь и еле ходишь. Да еще младенец. Славно. Куда ни кинь — всюду клин. — Старик встал, прошелся по комнате. — Ну вот что. Я тебе помогу. Как — это моя забота. А ты отдыхай пока, цветочек.

Оставив Амариллис на попечение Мореллы, Арчеш прошел в свою комнату, достал из стенной ниши небольшую шкатулку, сел на прикроватный сундук, положил ее себе на колени. Поразмыслив немного, достал из-за ворота ключ на цепочке, открыл шкатулку и достал из нее серьгу странной треугольной формы, ртутно-серебряную, и очень холодную на вид. Старик взял серьгу двумя пальцами, поднес ее поближе к глазам. Эта вещица ждала своей очереди почти шестьдесят лет — именно столько пролежала она в шкатулке, надежно спрятанная, но не забытая. Она попала в руки Арчеша Мираваля в те уже давние времена, когда он только начинал привыкать к мантии городского судьи. Его предшественник, он же и тесть по стечению обстоятельств, как мог, ввел Арчеша в его новую должность. Но он был уже слишком стар, чтобы вникать во все дела, и во многом полагался на своих помощников, далеко не всегда добросовестных; старый судья умер спустя год после того, как Арчеш занял его место. Для молодого Мираваля начались нелегкие времена: собственного авторитета у него пока что не было, судейские крючкотворы вовсю пользовались его неопытностью и позволяли себе то давать оскорбительные советы, то говорить в таком снисходительном тоне, что городской судья с трудом удерживался от желания самому нарушить закон и как следует вздуть какого-нибудь

господина в парадной мантии.

Это дело поначалу не вызвало ни малейшего интереса у эригонского судьи — обычная кража, каковых в торговом городе случалось несколько десятков на дню. Однако когда он внимательнее прочитал поданные на рассмотрение бумаги, то решил, что этим делом займется лично.

Был ограблен склад семьи Тьеполо — один из складов Мизинца, тех, что малы, но охраняются так, что и мышь не проскочит. Семейство Тьеполо исстари занималось экспортом пряностей и дорогостоящих снадобий, вроде эликсиров молодости или противоядий. Последнее время в Эригоне поговаривали, что дела у Тьеполо идут нее так хорошо, как прежде… что из двух сыновей младший все время проводит в игорных притонах, а старшего так и вовсе обвиняли в пристрастии к шаммахитским курениям — тем, после которых человек поначалу испытывал неземные наслаждения, а потом готов был продать самого себя, лишь бы вновь вдохнуть острый, дурманящий дым. Денег на такие развлечения, понятно, надо было немало. Сам Тьеполо, уже порядком уставший и потерявший всякую надежду увидеть свое дело в надежных руках, бился из последних сил, пытаясь сохранить хоть что-то от прежнего благополучия и достатка.

Вором оказался совсем молодой еще человек, светловолосый и светлоглазый; на свое несчастье он не смог удержаться от соблазна испробовать кое-что из содержимого сундуков Тьеполо, не рассчитал своих сил и потерял сознание прямо на месте преступления. Где и был найден приказчиками. Те, не теряя времени, быстренько сбегали за стражей, кое-как привели молодчика в чувство, чтобы препроводить в тюрьму. И все бы ничего, но вор, прежде чем впасть в забытье, столь характерное для любителей шаммахитского зелья, поначалу впал в исступление и разгромил весь склад. Пристав, явившийся вместе со стражей, попросту остолбенел от такого зрелища — пол был усеян вдребезги разбитыми склянками, остатками порошков и сушеных трав. Все имущество торгового дома Тьеполо было уничтожено.

Арчеш Мираваль поначалу посочувствовал старику — будто мало ему было несчастий. Однако и личность вора, и какие-то смутные обстоятельства всего произошедшего смущали его. К этому времени Арчеш успел познакомиться со всеми ворами Эригона, знал их короля и их законы; он понимал, что для того, чтобы пробраться на склад Мизинца, одной дерзости недостаточно, слишком хорошо эти места охранялись. И вряд ли одному воришке, да еще не из местных, чужаку, такое было бы

под силу. А значит, у него либо были пособники (вероятнее всего, из приказчиков самого Тьеполо), либо он всего лишь разменная монета в новой воровской шайке, либо… И зачем было допускать этот бессмысленный погром? Ценности, хранившиеся на складе, с легкостью можно было и унести, и продать — какой прок разбрасывать их по полу?

Озадаченный этими несообразностями, Арчеш решил лично допросить вора. Парня притащили из общей камеры — все еще очумело хлопающего глазами, бледного, ничего не понимающего.

— Как тебя зовут?

В ответ судья получил лишь долгий ничего не выражающий взгляд.

— Откуда ты?

Ответ тот же.

— Кто тебе помогал?

К прежнему ответу добавилось бормотание, из которого можно было разобрать только несколько слов: «огонь», «сила» и какие-то невнятные ругательства. Одним словом, понятнее не стало.

Арчеш в сердцах стукнул кулаком по столу. Вот ведь олух несчастный. Ясно как день, что не он один виновен, а отдуваться придется в одиночку. И плети все ему достанутся, и на рудники без компании пойдет. Несправедливо как-то получается.

От своих людей судья узнал, что торговый дом Тьеполо все же избежит разорения и, пожалуй, даже выиграет на этом ограблении. Всего за неделю до этого все имущество было вновь застраховано на немалую сумму… узнав об этом, Арчеш призадумался. Вот уже год, как Тьеполо не мог себе позволить и выплачивать крупные страховые взносы, и содержать команду охранников. Но огульно обвинять в мошенничестве почтенное торговое семейство он не мог, а прямых доказательств у него не было. Проще было бы отправить пришлого неудачника искупать неизвестно чью вину, махнув рукой на справедливость и прочие нежности. Но Арчеш не спешил выносить обвинительный приговор. Вместо этого он не поленился лично посетить разгромленный склад — к этому времени там уже все убрали, несколько нарушив распорядок следствия, а остатки выбросили. Взяв в сопровождающие приказчика с соседнего склада, судья принялся копаться в куче сора. К великому недоумению приказчика, в остатках не оказалось и следа дорогих снадобий, коими славился дом Тьеполо, одна горчица, лавровый лист и немного сушеных цветочков мать-и-мачехи. Услышав это, Арчеш хмыкнул и отправился к себе в ратушу.

Однако оправдать неизвестного неудачника и подвести под

судебное расследование на предмет мошенничества почтенное купеческое семейство оказалось не так-то просто. Едва Арчеш подписал бумаги, к нему явилась целая делегация из высших судейских чинов и кое-кого из влиятельных торговцев. Молодого судью долго убеждали, что не стоит вот так огульно чернить репутацию дома Тьеполо, ибо это может отрицательно сказаться на репутации всего Эригона. И всем будет лучше, если это дело закрыть, тихо и незаметно; виновный, конечно же, нужен, а попавшийся незнакомец просто идеально подходит для этой роли. Арчеш выслушал все доводы, что прошелестели ему на уши, покивал головой и, неожиданно для себя самого, наорал на делегацию в полный голос. И выгнал всех вон.

В тот же день Арчешу сообщили, что незнакомец совсем не в себе, впал в забытье и вот уже сутки не встает. Судья снизошел до того, чтобы зайти в общую камеру, мельком глянул на лежавшего в углу на куче прелой соломы юношу и вышел, брезгливо прижимая к лицу надушенный носовой платок. Спустя час больного перенесли в дом Миравалей. Спешно приглашенный доктор только головой покачал, предсказал юноше скорую кончину и удалился, пряча в карман положенную плату.

Однако предсказание доктора не сбылось. Пометавшись в жестокой горячке с неделю, юноша пошел на поправку; правда, перед этим у него открылось такое сильное носовое кровотечение, что о выздоровлении его мог подумать только сумасшедший. Однако, промочив своей странно пахнущей кровью чуть ли не простыню, он пришел в себя, попросил воды — не пить, а умыться, — и заснул, спокойно и беспечально. Проспал он чуть ли не полдня, а проснувшись, сразу засобирался восвояси. Пришедшему навестить его Арчешу юноша почтительно поклонился и соизволил представиться:

— Меня зовут Гарм. — После чего, видимо, решив, что с формальностями и церемониями покончено, уселся на кровать и стал молча смотреть на судью, предоставив ему вести разговор.

— А меня Арчеш. — Мираваль, вместо того, чтобы возмутиться такой вопиющей наглостью, представился сам (даже голову наклонил), сел на стоящий у стены табурет и задал вопрос:

— Скажи, как ты попал в Эригон?

— Долгая история. Арчеш, почему ты защитил меня?

— Сам не знаю. — И судья пожал плечами. — Не скажу, что я такой уж праведник или правдолюбец. Но уж очень нагло эти купчики себя вести стали, им волю дай — так и новые законы пропишут. Откуда ты?

— Издалека. Знаешь, если бы не ты, так я, пожалуй, надолго

мог бы опуститься… мог и не подняться вовсе.

Арчеш глянул на собеседника — молод, невозмутим, хорош собой, довольно высокомерен… наверное, очередной искатель приключений из какой-нибудь разорившейся дворянской семьи. Арчеш успел повидать таких, как Гарм; сам не так давно был таким же. И все же было в нем нечто неуловимо чуждое, будто он не был, а только притворялся человеком. От этого Арчеша то и дело охватывал озноб и ему поневоле хотелось пригнуться, спрятаться от спокойного, немигающего взгляда серебристых глаз.

— Куда ты теперь?

— Домой. — Гарм потянулся, с удовольствием расправляя плечи. — Стыдно, конечно, после такого возвращаться, но, боюсь, в других местах меня не ждут.

— И как ты собираешься туда попасть? Я так разумею, дом твой далеко отсюда, иначе я бы с тобой уже не раз бражничал да за девками гонялся.

— Пожалуй, что так. — Гарм усмехнулся. — Я бы с тобой поладил, будь мы ровня.

— Или ты летать умеешь? — Арчеш пропустил мимо ушей последнее оскорбительное замечание, будто и не про него речь шла. Спросил и тут же подумал, что сморозил очевидную глупость… будто у солнца спросил, умеет ли оно греть.

— Здесь и сейчас не смогу. Провинился. — И Гарм развел руками. — Мне бы до южных земель добраться, а там как-нибудь сам.

Арчеш не знал, то ли возмутиться, то ли засмеяться — его собеседник ничего не просил, он просто говорил, что ему нужно — словно зная наперед, что отказа не будет.

— Место на корабле, идущем в Пойолу, тебя устроит?

— Буду признателен.

Так вот и получилось, что вечером того же дня Арчеш выпроводил нежданного гостя восвояси. Прощаясь, Гарм вынул из левого уха серьгу — странной изогнуто-треугольной формы, ртутно-серебряную — и протянул ее Арчешу.

— Возьми. Свою судьбу ты уже определил и моя помощь тебе вряд ли понадобится. Оно и к лучшему. Но может статься, ты захочешь помочь еще кому-то, вроде меня, а силы будут уже не те… или сам на рожон полезешь, мало ли что бывает. Если очень понадобится, позови меня.

Арчеш взял протянутую ему вещицу и ладонь его дрогнула — такой она оказалась нежданно тяжелой и холодной. Он встретил взгляд Гарма — и подумал, что попросит его о помощи только в самом крайнем случае. И то… может, предпочтет тихо-мирно

умереть.

…И вот, по прошествии стольких лет, этот крайний случай и приключился. Арчеш понимал, что сам он Амариллис помочь не сумеет; что он может? Снарядить ее в Эригон, дав охрану в виде деревенских увальней? Или спрятать где-нибудь на отдаленном хуторе, чтобы получить потом вести о его нежданном разорении и гибели всех обитателей? Девушке была нужна защита — мощная, непререкаемая, такая, чтобы заставила отступить даже эльфов. Защита и убежище. Арчеш крепко-накрепко сжал в кулаке серьгу и тихо, решительно попросил обещанной когда-то помощи.

Ждать почти не пришлось. Жарким южным ветром качнуло прикроватные занавеси, Арчешу почудился запах золотистого горячего песка, и невесть откуда в его комнату шагнул тот самый, некогда спасенный им юноша.

— Мир твоему дому, Арчеш.

Все тот же… и Арчеш этому совершенно не удивился. Есть даже в непрерывно меняющемся мире вещи и сущности неизменные, вечные — высокий, подтянутый, светлые волосы, забранные на затылке, серебристые глаза с остановившимися острыми точками зрачков, упрямый и нежный рот. Гарм.

— Ты совсем не изменился. Будто вчера виделись… Добро пожаловать, Гарм.

Арчеш поднялся и поклонился гостю. Тот вежливо ответил на поклон, прошел к окну, присел на резной деревянный диванчик, вытянув длинные ноги в черных высоких сапогах. Старик протянул ему серьгу.

— Вот, возвращаю. Столько лет держал, уж думал, не пригодится. Ан нет… И то — всякому овощу свой срок. Помнится, ты обещал свою помощь, Гарм.

— Обещал. Чем могу помочь? — Гарм пристально смотрел на старика, слегка улыбаясь.

— Я прошу тебя спрятать одного человека. Девушку. Она чем-то сильно не угодила эльфам, они ищут ее и, если найдут, убьют. Мне бы этого очень не хотелось, Гарм. Надо защитить ее и спрятать… до поры. Ты сможешь сделать это в память старого долга? Но предупреждаю — это опасно. Остроухие убили семью, давшую ей приют, гнали ее, беременную, через леса, как зверя на охоте. Я опасаюсь, что скоро они дознаются, куда она могла выйти, — места тут глухие, а моя усадьба ближе других к Лесу. Не побоишься против эльфов встать?

Гарм засмеялся — негромко, протяжно.

— Альвы… Никогда их не любил. А ты сам, Арчеш, как думаешь — побоюсь ли я их или нет?

Арчеш глянул на гостя и ответил:

— Ты вряд ли знаешь, что такое страх. И это они пусть тебя побоятся. Верно?

— Куда уж вернее. Я догадываюсь, к девице младенец прилагается?

— Да.

Гарм подошел к двери, взялся за ручку.

— Пойдем… не будем мешкать. Сборы не понадобятся — дорога не займет много времени. На твое счастье, я подкопил немного силы — расходовать, правда, собирался по своему… Идем. Время не ждет.

Амариллис полусидела-полулежала в постели, по-прежнему прижимая к себе ребенка. Она чувствовала себя бесконечно усталой, хотела есть и пить, а еще больше — спать, но в то же время ощущала удивительную уверенность в себе, знала, что если понадобится, то она сможет и выдержит… многое. Она вздохнула и открыла глаза — этот взгляд немного беспокоил ее; Морелла Мираваль смотрела на нее не отрываясь, испытующе и как-то тревожно.

— Вы так странно смотрите на меня. Почему?

— Амариллис. Я должна сказать вам… достаточно было потрясений, вы устали, измучались… — Морелла покачала головой, встала и зашагала по комнате.

— Раз должны, то говорите. Иначе у вас может не быть другого случая. Вряд ли я задержусь здесь надолго.

— Я скажу. Подождите немного. — И Морелла вышла.

Прошло несколько минут и она вернулась — но не одна. Она вела за руку мальчика, черноволосого и черноглазого, ступающего довольно уверенно для своих двух лет. Амариллис смотрела на него и не верила… не осмеливалась поверить. У нее пересохло во рту, похолодели руки, глаза сделались огромными и блестящими, — будто хлестнул по лицу наотмашь ледяной северный ветер, выбив крупные жгучие слезы. Морелла подвела мальчика поближе, взяла его на руки и присела на край кровати.

— Это ваш сын. Арчеш Мираваль. Я не осмеливаюсь просить у вас прощения, ибо, хоть сама и не причастна к тому, что сделал линьяж Миравалей, все же являюсь его частью. И хоть это и слабое утешение, поверьте, Амариллис, мы все здесь очень любим Арчеша. — Морелла запнулась, но продолжила. — Я очень люблю его.

— Я знаю. — Голос отказался слушаться Амариллис, она кашлянула. — Знаю.

— Возможно, вы захотите забрать его — это ваше право. Мы не будем препятствовать вам.

Амариллис заглянула в глаза Морелле — чего стоили ей эти

слова? Очевидно, немалого, поскольку и ее глаза обжег тот же ледяной, неласковый ветер. По тому, как Морелла держала мальчика, как легко поглаживала его волосы, прикасалась щекой к его затылку — по всему было видно, что она не лжет и не рисуется. Любовь, теплая и неизменная, озаряла лицо приемной матери Арчеша.

— Нет. У него уже отнимали мать — довольно и одного раза. Мне достаточно знать, что он действительно жив… и любим. Вы… вы позаботитесь о нем?

Морелла кивнула, еще крепче прижимая к себе мальчика. Тот, недовольный подобными притеснениями, с громко выражаемым негодованием высвободился, слез с колен Мореллы и подойдя поближе к изголовью, с любопытством уставился на Амариллис. Она протянула руку, прикоснулась к черноволосой голове…

— Арчеш… — И вместо того, чтобы отдернуть пальцы и зарыдать, Амариллис взъерошила теплые волосы и улыбнулась своему сыну. — Вот и свиделись, хвала богам… Надо же, как ты на отца похож.

В эту минуту в комнату вошли — Арчеш-старший и незнакомый юноша лет двадцати.

— Амариллис! — старик обратился к девушке и осекся, увидев, как взобравшийся на кровать правнук рассматривает лежащего на руках у Амариллис младенца, как новую, невиданную прежде игрушку.

— Твой брат. Его зовут Судри. Тебя вот назвали в честь прадеда по отцу, а его я назову в честь моего прадеда — Судри из Лесного клана. Ты запомни его хорошенько, кто знает, может, и встретитесь когда… — Амариллис подняла глаза на старика, увидела Гарма и все поняла. — Мне пора?

— Пора. — Гарм кивнул. — Соберите только самое необходимое. Дорога недолгая, а в моем доме не знают, что такое недостаток.

— Недолгая? — Амариллис недоуменно нахмурилась. — Где ж вы меня поблизости спрячете?

— Амариллис, поверь мне, если я говорю, что дорога недолгая, то это вовсе не означает, что она короткая. Собирайся.

Арчеш, заметив, что девушка сомневается и колеблется, подошел к ней.

— Не сомневайся. Гарм сможет и спрятать, и защитить тебя. Было бы время, я бы рассказал тебе о нашей с ним встрече, но как раз его у нас нет… как-нибудь в другой раз. А сейчас вставай, бери своего мальца и ступай за Гармом.

Амариллис внимательно оглядела своего нежданного

заступника: слишком молод, чтобы быть давним другом Арчеша, не похож ни на купца, ни на судейского, однако же одного взгляда достаточно, чтобы внушить уважение… но не симпатию. Девушка представила себе, что вот сейчас придется покинуть спокойный, надежный дом Арчеша вместе с этим незнакомцем, остаться одной на его милость — и невольно вздрогнула. Сказать по правде, уходить ей очень не хотелось. В Серебряных Ключах она была спокойна; таких мест в Обитаемом мире было для нее немного. Здесь не нужно было мучительно решать — верить собеседнику или, мило улыбаясь, приготовиться получить изрядную порцию вранья. Сама Амариллис лгать не умела — может, именно поэтому верила каждому сказанному ей слову. Но выбора у нее не было; надо было довериться тому, кого она видела первый раз в жизни, довериться самой и доверить жизнь сына. Она встала, уложила младенца в колыбель.

— Мне надо переодеться в дорогу. И запеленать Судри. Я скоро буду готова.

— Хорошо. Приходите в комнату господина судьи. Мне удобнее уходить по своему же следу. — Ободряюще кивнув Амариллис, Гарм вышел вслед за Арчешом.

Ничего не понимая, все сильнее беспокоясь, девушка принялась собираться. Почему в комнату ядовитого стручка, а не на крыльцо? По каким еще следам уходить? Неужели придется идти пешком? Да она и часа не продержится!.. Переодевшись с помощью Мореллы, взяв на руки сына, Амариллис последовала в покои Арчеша Мираваля-старшего; жена Риго шла за ней, ведя за руку мальчика. Когда они уже подходили к дверям, Морелла тихо спросила:

— Амариллис, если вас будут искать, кому мы можем сказать о вашей судьбе? Или вы прикажете хранить молчание и никто, кроме нас, не должен знать о том, что с вами приключилось?

— Пусть Арчеш решает. — Не раздумывая, ответила танцовщица. — Он знает моих друзей и не скажет лишнего даже им.

Гарм и Арчеш ждали их, сидя у окна; они о чем-то тихо беседовали.

— Я совсем забыла спросить, — Амариллис обратилась к Гарму, — Куда же вы все-таки собираетесь спрятать меня? Хотелось бы знать, где придется прожить уж наверное не меньше года…

— Я собираюсь спрятать вас в своем доме. Это достаточно далеко отсюда… так далеко могущество эльфов не простирается.

— Амариллис, — вмешался в разговор Арчеш, — я понимаю твое беспокойство. Но поверь мне — чем меньше даже мы будем

знать о том, куда и каким путем ты направилась, тем больше вероятность сохранить это в тайне. А сейчас важно именно это.

— Вы правы. — Кивнула танцовщица и повернулась к Морелле, державшей Арчеша-младшего за руку; присела, провела свободной рукой по загорелой свежей щечке. Она сказала что-то так тихо, что понял ее только мальчик — смотревший неожиданно серьезно, чуть нахмурив широкие черные брови. А потом она немного неловко сняла с шеи цепочку с легкой круглой подвеской черного золота и надела ее сыну… легко притянула его к себе, поцеловала в лоб… и встала.

— Пожалуй, я не стану прощаться… — голос ее дрогнул и она замолчала.

— Еще свидимся… — попыталась улыбнуться Морелла.

— На все воля богов. — Арчеш тяжело вздохнул, подошел к Амариллис, осторожно обнял ее. Она на миг прижалась лбом к его плечу; как же не хотелось ей уходить!.. Старик мягко и решительно отстранил ее, передавая Гарму.

— Она твоя гостья. Гарм, ты отвечаешь за нее, за ее жизнь и за жизнь ее сына.

— Она моя гостья. — Юноша положил руку на плечо Амариллис. — Право гостя свято в моем доме. Я твой должник, Арчеш Мираваль, и в уплату долга я беру ее под свою защиту.

Не снимая руки, он сделал несколько шагов к окну. Амариллис невольно последовала за ним, недоумевая еще сильнее.

— Главное, ничего не бойся… — голос, терпкий и тихий, прошелестел у ее уха. Танцовщица вздрогнула — она уже слышала его, и слова были те же самые. Она попыталась что-то сказать, но не успела — горячий, тяжелый ветер ворвался в окно; нестерпимый жар заставил ее отшатнуться и зажмуриться. А когда она открыла глаза, то увидела, что стоит не на ковре, а на песке, и вокруг — бесконечные, монотонные волны песка, уходящие в неоглядную даль, сливающиеся с белесым небом.

— Испугалась? — В голосе Гарма не было насмешки, скорее, участливый интерес.

Амариллис оглянулась. Юноша стоял чуть позади нее, спокойно оглядывая окрестности.

— Осталось совсем немного, скоро будем на месте. Идти далековато, и ничего интересного в этих землях нет…

Он замолчал, отступил назад. Едва заметно встряхнул кистями рук и вокруг него взвихрилась песочная завеса, скрыв его от глаз Амариллис шуршащей, вибрирующей завесой. Через несколько мгновений завеса замерла и опала. Гарм стоял, опустив голову и сжав скрещенные руки на груди. Вздохнув, он поднял

лицо и его тонкие черные губы ободряюще улыбнулись, а светло-ртутные глаза — пожалуй, единственное, что осталось от прежнего Гарма, — внимательно сузились.

— … а поэтому мы полетим. — Закончил он. Шагнул к девушке, едва переводящей дыхание, наклонился, легко взял ее на руки. За плечами Гарма развернулись, заходили огромные нетопырьи крылья, поднимая ощутимый ветер.

Амариллис казалось, что она пребывает в каком-то странном, беспокойном сне. Невозможная усталость тяжелым металлическим обручем давила на лоб, сжимала виски. Девушка давно уже перешагнула порог своих сил; за последние дни ей пришлось пережить так много — на несколько лет жизни хватило бы… Поэтому она не удивлялась и не боялась, безропотно принимая все происходящее. Она скосила глаза вбок, уловив краем глаза движение — так и есть, рисунок, покрывавший руки и грудь Гарма, двигался. Золотая и серебряная змеи ползли бок о бок, свиваясь в петли и кольца причудливого узора, их неторопливые, плавные движения надолго задержали взгляд девушки. Глядя на них, она постепенно теряла все свои мысли, одну за другой; веки ее тяжелели, дыхание замедлялось, и только руки продолжали по-прежнему крепко и надежно держать ребенка. Так она и уснула.

Часть вторая

Песнь Первого Полета

Ты можешь быть, кем угодно —
Железом, что в камне таится,
Последней надеждой усталого бога,
В истории мира любого
Последней и первой страницей.
Ты волен вечно меняться,
Терять отраженья, приметы,
Святыней быть и святотатцем,
В закатной крови искупаться
И вспыхнуть сердцем рассвета…

…Ты знаешь, Шедар испытывал тогда истинное наслаждение. Каждый взмах крыльев, каждый росчерк хвоста по звездной пыли приближали его к месту сбора Драконов. Но и сам по себе полет и сопровождающая его песнь настолько нравились ему, что порой он забывал, куда и зачем летит. Это было простительно — и на опытных, построивших не одни Врата Драконов легкий воздух Междумирья действовал как хмельной напиток, что уж говорить о нем, только что рожденном. Шедар оглядывал свое тело — живой, трепещущий расплав молодого серебра блистал и ослеплял, как исполинская молния, и только внутренняя поверхность крыльев была цвета обратной стороны ивовых листьев, более мягкого, с едва ощутимым намеком на оттенок зеленого. В нем были соединены невероятная красота и невероятная же мощь; но пытаться вашими человеческими словами описать Истинного Дракона — все равно, что ложкой вычерпывать море. *Мне придется очень постараться, чтобы ты хоть что-то поняла, а значит, тебе должно быть интересно… может, тогда ты не уснешь.*

Их было восемь, тех, кто терпеливо ожидал Шедара. Он увидел их издалека — семь ярких цветных вспышек и одна, постоянно меняющая цвет, и все они неторопливо кружили вокруг старой, остывающей звезды. Шедар с сожалением умерил размах крыльев, замедляя полет, пропел последнее слово Песни и остановился, ожидая приглашения войти в круг.

* * *

Никто не знает, когда и где впервые появились Истинные

Драконы. Вполне возможно, что они вечны, как само Мироздание. Во всяком случае, сами они именно так и думали. Ибо с самого момента своего рождения они могли читать Мироздание как любимую книгу, знали все его правила и не уставали удивляться и радоваться его бесконечным причудам. Каждый из неисчислимого множества миров являл собой лишь одну из возможностей Мироздания, воплощал одну из его фантазий, но все они были связаны в одно удивительное целое — великое единство различий. И для того, чтобы это подобие ожерелья, нанизанного из звезд, не распалось, существовали Драконы. Их свободный полет в легком (как сказали бы краткоживущие, пустом) воздухе Междумирья, сила исполинских крыльев не давали этому воздуху застояться, закиснуть в неподвижности. И еще Драконы строили Врата — пробивая окружающую каждый мир оболочку отражений, они открывали его бесконечности. Благодаря этому мир мог расти и обновляться, а те существа, что обладали в нем наибольшим могуществом и знаниями, могли выходить за его пределы и посещать другие закоулки Мироздания. Они называли себя богами, но, к слову сказать, Драконы их почти не замечали, потому что силы богов в сравнении с их собственными были воистину смехотворны.

Уже устала? Ничего, весенние ночи только кажутся длинными; и это по зимней привычке они так цепляются за холод, ну совсем как ты за тот старый дрянной стул. Я еле оторвал тебя от него, думал, сиденье так и останется в твоих сведенных пальцах. Ты плавала в обнимку с ним, будто танцевала…

Так сложилось, что Истинных Драконов всегда было восемь. Каждый из них от рождения обладал своим, только ему присущим цветом, определяющим его преобладающие способности; впрочем, это не мешало Драконам достигать совершенства во всем и не однажды случалось, что Зеленый Дракон становился великим воином, а Красный строил Врата в какой-нибудь водный мир.

Синим Драконам благоволит стихия воды, изменчивая и своевольная, Белые Драконы лучше других ладят с силой холода, и никто лучше них не может обеспечить стабильность и постоянство. Их Серые собратья, Драконы камня, связаны с неподатливой, памятливой основой земли, Красные даже своим видом напоминают полыхающий костер и отличаются непредсказуемостью и удивительной даже для Драконов красотой движений. Зеленые Драконы чутки к любым формам жизни, от малейшей былинки до тех, кто считает себя венцом творения. Серебряный и Золотой Драконы — воины, а о тех, с кем им приходится меряться силами, лучше ничего не знать. Черный

Дракон — хранитель ритуалов и знаний, люди назвали бы его магом.

А тогда все они выстроились в кольцо, подобное нимбу над пылающей звездной головой. Внезапно от кольца отделился Дракон, меняющий цвета и, плавно взмахивая полупрозрачными, радужно переливающимися крыльями, приблизился к Шедару.

— Здравствуй, сын.

Голос его был одновременно тише шелеста травы и оглушительнее июльского грома. Шедар глянул в глаза приветствующего — и увидел тот же неукротимый пронзительно синий пламень, что и в своих глазницах. Он чувствовал — а значит, знал — что в жилах говорящего бурлит такой же расплавленный рубин, как и у него. Шедар выдохнул и склонил голову в приветствии, почтительном и радостном.

Радужно-бесцветный Дракон засмеялся, и по его хребту побежали струи лилово-белого огня.

— Мы ждали тебя. Пришло время вступить в круг и назвать имена.

Вдвоем они приблизились к остальным Драконам, и на краткое время круг вместил девятерых.

— Альхаге. — Тело Синего Дракона свивалось в кольца, постоянно меняя их размер и число.

— Менкар. — Белый застыл в неподвижности, только едва заметно подрагивали крылья.

— Бенетнаш. — В голосе Серого Дракона был гул камнепада, под графитово-серой чешуей будто перекатывались тяжкие валуны.

— Мицар. — Зеленый Дракон излучал свет… такими бывают солнечные лучи, смягченные летней зеленью.

— Ригель! — Взревел Красный и расправил крылья, полыхнувшие в темном, легком воздухе.

— Мегрец. — И Золотой собрат приветственно улыбнулся.

— Адхара. — Негромко прозвучало со стороны Черного Дракона.

— Альфард. — Назвал себя бесцветный.

Дракона, уходящего из восьмерки, в силу давней традиции именовали Мастером. Тот, кто достигал Бесцветия как девятой ипостаси Истинного Дракона, мог принять телесный облик и получал возможность опыта смерти. При этом Мастера ухитрялись сохранять свое драконье отношение ко времени, признающее только Всегда и Сейчас, умудрялись переводить на примитивные наречия слова своего универсального языка, и были вольны проходить в любые миры — даже в те, где не было Врат, и принимать формы живущих там существ, и на собственном опыте

познавать все многообразие жизни. Но прежде чем уйти, Мастер должен был оставить преемника.

…Ты дрожишь, как осенний лист на ветру. Давай-ка я возьму тебя на руки; не надолго — боюсь, что не захочу отпускать. Но согреть успею. Вот так. И не смей зевать. Слушай дальше.

— Шедар. — Серебряный Дракон назвал свое имя, бывшее — как и у всех его собратьев — именем звезды, давшей ему жизнь и погибшей при его рождении. Когда Дракон чувствовал в себе достаточно сил, чтобы покинуть восьмерку и отправиться в свободное странствие, он избирал молодую и сильную звезду, способную вступить с ним в союз. Совершая ритуал мистического брака, Дракон окутывал светило бесчисленными витками полета, и когда все росчерки драконьего хвоста сливались в один светящийся кокон, Дракон и звезда соединялись. Она отдавала ему схожую с алмазной пыль, хранившуюся до времени в самом ее сердце; только лишь схожую, это вещество по сравнению с алмазом было примерно тем же, чем был алмаз по сравнению с пеплом. Дракон погружался в нее и терял цвет… и обретал способность и право невозбранно входить в любой из закоулков Мироздания. Он же в свой черед отдавал свое семя, которое могло выжить, только будучи погруженным в раскаленную утробу звезды. Многие годы проходили, прежде чем чрево звезды ощущало первые нетерпеливые движения молодого Дракона. Он рос, вспоминая все, что знал его отец, и, принимая всю мощь, которую отдавала ему мать. Жар звезды питал его, давал силы расти, — и неуклонно, постепенно убывал. Звезда остывала, становясь из ослепительно голубой — тускло красной, ее прежде бурлящая потоками первородного огня поверхность затвердевала подобием глиняной корки. И когда молодому Дракону приходил черед расправить крылья — приходил ее черед умирать, ибо он разрывал ее как бабочка кокон. Последние содрогания, последняя ослепительная вспышка заставляли вздрогнуть все Мироздание… и непорочно белый свет расходился как круги по воде от места, где родился Истинный Дракон.

— Приветствуем тебя, брат, — обратился к Шедару Адхара, — и теперь мы готовы принять твою Песнь, Мастер Альфард.

Потом Шедару еще довелось слушать Песнь Уходящего, но услышанная впервые от Альфарда всегда казалась ему самой лучшей: сладкой и прохладной, как весенний дождь, мудрой и радостной, как золото осенней листвы. А когда его отец покинул восьмерку, Шедар занял его место, рядом с Золотым.

Глава первая. Пепелище

Как долго они шли — никто из них не мог бы сказать. Давно был утрачен счет неслышным шагам, еле заметным поворотам каменного коридора, подъемам и спускам; час превращался здесь в вечность, а вечность становилась чем-то пугающе ощутимым. Они шли и шли, не оглядываясь и не разговаривая, ибо каменные своды гасили произнесенные слова, впитывали их, как песок — воду; вроде безвредное, но неприятное ощущение — будто кто-то ворует сказанное, схватывает слова у самого рта. Даже цоканье лошадиных копыт по каменному полу, и то было еле слышно.

— Ни дать, ни взять, шайка конокрадов после удачного промысла, — пробурчал себе под нос Сыч, — коням копыта войлоком обвязали, сами идут, тишиной от радости давятся… Долго ли нам еще кружить, мэтр Арколь?

— Тебе виднее, Сыч, — отозвался Арколь. — мы ж к тебе домой идем, ведь так? Ты нас ведешь…

Последние слова прозвучали не совсем уверенно, что не могло укрыться от внимания Крысолова.

— Не уверен… Моя б воля — после первого же поворота мы к одайнским борам бы вышли.

— Так пожелай этого, брат. — Тихо попросил Хэлдар, проводя ладонью по глазам. — Изо всех сил пожелай.

— Эх, брат эльф, куда уж сильнее. Не мастер я в этих магических штучках, не умею… — и орк помахал в воздухе руками, изображая псевдомагические пассы. — А так — все мои мысли о доме.

Тут Сыч неожиданно дернулся, как от удара, и из носа у него хлынула кровь. Да так сильно, что пришлось им остановиться, и Арколь, несмотря на протесты орка, заставил его лечь на пол, сам сел рядом и положил его голову себе на колени. Он ощупал своими длинными, чуткими пальцами лоб и шею Сыча, потом крепко сжал переносицу, и довольно долго держал свою узкую кисть на зеленоватом орочьем лбу. Не сразу, но кровь унялась, но Сыч еще с полчаса кашлял и сплевывал под ноги.

И снова тянется тусклой серой лентой каменный коридор. Как ни странно, путники почти не чувствовали усталости, не испытывали жажды и голода, и кони их так же безропотно, терпеливо шли навстречу неизвестности.

— О боги! Что за воздух тут! — не выдержал Сыч. — Не иначе на паутине настаивали. Поскорее бы на вольный ветер!..

И словно в ответ на его нетерпеливую просьбу тесный коридор сначала резко расширился до размеров небольшой

пещеры, а затем и оборвался, сразу за порогом. Путники замедлили и без того небыстрые шаги и остановились, не решаясь выйти наружу. Арколь, подойдя совсем близко к порогу пещеры, осторожно выглянул наружу и присвистнул.

— Ну и дела! — и шагнул наружу, махнув друзьям рукой, мол, выходите.

Впереди серым крупным гравием рассыпался некрутой спуск, росли невысокие, редкие деревья, по правую руку темнела кряжистая, приземистая горная цепь, совсем рядом по крупным, обомшелым камням прыгала шустрая мелкая речушка, белая от пены. Дальше предгорное редколесье густело и переходило в настоящий лес.

— Это ж Безымянный Хребет! — оглянувшись, кивнул на горы Сыч. — И эти места я хорошо знаю…

Он оглянулся, внимательно вглядываясь в очертания серых массивных скал, подошел к речке, наклонился и зачерпнул горстью воды, но пить не стал, а поднес ладонь к лицу и втянул только ему заметный запах.

— Похоже нас, други, крысиным лазом провели. Мне этот запах не забыть. Когда меня нильгайцам продавали, именно отсюда на белый свет и выволокли. А из речки этой я тогда пил — напиться не мог, после их подземной отравы.

— Похоже, ты прав. Это действительно Безымянный, — подтвердил Хэлдар. — И если мы поспешим… — он не договорил.

— Надо коней напоить. И самим не помешает в себя прийти, путь неблизкий. — Сыч подошел к Арколю, перенял у него повод своего коня и повел его к воде, осторожно ступая меж камней.

— Вода очень холодная. — Арколь уселся на большущем зеленом от мха валуне, нагнулся и плеснул себе в лицо пригоршню, фыркнул, плеснул еще, смывая остатки затхлого воздуха. — Студеная, как говорит Амариллис.

— Даже чересчур, — озабоченно отозвался эльф. — Даже для горной речки середина лета хоть что-то да значит. Сыч, надо спешить!

— Не меньше твоего знаю, — нахмурился орк. — И тороплюсь не меньше. Но верхом мы быстрее поспеем, так что не след пока лошадей морить. Ты лучше скажи, сколько по-твоему разумению времени прошло, с тех пор, как мы в кишку эту каменную залезли.

— Шли мы не больше суток, а то и того меньше. Но, судя по всему, август уже сильно за половину перевалил.

— Не может быть, — запротестовал Арколь. — Три недели вот так легко не скрутишь!

— Ты так в этом уверен? — под неподвижным взглядом эльфа

Арколь поежился.

Они были в пути уже три дня. Останавливались, только чтобы дать краткий отдых коням, а заодно и самим хотя бы попить, смочить пересохшее горло. О сне и разговора не было — все трое при необходимости могли не спать довольно долго. Они почти не разговаривали; все думали только об одном, вернее, об одной, и слишком много страхов и опасений одолевали их, чтобы еще и облекать их словами. Вскоре после того, как они встретили четвертый рассвет в пути, Сыч не выдержал и хлестнул усталого коня — за следующей излучиной небольшой лесной реки был его дом.

За эти нескончаемо долгие три дня пути Хэлдар успел привыкнуть к тянущему, монотонному страху; он более ничего не говорил своим спутникам о времени, но сам не мог не знать, что быстрой дороги не получилось. Там, где он надеялся увидеть начало последнего летнего месяца, его встречала притаившаяся осень. Каждый порыжевший лист, каждая сухая травинка шептали ему о потерянном времени. Эльф гнал от себя все сомнения в успехе их попытки опередить его сокровников, запрещал себе даже думать о том, что могло — или уже случилось с Амариллис и с домом Сыча. Но с той минуты, как пальцы его заломило от холода в воде предгорной речки, надежды у него не было.

…Славный был у тебя дом, брат мой. Светлый, теплый, крепкий. Широкие ступени крыльца, по которым так приятно сходить, не торопясь, и так легко подниматься, да и сидеть на них тоже славно. И сад был хорош. И как год назад, обещал яблоки — много, много яблок. Так много, что обламываются ветви, не выдерживая тяжести плодов, да что там ветви, стволы трещат и разламываются надвое и никакие подпорки им не помогают. Приходится тогда спиливать перестаравшееся дерево, и яблоневые дрова заполняют всю комнату уютным, сладковатым запахом. Сладкий яблоневый дым…

…он заставит тебя задохнуться, брат мой. Он ударит тебя, железной хваткой сдавит горло. И ты натянешь поводья, заставляя коня вскрикнуть от боли, и спрыгнешь наземь. Ты не поверишь своим глазам, и будешь оглядываться, чтобы вдруг понять, что в кои-то веки ты заблудился и это не твой дом. Обугленные остовы стен, пара уцелевших оконных проемов смотрят невозмутимо, уже ничему не удивляясь, проломленный обрушившейся крышей пол, камин, черный из-за толстого слоя жирной сажи. Вот и все, что оставило пламя, пожравшее твой дом; оно накинулось на него, как изголодавшийся зверь на легкую добычу. Дом почти мгновенно оказался внутри огненного стога, изрыгающего в небо клубы черного, страшного дыма,

стреляющего редкими искрами. Все, что создавалось вами с любовью и терпением, огонь уничтожал с жадным, неистовым ревом, будто желая выжечь память о вас, умертвив саму землю, на которой вы жили.

…медленно, очень медленно ты пройдешь по выгоревшей траве и увидишь — в стороне, там, где начинался сад, высится свежий могильный холм, обложенный принесенным с опушки дерном. На склоне холма лежит щит — круглый, с выпуклым железным умбоном посредине, такие носят гвардейцы короля Краглы. На нем орочьими рунами что-то написано…

Звездной дорогой в неведомый край
Ушедшим — свет и покой…

У Сыча будто подломились колени; он рухнул наземь, сжал голову руками и тихо, протяжно завыл. Арколь и Хэлдар замерли, не решаясь подойти ближе. Осмысление того, что произошло здесь, придет позже, пока же было ясно одно — у орка больше нет дома. И все, кого он ожидал встретить, мертвы. Когда Сыч наконец обернулся, маг охнул — так сильно исказилось лицо орка. Глаза сузились, рот ощерился белоснежными, разъяренными клыками. Сыч медленно поднялся с колен и пошел навстречу спутникам. Он со свистом втягивал воздух сквозь оскаленные зубы, вены на его шее вспухли и заметно пульсировали — так ярилась в них обезумевшая от горя кровь. Внезапно орк взревел:

— Эльфийское отродье!.. — и стоявший в оцепенении Хэлдар едва успел отразить удар Сыча, так неожиданно быстрым и мощным оказалось нападение.

— Будьте вы прокляты! Весь ваш подлый, поганый род!

Сыч наступал, его меч уже единожды задел эльфа, оказавшегося совершенно неготовым к этой схватке, исход которой представлялся очевидным — еще минута, и орк отомстит за смерть семьи совершенно неповинному в этом эльфу. Но раздался глухой хлопок, в воздухе запахло резкой послегрозовой свежестью, а Сыча словно молнией ударило — он выронил оружие и упал ничком. Арколь, все еще дрожа всем телом, опустил руки, воздетые над головой и сжатые в магическом жесте. Тяжело дыша, эльф разжал пальцы, выпуская меч на траву, подошел к Сычу, перевернул его на спину. Опустившись на колени с ним рядом, он пальцами провел по искаженному лицу друга, стирая бешенство и безумие. Маг присел рядом; не прячась, он плакал.

— Что ж теперь делать? — Арколь всхлипнул, утер ладонью

слезы. — Как же так?

Хэлдар не ответил. Он, как когда-то давным-давно, обнимал лежащего без памяти, полуживого Сыча и всеми силами пытался вернуть его, не думая, что, придя в себя, орк, возможно, вновь попытается его убить.

— Он очнется… скоро, — поспешно ответил на невысказанный вопрос маг.

Эльф промолчал. Тянущий страх отпустил его, уступив место безнадежности. Вот и закончилась их погоня за ускользающей возможностью все исправить и предотвратить. Не так уж и долго задержала их дорога тысячи путей, но и этого хватило. Они опоздали на каких-то десять дней… и потеряли все. Самый вид пепелища был для эльфа как удар наотмашь, ибо лишал всех упований и обрекал на предельное одиночество — тех, кто уничтожил дом его побратима, он не простит никогда. И никогда не назовет своим народом. Хэлдар осторожно опустил голову Сыча на землю и направился к обгорелым останкам дома. Каждый шаг давался ему с видимым трудом, но он все же нашел в себе силы войти в черные останки стен. Опустившись на колени, эльф напряженно вглядывался в пепел и неузнаваемые обломки, время от времени осторожно вороша их рукой.

— Что ты ищешь? — недоуменно спросил Арколь. Маг выглядел совершенно беспомощным и потерянным.

— Стрелы, — не оборачиваясь, ответил эльф. — Наконечники должны были уцелеть. Я должен знать, кто именно…

Тут его глаза уловили в крошеве пепелища нечто знакомое; он поднял закоптившийся, но ничуть не потерявший форму, изящный наконечник стрелы. Древко и серое оперение сгорели, но наконечник был цел и невредим — хоть какая-то доля мастерства предков-альвов досталась эльфам. Хэлдар очистил кусочек железа и смог разглядеть клеймо хозяина. Это была капля воды.

— Кто?.. — от звука этого голоса эльф дернулся, вскочил на ноги и метнулся в сторону очнувшегося. Сыч пытался встать, отмахиваясь от Арколя и его помощи. Орка шатало — Арколь не успел смягчить силу удара, но лицо его было прежним, без следа недавнего исступления. Он бестрепетно оперся о плечо эльфа, отдышался и повторил:

— Кто? Чье клеймо?

— Геран. — И эльф протянул на раскрытой ладони наконечник стрелы. — Стрелы детей Воды, а поверх — клеймо его клана. Даже не сочли нужным уничтожить следы…

— А зачем? — Криво усмехнулся Сыч. — Кроме эльфов никто не стал бы выжигать мой дом как осиное гнездо… вместе со

всеми обитателями. Это было их решение. А что до нас… так мы никому не скажем. Только войны нам сейчас не хватало.

Орк был прав — объяви они сокровникам Сыча, какая судьба постигла его дом, какую смерть приняли его родные — войны с эльфами не избежать. Деланно-безразличный нейтралитет рухнул бы мгновенно, а о последствиях этого и думать не хотелось.

— Простите меня… — Арколь, казалось, справился со своими чувствами и старался говорить ровно и спокойно. — Но здесь был еще кто-то. — И он указал на могильный холм.

Втроем они подошли к нему, и Сыч прочитал вслух:

Звездной дорогой в неведомый край
Ушедшим — свет и покой.
Вечно гореть погребальным огням.
Оставшимся — память и боль.

Сова, дочь Коша-шамана, супруга Сыча-крысолова
Глитнир, сын Сыча
Инта, супруга Глитнира

По краю щита шел узор, похожий на цепочку следов животного. Сыч вгляделся и кивнул.

— Это Кройн. Глитнир дружил с ним, они вместе служили в Крагле. Кройн вернулся домой год назад, принял главенство в семье. Я думаю, мой сын послал и ему весточку, что приедет погостить с молодой женой. Вот он и приехал повидаться с другом…

— Глитнир женился? — переспросил эльф.

— Да. Писал нам, какая она хорошая девушка, хотя и не наших кровей…Хэлдар… — орк медленно повернулся к эльфу, глядя на него снова темнеющими глазами.

— Они искали молодую женщину, ждущую ребенка. И орков, давших ей приют. — Не отводя глаз, сказал эльф. — И нашли то, что искали. Все люди для них на одно лицо… Они сочли свои стрелы достойными этой мишени.

Все трое замолчали.

— А… как же Амариллис? — наконец решился задать вопрос Арколь.

— Жива. — Кратко ответил эльф. — Ты так ничего и не понял? За нее лично расплатилась Инта. Ее смерти здесь нет. Но где она теперь… и как ее искать…

— Тут неподалеку есть место… она его очень любила. Думаю, она была там, когда… — Сыч не договорил. — Но спрятаться там невозможно. Идем, это недалеко.

Они направились тропой, так хорошо знакомой Амариллис, — через почерневший от огня и сажи сад, через выгон, мимо редколесья, немного вдоль опушки — и в лес. Уставшие кони ступали тяжело, но еще тяжелее было на сердце у путников. Они боялись даже думать, что могут найти там, куда ведет их Сыч.

Но поляна встретила их тишиной и покоем. Все те же редкие кустики малины по краям ямы, уже подсохшая и пожелтевшая трава. Они спешились, огляделись. Ничего. И никого. И никаких следов. Вот только Арколь вел себя, как чистокровная гончая, спущенная с поводка. Он сразу же метнулся к яме, замер на мгновение на краю и начал спускаться. Оказавшись внизу, он встал на колени, а потом и вовсе свернулся калачиком, будто отдыхать собрался. Эльф и орк переглянулись, но мешать магу не стали. А он лежал неподвижно, даже дышать перестал. Это оцепенение продолжалось немногим более пяти минут. Внезапно Арколь вскочил как пружина, вскарабкался вверх.

— Ну и местечко!.. — Ни к кому, в сущности, не обращаясь, сказал он. — Ты говоришь, она тут часто бывала? Ну и дела… Если б я еще на пару минут задержался, меня б разорвало. Не по моим силам такое место. — Но она здесь была, — торопясь, продолжил Арколь. — И не так давно. Дней десять назад. А ушла будто не одна… Нет-нет! — увидев взгляд эльфа, Арколь поспешил оговориться. — Нет, не с эльфами. Мне сказали… что ей указывали путь в безопасное место.

— Постой-ка, мэтр. — Сыч недоверчиво прервал Арколя. — Кто это тебе сказал?

— Не знаю, — смутился маг. — Не те у меня пока возможности, чтобы такие места как книгу читать. Что смог, сделал.

— И где же это безопасное место? Кругом лес… Она и суток бы тут не продержалась. А если и продержалась… куда ей идти? Куда?!..

— Постой. Если мы примем за правду, то, что удалось прочитать Арколю — а иного выбора у нас нет — то единственное знакомое Амариллис место в здешних краях — это Серебряные Ключи.

— Да?! Я помню, какую ты привез ее из этих Ключей. В чем только жизнь держалась! Думаешь, ей снова захочется такого гостеприимства?

— Не скажу, что она вспоминала о нем часто и с любовью, но там есть человек, желающий ей добра и способный защитить ее. Арчеш Мираваль. А больше ей некуда идти, Сыч. Больше некуда.

— Ну, как скажешь. — Сыч махнул рукой. — Вы как знаете, а

я домой… попрощаться. Один. — Предупредил он.

— Мы будем ждать здесь. Сколько нужно.

Сыч оставил друзей; он с трудом держался в седле, сильно сгорбившись, опустив повод почти до земли. Казалось, и силы, и грубоватое жизнелюбие, и стойкость — все разом покинуло его. Одно присутствие прежнего Сыча заставляло пламя веселее плясать и вселяло уверенность даже в самых слабых и уставших, а нынешний… от него веяло угрюмой безнадежностью. Сыч остался один как перст, ни дома, ни семьи — только где-то в дальних краях старший сын, Скирнир. Где те двери, что распахивались навстречу ему?.. Кто встретит его усталого после дальней дороги, кто постелет ему ложе?.. Судьбе было угодно распорядиться так, что побратимы так печально сравнялись — одинокие, бездомные скитальцы, и у обоих тяжкий груз на душе.

Арколь и Хэлдар расседлали коней, пустили их свободно пастись, сами присели на опушке, на прогретом солнцем, поросшем серебристым сухим мхом пригорке. Дувший с утра ветерок натянул на небо тучи, похожие на рваные серые тряпки, и посыпал мелкий дождь.

— Это я виноват. — Арколь поплотнее запахнул плащ, прислонился спиной к стволу сосны.

— Даже так? И Ледяную Птицу тоже ты отправил? Не наговаривай на себя, Арколь…

— Я должен был предусмотреть, что этот путь, будь он неладен, неуправляем! Сколько он у нас времени сожрал!

— Быстрее мы бы не успели, — эльф покачал головой, — да и что теперь гадать. Все уже свершилось.

Ближе к вечеру они продолжили свой путь — почти без надежды, обессилевшие и разбитые. У всех троих на лицах застыло выражение безнадежной решимости, и только Арколь, самый молодой из них, иногда не справлялся с горем и намеренно отставал от спутников, чтобы они не заметили его слез. Они продвигались очень медленно; на юг, узкими лесными дорогами, и не раз эльф замечал следы отряда всадников — сами того не зная, они почти повторяли тот путь, которым не так давно проходил Геран. Не то, чтобы не спешили; желание успеть отпустило их, словно кто-то ясно дал понять — спешить более некуда. На исходе пятого дня пути одайнские леса закончились и путники оказались совсем рядом с поместьем Миравалей.

Всю последнюю ночь пути шел дождь, крупный, частый, не слишком теплый; им, остановившимся на ночлег уже затемно, между невысокими всхолмьями, поросшими пустыми ажурными кустиками черники, спрятаться от него было негде, поскольку сосны от дождя защищали плохо, а сооружать какое-то убежище

не было ни сил, ни охоты. Они попросту продремали всю ночь, сидя у постоянно потухавшего костра, закутавшись в плащи, надвинув капюшоны по подбородки. К утру дождь приутих, но солнце так и не вышло, несмотря на разгулявшийся ветер. С деревьев капало, мох под ногами так разбух, что следы коней мгновенно наполнялись водой. В лесу было тихо, вся живность попряталась по норам, кому же охота по такой сырости разгуливать, только какая-то птица изредка подавала голос — и в нем слышались недоумение и тоска, мол, что ж это мне одной не спится, что за несправедливость такая.

— Сова терпеть не могла такую погоду… и время это тоже не любила. — Сыч стер с лица капли, оброненные отяжелевшей сосновой веткой. — Любила лето, чистое и солнечное.

Это был первый раз за четыре дня, когда орк заговорил о погибших. Все это время он молчал, изредка нехотя высказываясь, все больше по пустякам. Молчал и эльф. Да и Арколь не рисковал, слишком плохо голос ему повиновался. Весь их путь был похож на погребальное шествие, в полном молчании, с опущенными головами.

— Она любила то, что было ей сродни, — отозвался эльф. — Я никогда не забуду, как увидел ее впервые: приехал навестить тебя, как всегда, ото всех прячась. А она из сада шла… увидела меня, глазищами своими желтыми уставилась и думает — верить им или нет.

Сыч усмехнулся.

— Ты видно не счел нужным предупредить ее, каких я кровей. На мое счастье, ты следом шел, а не то я бы так легко не отделался. — И, глядя на Арколя, Хэлдар пояснил: — Она мне в голову полную корзину ягод швырнула…

— Из тебя впору было варенье варить… — фыркнул Сыч. — Помню, застыл ты в седле как истукан, все лицо в черно-красных пятнах, а потом спустился осторожно так и говоришь…

— Хорошо, что вы не яблоки собирали… — Вспомнил эльф и улыбнулся.

— Ты не переживай так за меня, мэтр Арколь, — Сыч дотянулся до плеча мага и хлопнул по нему тяжелой, мокрой ладонью. — Думаешь, я не заметил, как ты все подколдовать что-то пытаешься, горе мое утолить. Ничего, жить буду. В счастье — это вряд ли, а в остальном… Цель у меня есть, найдутся и средства. Так что руки на себя накладывать пока погожу. За четыре жизни сперва взыскать надо. Да и за ним вот проследить не помешает, — и орк кивнул на эльфа. — Как бы он первый от позора топиться не пошел.

— Ну, не так скоро, — возразил эльф. — Наши с тобой цели

не сильно разнятся. Сделаем, что сможем, а то и сверх того, не так ли, брат?

К Серебряным Ключам подъехали еще засветло; молочно-серый свет, пробивающийся сквозь иссякшие тучи, окрасил все вокруг в какие-то призрачные, тоскливые цвета. Сад старика Мираваля, промокший, ошалевший от чрезмерного количества воды как пьяница от нежданной и обильной выпивки, встретил их тишиной, редким кап-кап на дорожку с потревоженной ветки. В промозглом оцепенении застыли деревья, решетки куртин казались скелетами, с нелепой игривостью украсившими себя побегами плюща. Все цветы или плотно закрылись, или уронили мокро-пушистые головки наземь. Высокие, статные георгины тоже выглядели не лучшим образом: они явно перебрали дождевой воды, и теперь клонили свои яркие соцветья к земле, покачиваясь и тяжко вздыхая.

У самого крыльца незваных гостей встретил слуга, крепкий, высокий парень, выглядевший посмышленее обычного деревенского увальня, держащий на плече заряженный арбалет. Он неприветливо оглядел промокших, усталых путников и бросил сквозь зубы:

— Постоялый двор в Озерках. Вашим коням и получаса езды не будет.

И отвернулся, давая понять, что разговор окончен и на гостеприимство этого дома пришлые могут не рассчитывать.

— Вот что, любезный, — Сыч спрыгнул на землю, угодив прямо в изрядную лужу и щедро окатив грязными брызгами слугу. — Ты коней прими, да проследи, чтобы их вытерли насухо, суконками растерли как следует и накормили.

В руки разинувшего рот слуги легли три пары поводьев, а путники прошли на крыльцо.

— Э… куда это вы?! — парень пришел в себя и заметался, не зная куда девать насильно врученные поводья и кого звать на помощь.

— В дом, — пожав плечами, пояснил Арколь. — Согреться. Одежду просушить. И с хозяином здешним повидаться.

Они один за другим прошли в просторный холл, в котором обитатели Серебряных Ключей когда-то встречали чету Миравалей. Не сговариваясь, разом подошли к камину, и также разом обернулись на голос — резкий, насмешливый, но вполне приветливый.

— Вечер добрый, милсдари. Говорят, незваный гость хуже пьяного велигоры… Чем обязан такой чести?

Говоривший спускался по лестнице, держась за перила больше для вида, чем по надобности; вид у Арчеша Мираваля был

усталый, но спокойный. Остановившись на нижней ступеньке, он оглядел своих гостей, поджал губы.

— Так-так. Я разумею, милсдари, никто из нас уже не торопится. А посему отправляйтесь-ка вы по комнатам, переоденьтесь, обсушитесь… сейчас прикажу вам ужин подать. А как отдохнете, милости прошу в мои покои. Там и потолкуем.

Спорить с этим было бы нелепо, поэтому, поблагодарив хозяина, друзья поднялись вслед за ним наверх и разошлись по комнатам. Их будто ждали — в каждой горел камин, грелась вода для умывания, расторопные слуги унесли промокшие и потерявшие всякий вид одежды и принесли чистые и сухие. А когда гости переоделись, экономка проводила их в небольшую комнату с накрытым к ужину столом. Они ели не торопясь, почти не разговаривая. Слуга, принесший воду для мытья рук, вызвался проводить их к хозяину дома.

Арчеш Мираваль ждал своих гостей, сидя в низком деревянном кресле у камина, вытянув худые ноги поближе к огню. Он указал вошедшим на три таких же кресла и первым начал разговор.

— Полагаю, я достаточно испытывал ваше терпение. Хотя выглядите против прежнего неплохо. — И, глядя прямо в лица гостей, сказал: — Ее здесь нет. Да вы и сами догадались…

— Она все-таки пришла к вам… — Хэлдар попытался улыбнуться. Он выглядел как собственный призрак — мертвенно-бледный, с серыми губами, остановившимся взглядом… За все время пути он ни разу не произнес имени Амариллис, ни разу не заговорил о ней — он боялся. Смертельно боялся услышать, что та, с кем он однажды уже спорил за жизнь Амариллис, на этот раз не пожелала уступить и забрала себе причитающееся. Поэтому он и не набросился с вопросами на Арчеша, едва войдя в дом, страх оказался сильнее даже желания узнать, что с его любимой, прекратить эту пытку неизвестностью.

— Из последних сил. И сама пришла, и вашего сына донесла, господин эльф.

— Когда? — эльф, не мигая, смотрел на старика.

— Вчерашней ночью. Заставила меня на старости лет в чудеса поверить. Да прекратите вы так на меня смотреть! — В сердцах крикнул Арчеш, топая ногой, безуспешно стараясь скрыть волнение. — Вот уж не думал, что эльфьи слезы увижу … но смотреть на такое сил моих нет. Жива Амариллис, жива и здорова. И сын ваш тоже… я, правда, в младенцах мало смыслю. Она назвала его в честь своего прадеда — Судри. Вы уж на нее не сердитесь, что вашего мнения в таком важном вопросе не спросила, она очень спешила. Чего-чего, а времени ей почти и не

оставили.

Старик говорил нарочито громко, не зная, куда девать глаза и как самому удержать душевное равновесие. Эльф же, с трудом поверив в то, что самая безумная надежда не обманула его, и Амариллис жива, и жив их ребенок, опустил лицо в ладони и заплакал.

— Ну, наконец. А я уж думал, добрые вести забыли о нас. — Сыч отвел глаза от эльфа и так же громко спросил: — В честь прадеда, говорите? Значит, малец в нашу кровь пошел?

— Вашу кровь, как шило в мешке, и захочешь — не утаишь. Зубки почти как ваши будут. А глаза эльфьи. Да что же это такое, не могу я так!..

С этими словами Арчеш встал, отошел к окну и принялся с непонятным усердием высматривать что-то в глубине сада, время от времени громко сморкаясь.

— Простите. — Эльф выпрямился, встал и прошелся по комнате, пытаясь успокоиться.

— За что?! — Арчеш обернулся от окна. — За то, что в кои-то веки повели себя по-человечески?..

— Сядь, Хэлдар. — Орк подошел в эльфу и силой усадил его обратно в кресло. — Сядь, тебя же ноги не держат. А вы, господин, расскажите нам — как оно все случилось. Вы ведь даже имен наших не спросили…

— А что спрашивать. Она мне про вас все рассказала. Это, небось, ее братец названый, магик.

Арколь поднялся и поклонился старику; все это время он молчал, не находя нужных слов.

— Господин эльф… и вы, Сыч. — Арчеш замолчал, склонил голову. — Соболезную. Такое горе, как ваше, не в вине, а в крови топить придется. Я ведь, признаться, не вас ждал. Тех, других, которые ее лесами гнали. Если бы не Лесной Народец, она бы живой не ушла…

И Арчеш не торопясь, выбирая слова, принялся рассказывать обо все, что узнал от Амариллис. Договорив о том, как он нашел ее и перенес в дом, Арчеш ненадолго умолк.

— А поутру, как проснулась, сразу и уходить собралась. Младенца своего в охапку и к дверям. В чем жизнь держится, думаю, а все туда же… Беда… Одно было ясно — я ее защитить не смогу, силы не те. Так что, милсдари, уж не посетуйте, что доверил эту заботу чужаку. Не беспокойтесь, его на это хватит.

— И кто взял на себя такую ношу?

Арчеш смущенно отвел глаза.

— Да я и сам о нем почти ничего не знаю. Довелось мне по молодости совершить почти благородный поступок, спасти

невинного от каторги. Я думаю, он уже тогда был кем-то из ваших собратьев, господин маг, во всяком случае, силы его явно превосходили человеческие. В знак благодарности он оставил мне свою серьгу — мол, понадобится помощь, зови. Как тут было не позвать?..

— Но хоть имя-то его вы знаете? — Арколь, вне себя от волнения, терзал пальцами подлокотники кресла.

— Его зовут Гарм.

— Как?! Не может этого быть… Как он выглядит? Ростом с велигору, крылья нетопыря, серая кожа? — Маг вскочил и чуть ли не приплясывал на месте.

— Да что вы за страсти рассказываете, мэтр. Неужто я такому страшилищу Амариллис отдал бы. Выглядит он как самый обычный человек, высокий, одежда черная, волосы светлые… Погодите-ка. Что там на словах стараться.

Арчеш подошел к столу, стоявшему в стенной нише, присел и принялся что-то набрасывать пером на листе бумаги. Через минуту он протянул рисунок Арколю.

— Ну как, знаком он вам? Может, у учителя своего встречали?

Друзья смотрели на набросок Арчеша: из скупых, четких линий складывался более чем похожий портрет того самого спутника господина Брика, рискнувшего в минуту крайнего нетерпения, граничащего с умопомешательством, сдернуть у Дирка-капитана с шеи алмаз темной крови. Тогда ему пришлось дорого заплатить за такое поведение, еще более непростительное для бога. Его и без того невеликих сил (по мере удаления Гарма от Арр-Мурра они уменьшались) хватило, только чтобы не утонуть. Огромная волна-убийца вышвырнула его в направлении Эригона; видимо, его, полумертвого, выловили у складов Мизинца слуги Тьеполо. А тот быстро сообразил, что сама судьба посылает ему козла отпущения и грех будет такой возможностью не воспользоваться. И если бы не упрямство молодого судьи, кто знает, сколь долгим оказалось бы падение молодого, обессиленного бога.

— Нет, я никогда не видел его. — Сокрушенно признался Арколь.

— Не встречал. Лицо приметное, особенно глаза. Такого не забудешь. — Покачал головой орк.

Эльф кивнул — ему изображенный Арчешом тоже знаком не был.

— Ну… что поделаешь. Может, оно и к лучшему, известность Амариллис сейчас не нужна.

— Арчеш, но куда он увез Амариллис? Возможно, мы еще

успеем их догнать…

— Это вряд ли. Гарм путешествует быстро. Только что был тут, глядь — и нету его. А что до того, куда он ее увез… Я не знаю. Он не из тех, кто мне докладываться будет. Сказал — отвечаю за ее жизнь и за жизнь ее ребенка, в уплату старого долга беру их под свою защиту. Я ему верю. — Арчеш выдержал взгляд эльфа, не отводя глаз. — Поверьте и вы. Иного выхода у меня не было.

В комнате воцарилась тишина. Как странно — вот и закончилась их дорога. И известия оказались не так уж плохи, даже обнадежили. Вот только тоска, изводившая сердце, не унялась.

— Благодарю вас. — Хэлдар подошел к Арчешу Миравалю, опустился на одно колено и склонил голову в глубоком поклоне. Старик засуетился, пытаясь избежать подобных почестей.

— Да что вы!.. Господин эльф… зачем же так? Мне Амариллис как дочь и если бы не обстоятельства, я был бы рад увидеть ее здесь. А хоть бы и насовсем поселилась…

— Благодарю вас, — повторил эльф, поднимаясь. — И верю вам. Но я буду искать ее. Не знаю, где и как. Это не имеет значения.

— Кто бы сомневался, — пробурчал Сыч. — Не далее как завтра и отправимся.

— Для начала — в Шаммах. — Голос Арколя первый раз за последние дни звучал уверенно. — Если этот человек, — и он указал на рисунок Арчеша, — способен управлять порталами, а то и создавать собственные, аш-Шудах не может не знать о нем.

— Ну, вот и порешили, — Сыч хлопнул себя по коленям. — Только на этот раз обычной дорогой. Так оно вернее.

Они остались в доме Арчеша на ночь. Прежде чем отправиться на отдых, еще немного и осторожно поговорили — о том, какой путь избрать, чтобы привлечь к себе как можно меньше внимания, сколько времени может занять дорога. Сыч написал и попросил Арчеша отправить горестную весть своему старшему сыну, в порт Маноры — там было его последнее пристанище.

Наступившее утро мало чем отличалось от предыдущего: те же плотные пепельно-серые тучи, дождь, продрогший сад. Пока гости завтракали, Арчеш не раз предлагал им переждать непогоду, — разумеется, безрезультатно. Прощание оказалось коротким и сердечным; и долго еще Арчеш Мираваль смотрел вслед покидавшим его дом друзьям. Дождь, успевший утихнуть и начаться снова, смывал зелень с листьев, обнажая спрятанную летом позолоту. Следы коней у крыльца расплылись и

наполнились водой, а он все стоял, плотно запахнувшись в плащ, слушал жалобный лепет своего сада и думал, что он уже слишком стар для таких событий. К его выцветшим ресницам неотвязно липло низкое, мокрое насквозь небо, мешая разглядеть хоть что-то определенное чуть подалее вытянутой руки. Но Арчеш не уходил и все продолжал всматриваться куда-то, где терялась из вида извилистая дорога.

Глава вторая. Пустыня

— …и надо было видеть его лицо, когда Арколь вытащил тот портрет.

Сыч глянул поверх кружки на собеседника — немолодого шаммахита, поджарого, жилистого, основательно прокопченного пустынным солнцем. В коричневом полумраке трактирной залы его лицо порой будто растворялось в воздухе, и только тлеющие черным огнем глаза позволяли не потерять его из внимания.

— Почтенный господин маг вытаращился на несчастный рисунок как монахиня на непристойное слово, выцарапанное на стене молельни. И много чего сказал… увы, Арколь отказался переводить — мол, не для наших ушей такие слова. Рисунок в кулаке сжал; Арколь потом его развернул — а бумага ровно опаленная.

— Я никогда не видел учителя в таком гневе, — подал голос Арколь, сидевший справа от Сыча. — Я думаю, что если бы не наше присутствие, он десятком молний не ограничился. Спалил бы полдома начисто…

— А толку? — Сыч пожал плечами, отхлебнул из кружки, поморщился — черное пиво, столь любимое в Шибальбе, было уж очень крепким, — и поставил ее на стол. — Ему только и оставалось, что гневаться. Что и говорить, обидно, опередил его братец.

— Ты ничуть не изменился, Сыч. — Шаммахит улыбнулся, влажно блеснув зубами. — По-прежнему выражаешь сочувствие, тыкая в самое больное место.

— Ты мне льстишь, ар-Раби… — И Сыч церемонно склонил голову. — Так вот и получилось, что пропажа наша нашлась… по крайней мере, стало ясно, где ее искать. И представь — ни я, ни Хэлдар не забыли, что один из наших давних знакомых однажды поменял ремесло пирата на промысел охотника за дарами Арр-Мурра.

— И вы решили обратиться за помощью к старому другу… — шаммахит оглядел сидящих вместе с ним за столом. — А я-то думал, что задержался в этом городишке случайно, а оказалось — вас дожидался.

— Тебя почти невозможно застать здесь. Я всякий раз, когда бывал в Шибальбе, спрашивал о тебе — и все без толку. Или ты уже ушел, или еще не вернулся, а искать тебя на твоих тропах — благодарю покорно… — Хэлдар говорил спокойно, ровно; он выглядел немного усталым — эльфы плохо переносили жару и сушь, — но довольным. Им и в самом деле посчастливилось — ар-

Раби, спасенный вместе с Сычом из храма в нильгайских лесах, стал одним из лучших проводников по проклятым землям. И все еще был жив.

— Ты прав, я редко бываю здесь, а задерживаюсь еще реже. Пустыня крепко держит меня — только в ее объятиях я засыпаю спокойно. Здесь, — ар-Раби повел рукой, указывая на окружающие их стены, — здесь мне неуютно. Слишком много всего — людей, вещей, слов… Так что собирайтесь быстрее — долго я вас ждать не буду.

— А чего нам особо собираться. Так ты согласен вести нас? — Сыч явно был обрадован словами ар-Раби.

— Возможно, ты не все и не совсем понял. — Хэлдар внимательно глянул на шаммахита. — Мы должны идти в самое сердце проклятых земель. Не по окраинам пустыни. Не в оазисы. Даже не по границе Арр-Мурра.

— Да, так глубоко я не захаживал. — Согласно кивнул ар-Раби. — Но могу тебя утешить, господин эльф, — так глубоко не захаживал никто. Так что более знающего проводника, чем я, вы вряд ли найдете. Вот если бы Пьющий Песок не ушел двумя неделями раньше, может, он и согласился бы вести вас.

— Пьющий Песок? — эльф недоуменно приподнял бровь. — Так он и впрямь существует? Признаться, я думал, это не более чем легенда. То, что я слышал о нем, — какие-то неправдоподобные россказни…

— Неужели? — усмехнулся шаммахит.

— Ар-Раби, кто же поверит тому, что человек способен пройти сквозь пыльную бурю, или вести за собой подземный колодец, будто ручного зверька?

— Человек и не способен. А вот Пьющий Песок — он и не такое может. — Шаммахит, не спеша, отпил глоток воды — иных напитков он не употреблял — и продолжил.

— Боюсь, что уподоблюсь хранителю старинных баек, в которые никто, кроме желторотых новичков и еще живых ветеранов не верит, но уж позвольте самую малость помучить старых друзей. Это случилось, когда я впервые попал в решетчатые дюны — впрочем, вы ведь не представляете себе, что это такое, по вам, пустыня это ровный песочек, вроде морского побережья… Я помню, как сам был поражен, впервые увидев ее великолепие — бескрайние холмы… застывшие волны, звезды, серпы, полукружия… — и шаммахит прикрыл глаза, вспоминая и наслаждаясь. — А в решетчатых дюнах и опытному проводнику заблудиться не стыдно, такая там путаница, и ориентиров никаких. А у меня тогда всего пара походов за плечами была. Вот и плутал я там сутки, а потом и вторые. А на закате третьего дня,

когда я уже еле ноги волочил, на меня прямо из-за бархана вышел Пьющий Песок. Присел рядом, дал воды из своей фляги напиться — и пусть меня сожрут пустынные волки, если эта вода не была холодна как сердце моей бывшей жены! Потом велел держаться левой стороны лабиринта, сам встал и пошел себе куда-то восвояси. А на прощанье протянул горсточку леденцов, завернутых в розовые лепестки, и сказал…

— Что сказал? — не утерпел Арколь.

— Что в пустыне нельзя отчаиваться и падать духом. «Ты же любишь ее, так пусть любовь и ведет тебя». Через несколько часов я вышел из дюн…

— Разве ты не пошел за ним? — изумился маг.

— А разве он меня пригласил следовать за собой? — в свою очередь изумился проводник.

— Даже если и так. — Хэлдар отодвинул от себя пустой бокал. — Что нам толку от этого чудотворца?

— Он прав. — Кивнул Сыч. — Нам, кроме как на себя и на твое мастерство, рассчитывать не на кого. Да оно и к лучшему. Приказывай, ар-Раби — когда и с чем отправляемся.

— Прошу прощения у милостивых господ… — неслышно подошедший слуга склонился в почтительном поклоне. Разогнувшись, он внимательно оглядел сидевших за столом, задержав выпуклые глаза на Хэлдаре и Арколе. Последний не удержался от того, чтобы не присвистнуть негромко сквозь зубы — слуга был одним из коренных жителей побережья Пустынных земель, *чтитланом.* Осталось их немного, возможно, именно поэтому они так цепко держались за свои обычаи; у слуги, как и полагается чистокровному *чтитлану,* голова была сплющена с висков, мочки ушей непомерно растянуты плоскими дисками серег, а передние зубы обточены на манер акульих.

— Прошу прощения, — слуга ясно улыбнулся, заставив и Сыча негромко чертыхнуться, — господин призывает эльфа к себе.

С этими словами слуга отодвинулся и скупым мановением руки указал на сидящего в отделенном полутемном углу посетителя — ничем не приметный человек лет сорока, с короткими седыми волосами, что-то высматривал на дне своей кружки. Друзья недоуменно переглянулись, а ар-Раби что-то негромко прошептал себе под нос — то ли выругался, то ли помолился…

— Господин призывает эльфа, — повторил слуга, не понимая, чего еще надо этим пришлецам, каких еще слов они ждут от него.

— А с чего бы это? — принахмурился орк. — Ишь, призывает… Хэлдар, ты его знаешь?

— Замолчи, Сыч. — Шаммахит поднял руку. — Хэлдар, советую не медлить. Это Пьющий Песок… и задуши меня суховей, если я понимаю, как он тут оказался. Иди же…

Эльф пожал плечами, встал, и последовал вслед за слугой.

Тихо поскрипывает песок под сапогами. Здесь, в Шибальбе, он повсюду — тонким слоем на полу, мети — не мети, на сто раз протертых столешницах перекатываются под тарелками рыжие песчинки, в любом кушанье — они же неизбежной приправой, и на дне всякой кружки оседает песчаный осадок. В волосах, в карманах, в шелестящем глухом *чтитланском* выговоре — песок. Под подушками, под ногтями, под солнцем — песок. Здесь, в Шибальбе, на побережье — рыжий, местами светло-желтый; чем дальше в пустыню, тем он светлее и мельче. Сухим песком пахнет ветер, сырым — вода… Если долго смотреть на песчаные волны, то можно заметить, как они движутся — еле заметно, как грудь крепко спящего исполина. Если долго смотреть на пустынное солнце, то можно понять — оно тоже песчинка, желто-рыжая, горячая, круглая… скатывающаяся с неба на край земли. А если однажды встать на тропу, вьющуюся меж песчаных холмов, то песок сначала слегка втянет в себя ноги шагнувшего, а потом отпустит, и так легко будет идти, и тропа будет виться как причудливый рассказ… и не отпустит уже никогда.

Хэлдар подошел к столу, отодвинул тяжелый стул, присел. Пригласивший его все так же невозмутимо вглядывался вглубь кружки с водой. Эльф, наученный давним опытом, разговора первым заводить не спешил и ждал. Наконец, человек поднял глаза от воды и в упор глянул на Хэлдара.

— Рад встрече. Давно тебя жду… что так медлил?

На эльфа смотрели глаза цвета выгоревшего пустынного неба, опушенные белесыми ресницами; заглянув в них, эльф ощутил что-то до боли знакомое — усмехающийся свет… память и власть… готовность слушать и слышать все голоса мира…

— Вы ждете меня. Зачем?

— Разве об этом ты хотел спросить? — Пьющий Песок приподнял бровь.

И голос… нет, голос был другим. Тот был весел даже в минуты безнадежного отчаяния, в нем словно поблескивали золотые искорки, а этот — ровен, негромок, и собеседнику поневоле приходится напрягать слух, чтобы различить оттенки в этом серебристо-сером бархате.

— Вы звали меня. — Эльф сам не знал, чего тут было больше — вопроса или утверждения.

— Неужели?

Нет, он явно насмехался. Хэлдар отвел глаза, с неподдельным

вниманием рассмотрел чахлые кустики, царапающиеся в пыльное оконное стекло короткими толстыми колючками, и быстро глянул на собеседника. Нет, исключено. То лицо было тонким, четок и резок был рисунок рта, брови будто переламывались над висками, и улыбка — Хэлдар помнил ее. Помнил застывшей на бронзовых губах, украшенную тонкой струйкой крови, стекающей на подбородок… Проводник ни красотой, ни тонкостью черт не отличался. Ничего общего. Вот только глаза…

— Мальчик, не думаешь же ты, что все мы на одно лицо? — усмехнулся Пьющий Песок.

— Вы непохожи на эльфа, — ничего умнее Хэлдар не придумал сказать.

— Так я и не эльф. Хотя… может, как-нибудь. Так о чем ты хотел спросить меня?

— Вы знали моего отца? — с трудом выговаривая слова, настолько нелепым казался ему этот вопрос, спросил Хэлдар.

— Знал. Что еще?

— Но… когда это было? Он ничего мне про вас не рассказывал… и, судя по вашим годам, он мог знать вас разве что младенцем.

— Наоборот. Это я старше его. Да и какой возраст у тех, кто не знает времени? Так, видимость одна.

Хэлдар помолчал. Разговор грозил затянуться, а как раз временем эльф не располагал.

— Вы — Пьющий Песок? — решил все же уточнить эльф.

— Пока да.

— Тогда не согласитесь ли вы быть нашим проводником в Арр-Мурра? — здесь, в Шибальбе, было верхом невежливости вот так прямо обозначать цель дороги, но Хэлдар решил пренебречь церемониями.

— Вот прямо так? Ты даже имени своего мне не назвал…

— Хэлдар, сын Гая. — Имя рода Хэлдар не произнес.

— Так вот, Хэлдар, сын Гая, я не пойду с вами в Арр-Мурра. Это твоя дорога, и не мне ее переходить.

Пьющий Песок взял кружку и надолго припал к ней. Обычную воду он пил как дорогое вино — впрочем, это было в обычае у всех проводников. Ни привозного вина, ни местного черного пива они не пили — только воду. Эльф, на мгновение опешив, перевел дыхание, стараясь ничем не выдавать своего негодования.

— И на том благодарю. Но зачем же вы меня звали?

— Я давно тебя жду, — пожал плечами Пьющий Песок. — Она там совсем одна, Хэлдар. И помощи ей, кроме как от тебя, ждать неоткуда. Поспеши, мальчик.

И проводник вновь устремил взгляд в глубины кружки, давая

понять, что разговор закончен. Хэлдар, однако, так не считал.

— Вы говорите загадками. И, боюсь, я вас плохо понимаю.

— Глупости какие… — укоризненно качнул головой проводник, — все ты прекрасно понимаешь.

— Значит, я должен поверить тому, что вы когда-то знали моего отца, и если меня не обманывают глаза, вы не просто знали его, вы… одной крови. И моя Амариллис… ее вы тоже будто только вчера видели. И всему этому я должен поверить?

— Ты уже поверил. И довольно об этом. Повторяю — у тебя мало времени. Ар-Раби хороший проводник, пустыня любит его. Да и тебе пора вспомнить все, что ты умеешь… вот уж не думал, что придется тебя уговаривать. — И проводник опять опустил глаза. Хэлдар невольно проследил за его взглядом — прозрачная вода в темной глиняной кружке, все тот же песок на дне… вдруг среди белесых песчинок вспыхивает одна золотая искорка, потом еще одна, и еще… Хэлдар не успел их сосчитать, потому как спокойно искрам не сиделось и они метались в воде, выписывая петли и закручиваясь в спирали.

— Возьми. — Очнувшись, эльф вздрогнул и поднял глаза на собеседника. Тот положил перед ним небольшой сверток, укутанный в грубое полотно. — Возьми, посмотришь потом, когда выйдете из Шибальбы. Это карта Пустынных земель. От всех бед она вас, конечно, не избавит, но кое-что поможет обойти.

Эльф встал; он как-то очень ясно почувствовал, что разговор действительно закончен, и тянуть его не имеет смысла, а возможно, даже опасно. Он взял сверток, сдержанно поклонился и вернулся к своим спутникам.

— Ну что, он пойдет с нами? — нетерпеливо спросил Сыч.

— Нет, — покачал головой Хэлдар. — Не пойдет.

— Эээ… — разочарованно протянул орк. — А чего ради звал?

— Ради этого, — эльф спрятал сверток в сумку. — Он дал мне карту Пустынных земель.

— Уже неплохо, — покивал ар-Раби. — Ты все такой же скрытный, мастер эльф. На тебе лица не было, когда вы говорили… будто призрака увидел.

Эльф промолчал.

— Как бы то ни было, нам пора. Даю вам остаток этого дня на сборы, сегодня в ночь выходим. Лошади у меня свои, я их для каждого похода сам подбираю, так что озаботьтесь только припасами. Вернее, их оплатой. А то, вам волю дай, вы вина накупите и солений, — и ар-Раби хохотнул. — Пожалуй, я сам пойду с вами. Так оно вернее.

Когда несмело заблестели в небе первые звезды, Шибальба была уже далеко позади. Ехали молча, все распоряжения ар-Раби

уже сделал, все наставления преподал. Он предупредил их, что передвигаться по пустыне можно только ночью, в предрассветные и сумеречные часы, а на вопрос Сыча, что же им останется делать днем, коротко ответил: «Умирать». Поначалу ар-Раби предложил сначала двигаться по нахоженным караванным тропам, но потом сам же от этого отказался.

— Мы потеряем слишком много времени. Я так понял, вам нужно в самое Сердце Зла — а все тропы кружат вокруг да около. Что нам хороводы водить, идем туда, куда нужно.

И решительно свернул вглубь каменистого плоскогорья, оставив тропу по левую руку. Они ехали на низкорослых лошадках, еще трех вели в поводу. Когда первая ночь в пустынных землях подошла к концу, и небо побледнело, будто ужасаясь предстоящему восходу солнца, ар-Раби остановил свой маленький караван и приказал готовить стоянку. Сыч и Арколь выкопали в сухой, звенящей земле яму глубиной около трети роста взрослого человека, достаточную для того, чтобы вместить всех четверых путников. Над этим странным укрытием, больше напоминающим могилу, ар-Раби и эльф соорудили навес — первый слой из белого полотна, закрепленный камнями, и второй, отделенный от первого небольшими деревянными стойками, сделанный из ткани, сплетенной из серебряных нитей; при свете занимающегося утра она выглядела как рыбья чешуя. Лошадям было позволено щипать колючие кустики, путники ели сухие медовые лепешки, вяленые фрукты, запивая их водой. Поев, ар-Раби напоил лошадей и дал каждой по пригоршне какой-то сухой травы, которой у него была целая сумка. После этого лошади опустились наземь и замерли, будто одурманенные, проводник накрыл их кусками полотна, прижав их края ткани камнями.

— Так им легче прожить день, — пояснил он. — Мы делаем то же самое. Эта трава вызывает что-то вроде временного оцепенения, замедляет дыхание, сердцебиение… говорят, это похоже на тихую смерть, но лучше уж так, чем в полном сознании тихо сходить с ума, лежа целый день и не смея даже пальцем пошевелить.

— И долго так может продолжаться? — брови Арколя изумленно поползли вверх.

— Лошади выдерживают меньше месяца, если не давать им отдыха в оазисах. Люди — больше двух.

— А идти нам? — не договорил эльф.

— Как повезет. Может, месяц, может больше. Меня больше беспокоит вода. Придется поискать…

— А если не проснешься? Я слышал о таких травах, они очень

опасны! — молодой маг вертел в пальцах тонкий хрупкий стебелек, глядя на него как на ядовитую змею.

— Опасны, а как же. Но не более чем здешнее полуденное солнце. Если остаться и бодрствовать с ним один на один — тогда точно не проснешься. А травка эта оставляет хоть какую-то надежду… Ну, довольно разговоров. Уже слишком светло. Советую всем развязать пояса и выправить рубахи. Ложитесь и отдыхайте от трудов земных… — и ар-Раби усмехнулся.

Шаммахит проследил за тем, как они улеглись под навесом, сам еще раз прошел вокруг, посыпая землю заранее запасенной золой («Чтобы пауки не лезли», — пояснил он), и только потом сам забрался в укрытие. Действие дурмана не заставило себя ждать. Верхний слой навеса еще только начинал раскаляться, а все путники уже впали в тяжелое забытье.

Сердце затаилось в груди и лишь изредка вздрагивает, разгоняя оцепеневшую от жары кровь. Легкие крошечными порциями вбирают раскаленный воздух, обжигающий ноздри. Тело бессильно распластано, словно марионетка с обрезанными веревками, словно тряпичная кукла, брошенная хозяйкой на пол.

Куда тебя несет, мастер ельф? Неужели нельзя попасть в царство мертвых более приятной дорогой? Что гонит тебя? Долг? Чувство вины? Ах любовь…Ты все еще надеешься спасти ее, унесенную в самое сердце проклятых земель… Без нее твоя жизнь потеряла всякий смысл. Самые важные события проходят мимо, не трогая, не задевая тебя. Слова великих и властных едва доходят до твоего слуха. Ты потерялся в этом мире, что-то непоправимо, безнадежно разладилось в тебе. Без нее — только и просто Амариллис. Не хозяйки алмаза темной крови, повелевающей невиданной силой, на которую позарился даже бог. Тебя такие малости не трогают. Мастер ельф хочет вернуть свою возлюбленную… Скучно и трогательно. Ее величество воздуха наверняка бы с презрением вздернула подбородок и сказала, что эльфу равняться с героями глупых человеческих баллад — все равно, что ездить верхом на осле. А тебе все равно. На осле так на осле.

Они начали приходить в себя, когда солнце уже зависло над горизонтом как бумажный красный суртонский фонарь.

— Ну и травка, мать ее… — просипел Сыч, с трудом приподнимаясь на локте и из последних сил подавляя протесты своего желудка. — И что, так теперь каждый день?!

Ответом на его вопрос послужили слабые стоны Арколя, пытающегося выползти из-под навеса прямо на животе на манер земляного червя. Ар-Раби проснулся раньше всех и, подняв лошадей, принялся помогать спутникам.

— Ничего, первые дни самые тяжелые. Потом привыкнете, голова болеть перестанет… Ничего не поделаешь. Без дурмана нам не обойтись, никому не выдержать полуденной жары в полном сознании, даже и в укрытии. Кровь свернется, если ее не угомонить. Сыч, помоги мне поднять Хэлдара.

Эльф перенес действие дурмана тяжелее всех; как, впрочем, и саму пустыню тоже. Ему единственному ар-Раби увеличил порцию воды. Получив строжайшее предупреждение от проводника ни в коем случае не утаивать от него недомогания («Знаю я вас! Предпочтете помереть, пыжась от гордости, чем признаться в слабости!»), эльф честно и спокойно отвечал на вопрос о самочувствии: «Хуже еще не бывало».

Еще до полного захода солнца он напомнил друзьям о полученной им карте. Ее достали, развернули — и ахнули. Карта была вышита золотом, черным, красным и белым и поначалу показалась похожей более на причудливый узор. Но, приглядевшись, проводник рассмотрел на ней знакомые очертания.

— Вот это — и его палец провел извилистую линию вдоль черного лепестка, — это похоже на восточную окраину. Это явно Неделя Солончаков — и он указал на семь неровных красных пятен.

Ар-раби еще долго рассматривал карту.

— Странно, — сказал он, отдавая ее эльфу, — кажется, что это и не карта вовсе. Поначалу я подумал, что Пьющий Песок пошутил… это вполне в его духе. Его шуток не понимает никто, кроме него самого. Больше на цветы похоже. А приглядеться — и впрямь карта, причем отличная. Если бы не ней еще и источники были… — и он вздохнул.

После первых трех дней пути, когда каменистое плоскогорье осталось за спиной, начался обширный песчаный участок, протянувшийся до самого горизонта. На закате четвертого дня пути ар-Раби принялся искать воду. Им повезло — совсем рядом с их стоянкой нашелся священный знак обо — высокая жердь, увешанная костяными погремушками и увенчанная лошадиным черепом. В трех шагах от нее был источник, укрытый от солнца маленьким куполом, сложенным из камней. Размотав длинную веревку, связанную из многих узких кусков кожи, небольшим кожаным же ведерком натаскали воды, напоили лошадей, наполнили фляги и бурдюки.

— Как получилось, что ты остался при этом ремесле? — поинтересовался Сыч у ар-Раби. Они шли, ведя коней в поводу, давая им возможность отойти от действия дурманных трав. К этому времени трое новичков начали привыкать к новому

порядку дня, и даже начали разговаривать.

— Скорее это оно оставило меня при себе, — шаммахит протянул орку пригоршню сухих слив и продолжил, — вот, начинай свой завтрак. Мой первый поход был на редкость удачен, из отряда выжила почти половина, и я в том числе. Добычей со мной поделились по справедливости, и я смог сразу же купить себе дом в Шибальбе и завести собственную конюшню. Покупать для каждого похода лошадей у барышников — сплошное разорение, своих держать дешевле, опять же подбираешь сам: ближний путь — можно и слабых взять, не страшно, а как сейчас — самых лучших пескам скормлю.

Ар-Раби на ходу раздал эльфу и магу их порции сушеных морщинистых ягод. Те взяли их и без особого удовольствия принялись жевать.

— И, раз уж удача улыбнулась мне здесь, я счел за благо остаться и продолжить столь удачно начатое. Несколько раз попадался, не без этого, но она — и шаммахит улыбнулся, оглядывая пустыню, — всякий раз отпускала меня. Полуживого, обожженного, готового умирать — отпускала… Да и к травам я привык, вне пустыни их никто не употребляет, а здесь без них не выжить. А мне уж очень хорошо спится после двух-трех стебельков.

Тут он прервался и приказал всем остановиться. Усевшись на песок, его спутники ждали воды. Ар-Раби сам определял, сколько кому полагается драгоценной влаги, сам делил ночную норму на порции и никому не приходило в голову поспорить с ним.

Прошла первая неделя дороги; потом еще одна, и еще. Они просыпались поздним вечером и начинали ночной переход, еще не полностью очнувшись от действия дурмана, — шли в оцепенении, похожие на вереницу душ умерших, шествующих к месту успокоения. Потом, когда всходила луна, и ее серо-серебряный свет разбавлял холодный темный воздух ночи, путники приходили в себя настолько, чтобы остановиться и поесть, ощущая вкус вяленых фруктов и кусочков темно-коричневого сахара, сваренного с молоком. Иногда даже разводили костер, наломав колючих, толстых веток кустарника, стелющегося по земле. Они шли всю ночь напролет, не спеша и почти не отдыхая. Рано утром останавливались, ар-Раби находил место для дневного убежища, и, раздав спутникам утреннюю порцию воды, торопил их с устройством дневки. Сменяя друг друга, они выкапывали яму («братскую могилу», как мрачно шутил орк), расстилали полотно, укрывали лошадей. И ложились рядом, на сухую мертвую землю, не пахнущую ничем, не теплую и не холодную, безучастно жесткую… Закрывали глаза и впадали в

тяжкое забытье, без снов и грез, каждый раз не зная — настанет ли пробуждение.

Путешественникам удалось преодолеть песчаный лабиринт, почти не заплутав в барханах, похожих друг на друга как две песчинки — исключительно с помощью карты и, как ни странно, интуиции эльфа, который, преодолев оцепенение первых дней, смог неплохо ее читать. Арколю и ар-Раби удавалось находить источники воды, когда иссякали ее запасы. Они прошли мимо солончаков, миновали несколько бессточных котловин, где столетиями тлела в неподвижности горько-соленая вода. На берегу последней из котловин пали три из шести лошадей: придя в себя повечеру, они, не дожидаясь пробуждения хозяина, спустились к воде… там их ар-Раби и нашел.

— Помнишь Нильгау, ар-Раби? — голос Сыча стал немного ниже и тяжелее, но держался он поразительно — казалось, его выносливость не имеет предела. — Там от слякоти не знали куда деться, все хлюпало и скользило…

— А здесь того и гляди глаза усохнут и вывалятся, — буркнул Арколь, — не знаю как вы, а я этим скотинам почти завидую — напились досыта и издохли счастливыми… — еще прошлой ночью маг жаловался на несильную боль в животе и, судя по тому, как он кривился и бледнел, лучше ему не стало.

— Лично я издыхать пока не собираюсь и тебе не советую, мэтр, — орк протянул руку, чтобы дружески хлопнуть мага по плечу, но в этот момент Арколь так резко вздрогнул, будто его ударили, и упал. К счастью, судороги оказались несильными и скоро закончились, друзья даже не успели как следует испугаться.

— Ну вот… — ар-Раби достал из сумки мешочек, высыпал пригоршню какого-то белого порошка во флягу и принялся взбалтывать, — вот и началось. А я думал, первым Хэлдар не выдержит. На вот, пей. — Он сел рядом с Арколем и протянул ему питье.

Арколь все еще дрожащей рукой взял флягу, отхлебнул и закашлялся, отплевываясь.

— Да ты что, ар-Раби?! Она же соленая!

— Конечно, я ее при тебе подсолил. Пей. Или хочешь в судорогах через каждый час падать? Надо было тебя еще вчера напоить, может, и обошлось бы.

Пришлось магу через силу, корча рожи, выпить соленой воды; потом он всю ночь мучался от жажды, еще более сильной чем обычно, но судороги не возвращались. Из-за Арколя шли медленнее, чаще останавливались; на одном из привалов ар-Раби развел костер, вскипятил воду, заварил кипятком сушеные абрикосы, добавил горсть засахаренных розовых лепестков и

разлил отвар по кружкам.

— Пейте. Сегодня ровно месяц, как эта земля позволяет нам ходить по ней. Вам уже повезло — многие из шагнувших на песчаную тропу сходили с нее на половине этого срока.

Молча, наслаждаясь нежным, почти забытым запахом плодов, путники пили горячую воду.

— Скажи, ар-Раби, неужели все рассказы об оазисах лживы? — спросил Арколь, с трудом отрываясь от кружки. — Месяц пути, и ни одной передышки!

— За пределами Арр-Мурра оазисов почти нет, — покачал головой проводник.

— А долго ли еще?..

— Нет. — Голос эльфа был тих и уверен. — Мы почти у цели. Смотрите.

И он развернул карту, разложил ее на песке. В отсветах костра она казалась чуть ли не живой, так искрились и трепетали вышитые золотом контуры.

— Мы здесь, — Хэлдар указал на точку в сплетении красных нитей. Рядом с нею начинал извиваться тонкий черный лепесток, затем следовал несимметричный узор из красных и черных пятен, а за ним была чистая золотая сердцевина. — Я так понимаю, это граница Проклятой земли.

— Пожалуй, что и так. — Ар-Раби довольно улыбнулся. — Вот и славно… а то вы совсем заскучали.

Арколь поперхнулся и закашлялся.

— И что же нас ждет в Арр-Мурра? Мы, оказывается, уже на пороге, а ты нам так ничего толком и не рассказал об этих благословенных местах.

— А зачем? Вы и так немало успели наслушаться, пока в Шибальбу доплыли. Все, что слышали — правда. Неполная, конечно, потому как ни один из охотников за пустынными редкостями всей правды о своих вылазках не расскажет — кто ж в такое поверит, а слыть лжецом не всякому приятно.

Ар-Раби помолчал, вспоминая что-то и кивая своим воспоминаниям.

— Легкая дорога закончилась. И не кривись, Арколь, она и впрямь была легкой для нас — даже пустынные волки ни разу не побеспокоили. Дневное убежище теперь придется заговаривать — надеюсь, это ты умеешь? Как от кого? От обычных хищников, от тех, кому по вкусу теплая кровь и плоть. Пойдем как шли, но с оглядкой. По Арр-Мурра идти ночью вот так просто нам не позволят. Я бывал здесь не раз, и всякий раз дивился богатству фантазии создателя… Со здешними тварями разговор короткий — или ты их, или они тебя. Хуже с зачарованными местами —

они нападают неявно. Один из прежних моих спутников погиб, попытавшись перейти по битому зеркалу до оазиса — решил, игра стоит свеч, несколько порезов заживут за пару дней, а в оазисе будет чем поживиться… Вот только путь оказался слишком длинным, здесь так бывает, что близкое оказывается далеким. А оазис и вовсе растворился в воздухе, когда он до него дошел.

— И как ты об этом узнал? И что это за битые зеркала такие? — невозмутимо поинтересовался Сыч.

— Я пошел в обход зеркала. Морок был отражением оазиса, а сам оазис — за первым же барханом… Тот человек истек кровью в какой-то сотне шагов от спасения. Арр-Мурра не любит, когда незваные гости не проявляют почтения и прут напролом. Но я надеюсь, что с картой и чутьем Хэлдара нам будет проще. А битое зеркало… сами увидите.

— Вот уж никогда не подумал бы, — Сыч кивнул в сторону эльфа, — что остроухое отродье в песках будто в родном лесу вольготно разгуливать будет. Я, признаться, ожидал — не обижайся, брат, — что тебя придется на себе тащить, настолько не твое это место.

— Место и вправду не мое, — кивнул эльф — И я сам боялся того же. Я думаю, это карта позволяет мне слышать здешние земли.

— Не хочу показаться назойливым, но может и я на что-нибудь сгожусь? — Арколь, облизывая пересыхающие от жажды губы, с благодарностью принял от ар-Раби вторую порцию горячего отвара.

— Скажите, какой скромник выискался! — хохотнул Сыч. — Наполовину эльф, наполовину магик… Если бы здоровьем хлипковат не был, впору одному эти пески штурмовать.

— Славная компания подобралась, — улыбнулся шаммахит.

Они сидели вчетвером вокруг костра, и изредка пламя выхватывало из темноты их лица — похудевшие, обветренные, усталые, но спокойные. В глазах, отражающих маленький рыжий костерок, не было отчаяния и боли; решение, принятое в доме аш-Шудаха, — идти за Амариллис хоть в Арр-Мурра, хоть за Край Света, — при всей его нелепости и невыполнимости дало им покой. Их отговаривали все — и маг, и сородичи Сыча, и даже актеры. Кроме Лорки, запросившегося с ними. «Сначала вас измучает пустыня, потом Гарм всласть наиграется с вами, как змея с птичками… неужели вы думаете, что он подпустит вас к ней?»

— К слову сказать, я так и не спросил, какой ветер гонит вас в эти земли. Мы зашли вместе так далеко, что вы можете больше

не таиться от меня.

— Если я скажу тебе, что мои жена и сын в Проклятых землях и мы идем за ними? — эльф внимательно смотрел на проводника. — Или ты сочтешь нас сумасшедшими и лучше придумать причину повесомей, вроде талисмана невиданной силы, спрятанного в одном из оазисов и нужного позарез одному из моих королей?

— Жена и сын? Что же может быть весомей? Подумаешь, талисман… большинство их только здесь и действуют, а как вынесешь из песков — или рассыпаются, или просто угасают.

— Ты даже не удивился, — заметил орк. — Будто знал.

— Ну… не буду скрывать, пару месяцев назад у нас ходили слухи, что молодой хозяин принес кого-то в свой дом. И выселил Одноглазого на границу внутренних земель, поэтому туда лучше не соваться.

— Мда… — протянул Сыч. — Скрытность шаммахита, умноженная молчаливостью пустынного охотника… Почему ты молчал о своих догадках?

— Здесь привыкаешь молчать. — Пожал плечами ар-Раби. — И держать свои догадки при себе, пока не представится случай их проверить. Всех здешних охотников я знаю наперечет, новичков тоже за версту видно… И вдруг появляетесь вы, эльф, орк и магик — милая компания, ничего не скажешь. А приплываете на обычном торговом корабле, хотя Хэлдару вроде как положено с гораздо большими почестями путешествовать. Вы не то чтобы прятались, но явно торопились и не откровенничали даже со мной. Нетрудно было догадаться, что на нашу окраину вас привело что-то очень важное. Любой из даров Арр-Мурра — хоть самый редкостный — вы можете просто купить, незачем ради этого самим подвергаться стольким опасностям. А больше здесь ничего ценного нет… кроме того, о чем знали только вы.

— Скажите на милость… — Пробурчал Арколь. — Здесь все такие догадливые?

— Ты мне льстишь, мэтр Арколь. Пьющий Песок понял все гораздо раньше меня. Ведь он говорил именно с Хэлдаром и карту отдал ему — потому что кто как, а он эту дорогу пройти должен. А мне помогла привычка молчать и слушать. Я просыпаюсь раньше всех вас, и уже привык слышать ее цветочное имя. Хэлдар, ты зовешь ее во сне…

Рассвет застал их уже за цепью искрошенных временем, рассыпающихся скал; не тех, движущихся, что окружали внутренние земли Арр-Мурра, до них было еще добрых две недели пути. И все же им удалось зайти достаточно далеко — целыми и невредимыми.

Глава третья. Проклятые Земли

Амариллис проснулась. На этот раз сон покинул ее решительно и бесповоротно; это удивило ее — все предыдущие короткие пробуждения заканчивались возвращением неодолимой дремоты. Не найдя в себе желания вернуться в сон, бездумный и беспробудный, она вздохнула и открыла глаза.

Как и полагается после долгой недвижности, тело ослабело и с трудом понимало ее приказы, тоже, впрочем, не особо внятные. Решив поднять руку, чтобы протереть глаза, Амариллис обнаружила, что может только пошевелить пальцами. Немного полежав, она чуть приподняла голову и огляделась. Оказалось, что она лежит на широкой кровати, со всех сторон окруженная занавесью из тонких темно-зеленых лиан, усыпанных мелкими белыми и темно-красными цветами, ниспадавших откуда-то сверху, наверное, с потолка. То, что поначалу показалось девушке легким покрывалом, закрывающим ее обнаженное тело до шеи, тоже оказалось чем-то живым. Это были такие же лианы, обвивавшие ее осторожно, но цепко; некоторые — с белыми цветами — еле держались и, стоило Амариллис пошевелиться, как они соскальзывали с ее тела, а другие все еще тесно прижимались к ней. Девушка собралась с силами, приподняла руку, зацепила пальцем одну из таких веток и потянула на себя. Темно-красные цветы, уткнувшиеся раскрытыми венчиками в ее бедро, оторвались с тихим щелчком, оставив по себе едва заметные следы от тонких проколов, и только в одном месте выступила капелька крови.

— Не пугайся… и лежи спокойно. Не вскакивай вот так сразу.

Знакомый голос отвлек ее; поднявшееся было тяжелое, тошнотворное воспоминание о хихикающих пиявках Гиблого болота отпустило. Амариллис повернула голову — у ее изголовья, раздвинув живую занавесь, стоял тот самый юноша, что принес ее в это место. К счастью, в своем изначальном облике, иначе Амариллис снова стало бы не по себе.

— Лежи, лежи. Просыпайся потихоньку, а я тебе пока все объясню. Сын твой жив, здоров, растет быстро, как весенняя травка. Как только встанешь, сразу к нему и пойдем.

Гарм подошел к Амариллис и начал осторожно освобождать ее от лиан.

— Это, в общем-то, обычные кровохлебки, но для тебя они постарались. Ты, как только сюда попала, вдруг как-то сразу умирать собралась. Не удивительно — столько тягот и никакой помощи… удивительно, как ты вообще выжила. Но в мои планы

твоя скоропостижная кончина никак не входила. Я сам хоть и лишился матери в далеко не младенческом возрасте, но… — лианы тихо пощелкивали, скользили по телу Амариллис, будто поглаживали ее на прощание. — Да и Арчешу слово дал. Так что уговорил я эти цветочки погонять твою кровь, пока ты сама была не в силах даже это сделать.

Амариллис лежала молча, слушала, что говорит Гарм, смотрела, как он расплетает гибкие зеленые стебли, не так давно полные ее сонной кровью. Она сама удивилась, насколько мало взволновало ее чудесное спасение («У меня скоро войдет в привычку умирать… и в последний момент передумывать,» — подумала она).

— Ну вот, пожалуй и все. Попробуешь встать?

Амариллис, вспомнив, каким трудом дались ей самые легкие движения, собрала все силы и приподнялась на локтях. Ей казалось, что тело ее, непослушное и вялое, слеплено из мокрой ваты и толку от него никакого не будет.

— Ничего… не сердись так сразу. Два месяца сна кого хочешь в кашу превратят. Все вернется, Амариллис. Я помогу.

Гарм подошел, обнял девушку за плечи и усадил ее. Дав ей время отдышаться, он щелкнул пальцами; раздался негромкий топоток и Амариллис увидела, как сквозь зеленую занавесь проскользнул маленький человечек, напомнивший ей брауни, живших у Сыча. Ростом он был ей по пояс, одет в просторное белое платье, а на его выразительном личике причудливо соседствовали молодые блестящие глаза и глубокие морщины. За спиной у него дрожали прозрачные стрекозьи крылья. Поклонившись, он протянул Гарму сверток, в котором оказалось легкое короткое платье и шаровары до колен, — суртонский женский наряд, неизменно вызывавший уважение Амариллис за практичность. Гарм, ничуть не смущаясь, сам одел девушку.

— А сандалии зря принес, — сказал он человечку, — ей полезнее походить босиком. Быстрее ноги оживут. Знакомься, Ами, это Чиро, эллил. Жил здесь еще в прежние времена. Когда я был мальчишкой, мы дружили… и половина моих проделок была вдохновлена именно им. Потом… все изменилось. Но Чиро и тогда не пожелал покинуть этих мест…

— Только не строй иллюзий, Гарм, — ворчливо заметил человечек, — просто я привязался к дому. Только и всего.

— Кто бы сомневался, Чиро. Как там малышня?

— А что им сделается? Недавно проснулись, слопали все, что я приготовил… теперь резвятся вовсю. Когда я уходил, близнецы тролли затеяли строить мост через ручей, а Судри ползал наперегонки с саламандрами. Ох и шустрый у вас мальчик,

госпожа, — и эллин поклонился Амариллис, — но честный. Знает, что бегом он их легко перегонит, а они девчонки обидчивые, так не счел за обиду и поползать — так, мол, честнее будет.

Амариллис не сразу сообразила, но Гарм предупредил ее недоумение.

— Чиро не заговаривается. Видишь ли… Вот так, осторожнее…

Он помог девушке встать.

— Давай ты хоть пару шагов сама сделаешь, а дальше я тебя понесу. Я решил, что твоему малышу одному тоскливо будет. Его, конечно, каждый день приносили к тебе, чтобы знал, что ты его не бросила, просто никак выспаться не можешь, потому что очень устала. Но компания хоть какая-то ему нужна. Спасибо Чиро, он подсказал. Мы с ним пригласили всю окрестную малышню приходить сюда играть, отдали им почти весь сад и малый зал, он поуютнее будет.

Опираясь на руку Гарма, Амариллис сделала первый шаг — пошатываясь, еле держась на ногах; у нее кружилась голова и все тело дрожало, будто от непосильной работы.

— Тяжело? — сочувственно спросил эллил. — Гарм, может, не стоит ей так надрываться?

— Ничего… — еле слышно ответила сама девушка. — Я привыкла. В школе еще и не так гоняли.

Позволив ей самостоятельно дойти до середины комнаты, Гарм затем подхватил ее на руки.

— На сегодня хватит. Сейчас отнесу тебя к сыну, а потом отдыхать.

Пока он нес ее по коридору, где стены были выложены плитками из ракушечника, она спросила:

— Ты сказал, я спала два месяца. А он говорит, мой сын уже ходит… Как такое возможно?

— Здесь по-другому сплетается время. Я и так постарался его замедлить. Я все тебе объясню, Ами. Немного позже.

Из прохлады коридора они вышли на просторную террасу, на теплом полу которой сплетались в замысловатый узор тени от листвы вьющихся растений, оплетавших тонкие резные колонны и свешивавшихся с крыши. Пологие каменные ступени спускались в сад, мало похожий на королевство Арчеша Мираваля; здесь совершенно не чувствовалась рука садовника, растения росли так, как им вздумается, не считаясь ни с чьими прихотями. Зеленые лужайки, окруженные густыми зарослями жасмина, где можно найти уйму уютных потайных местечек, белые каменные вазы, давно заросшие вьюнами, будто вскипающие цветами, источник,

спокойно льющийся по плавно обточенным камням. И детские голоса, доносящиеся откуда-то неподалеку. Гарм только успел спуститься к траве, как ближайшие заросли огромных, запущенных пионов зашевелились и выпустили на свет сначала одного, а потом и другого малыша — серокожих, одетых в полотняные рубашонки, с большими руками и ногами. Увидев Чиро, они поклонились и хором сказали:

— Господин Чиро, нам нужна веревка. Чтобы над ручьем натянуть. И держаться за нее, когда переходишь. А то мостик скользкий очень получился. Его водой все время заливает. Потому что водяной вредничает.

Они говорили спокойно, с достоинством, а Амариллис во все глаза смотрела на них — она никогда не видела троллей, тем более маленьких, а эти двое были на редкость симпатичны — лупоглазые, большеротые, кряжистые.

— Будет вам веревка, — ответил эллил, — сейчас госпожу Амариллис отнесем на поляну, и я схожу в кладовую.

Тролли отвесили почтительный поклон и нырнули обратно в заросли.

— Исключительно воспитанные, даже для троллей. И толковые, — обратился Чиро к Амариллис, — вот водяной, тот озорник. И саламандры, если перегреются, тоже не подарок. Впрочем, ваш сын со всеми ладит, такой уж у него характер…

Гарм шагал по густой траве, и бессильно свисавшие ноги Амариллис задевали ветки кустарников. Наконец он спустился по тропинке меж апельсиновых деревьев, усыпанных одновременно и цветами, и ярко-оранжевыми плодами, и вышел на поляну, посреди которой росло огромное дерево с невероятно широкой кроной, дававшей желанную прохладу и тень. Возле ствола сидела старушка с волосами, похожими на свежесвязанный веник, а вокруг нее в траве копошился десяток детей. Один из них, светловолосый и остроухий, обернулся на зов эллила. И у Амариллис перехватило дыхание. Гарм сделал еще пару шагов, осторожно усадил ее на траву и отступил.

— Судри?.. Судри!.. — Амариллис протянула руки, только что дрожавшие и вдруг враз окрепшие. Мальчик серьезно посмотрел на нее, узнал… заулыбался и заспешил, путаясь в траве ногами. Не раздумывая, он прижался к Амариллис, уткнулся лицом в ее шею и засопел. Она обнимала его крепко-крепко, и еле дышала, боясь, что все это окажется сном. Судри чуть отстранился и посмотрел ей в глаза.

— Ма-ма…

Этого слова оказалось достаточно, чтобы Амариллис не выдержала и расплакалась. В ее голове не очень укладывалось,

что этот по виду годовалый мальчик — ее сын, что он уже ходит, говорит. И он узнал ее. И ей ни с кем не придется делить его.

— Мой сын. Мой… — она прижимала его к себе, гладила светлые легкие волосы, то отстраняла, чтобы получше рассмотреть тонкие черты лица, то снова принималась обнимать…

— Ну вот и славно. Теперь тебе будет гораздо легче договориться с нею. — И эллил кинул на Гарма быстрый взгляд. Бог стоял в тени апельсиновых деревьев и, не отрываясь, смотрел на Амариллис. Не дождавшись ответа на свое замечание, эллил помолчал и снова заговорил.

— Не зря старались. Хотя, признаться, я привык этой мелюзге. Да и мальчишка у нее хороший, никаких с ним хлопот не было. Ты уже решил, что будешь делать?

Гарм кивнул, не отрывая взгляда от Амариллис.

— Для начала — верну ей прежние силы. В таком состоянии она и с мухой не сладит. Пусть отдохнет, сыном своим нарадуется. Не будем ее торопить. Нам спешить некуда, верно?

Эллил усмехнулся.

— От кого я это слышу?!.. Да ты и трех минут ждать спокойно не можешь! Даже на месте спокойно не постоишь, всю траву окрест вытопчешь.

— Ничего, потерплю. Поспешил однажды… повторять не хочется. И вот что, Чиро. Ты уж проследи, когда меня дома не будет, чтобы Фолькет и близко к саду не подходил. Я ему приказал, но кто знает, где его терпение закончится. Не ровен час, она его увидит… или он ее.

— Да уж. И зачем вы только этакого взяли… мало вам окрестных тварей, так еще домашнюю завели.

— Чиро… я это тысячу раз от тебя слышал. Фолькет мне нужен. И довольно об этом.

— Ладно, ладно… — ворчливо согласился эллил. — А что мне с Амариллис делать прикажешь?

— Как что? Комната ее давно готова, просто перенеси туда постель Судри. Рассказывай побольше о ребенке, ей это будет интересно. Первые дни она будет постоянно засыпать, предупреди, чтобы не пугалась. Для начала пусть привыкнет ко всему. Подождем пока с объяснениями…

— Долго ждать не придется, — уверенно заметил Чиро, — она не из тех, кто терпит молча. Так что вы уж не удаляйтесь надолго.

— Как скажешь, мой друг… — и Гарм слегка наклонил голову.

Постояв еще с минуту, он неслышно отошел в сторону;

повернулся спиной к поляне, залитой теплым солнечным светом, укрытой спасительной прохладой тени, и двинулся напрямик через сад, минуя все его вольное великолепие. Зайдя в дом, он быстро прошел коридором, свернул и остановился у высоких ступеней лестницы, ведущей куда-то наверх. Гарм поднялся на несколько пролетов, легко, не замечая несоизмеримой крутизны ступеней; повинуясь его руке, отодвинулся тяжелый засов, держащий дверцу. Поднявшись, бог выпрямился и огляделся. Он стоял на плоской, похожей на шаммахитскую, крыше дома, впереди и внизу был сад, переливающийся разными оттенками зелени, прямо под ногами — серый истертый камень. Еле заметная невеселая улыбка тронула губы Гарма, и он позволили себе задержаться еще на минуту, прежде чем принять тот облик, в котором привыкли видеть его земли Арр-Мурра. Развернув тяжелые крылья, он взмыл в небо; преодолел незримую преграду, обозначившуюся заметным усилием его крыльев и еле слышным хлопком, вроде того, что издает распускающийся цветок.

С такой высоты была видна совсем другая картина. Везде, куда хватало взора, — пустыня… мертвые земли, руины, наполовину засыпанные песками, окаменевшие остовы гигантских деревьев. Вокруг этого великолепия — рваная ограда рыже-ржавых скал, похожая на лабиринт. За ними — та же пустыня, безрадостная череда каменистых и глинистых плато, редких стоящих особняком возвышенностей, бесконечных песчаных холмов, изредка оживляемая немыслимыми здесь одиноко растущими деревьями, больше похожими на грибы из-за высоченного ствола и единственного плоского листа. И над всем этим — совсем не то ласковое солнце, что согревало сад, оставшийся далеко внизу; над головой Гарма плавилось в безысходной ярости невыносимо белое светило.

…Плавно, неторопливо движутся тяжелые нетопырьи крылья, сминая раскаленный воздух, свиваются в причудливый узор серебряные и золотые змеи. Сознание того, что давно задуманное близко к исполнению, приятно даже богу. Посмотрим, устоят ли Восточные Врата теперь — теперь, когда у него есть и сила, и право воспользоваться ею. Сила, вот уже не одну сотню лет томящаяся в осколке первородного льда, названного кратко живущими алмазом темной крови. И право выпустить эту силу, не будучи разметанным ею по закоулкам мироздания, право указать и открыть ей путь. Тонкие черные губы улыбаются… осталось совсем немного. Уговорить ту, в чьих слабых руках волею слепого рока оказалось это право; просить ее о помощи, рассказать ей о тоске гибнущего мира, о незавидной участи жизни, задыхающейся в уютной клетке. Она поймет — Гарм уверен в этом, он видел, как

она танцует… Как там сказал Чиро? Не из тех, кто терпит молча…

Гарм опустился на край листа, венчающего одно из гигантских дерев, присел, зачерпнул узкой ладонью воды — она оказалась неожиданно холодной, прозрачной, пахнущей свежестью раннего утра. Но пить богу не хотелось, и он небрежно стряхнул влагу со своих пальцев вниз; капли испарились, не успев долететь до земли.

С того самого дня, как Гарм переступил порог разрушенного дома богов, прошло не одно столетие. Он знал, что то место, в котором он сам пожелал остаться, мало чем похоже на его былой дом; он надеялся найти останки, руины, разрушенное великолепие — но никак не то, что встретило его за порогом. И чтобы хоть как-то определить суть произошедшего здесь, Гарм представлял себе Дом богов прекрасным рисунком, смятым, скомканным безжалостной рукой. Все четкие, строгие линии оказались изломаны и искривлены, все пропорции были нарушены, цвета смазаны и перемешаны. Первое время Гарм пытался восстановить разрушенное — но почти все его попытки оказались тщетными. Само пространство отказывалось слушаться его, да и время выкидывало шутку за шуткой. И все же ему удалось отстроить для себя небольшое крыло и сохранить малую часть сада (именно там он нашел Чиро, чудом уцелевшего в момент катастрофы), хотя и пришлось постоянно тратить силы на поддержание ограды вокруг этого мирного места, ибо остальные обитатели Арр-Мурра не соглашались вот так просто оставить его в покое.

Гарм понимал, что причиной искажения Дома богов стало его краткое соприкосновение с иной реальностью, находящейся за порогом Врат. Когда Сурт открыл их, в Дом словно ворвался сквозняк — на несколько секунд, и только, но и этого хватило, чтобы изменить саму сущность того места, где он просвистел, до неузнаваемости. И молодой бог, решившись дать новое имя старому дому, обрек себя на зависимость от него. Если Фенри и стал Лимпэнг-Тангом, то он все же играл… пусть уже не одну сотню лет, но играл. А Гарм действительно менялся.

Гарму пришлось привыкать к тому, что место океанских волн заняли бескрайние пески, что повылезавшие из уголков и закоулков смятого рисунка твари оказались крайне надоедливы и не всегда дружелюбны. Но самым тяжелым оказалось для него привыкать к одиночеству. Он скучал по брату, по матери, даже по дяде; но более всего — по отцу. Гарму не хватало его неизменной поддержки, понимания и ласковой иронии. Но шло время… и он привык быть один и ни в ком более не нуждался. Все свои силы,

знание и любовь Гарм отдавал Арр-Мурра. Земли с сохранившимися руинами и его личным оазисом бог окружил лабиринтом, рисунок которого ежечасно менялся, скалы, образующие его, двигались бесшумно и быстро, расчерчивая песок красивым узором теней. А за пределами скальной границы на многие мили тянулась пустыня, разукрашенная гармовыми художествами, ибо нет ничего хуже, чем бог, томящийся от скуки.

То ли в шутку, то ли всерьез Гарм создавал одну за другой ловушки, как будто было кому посягать на тайны его земли. Первой его удачей были зеркальные такыры — огромные площадки сухой глинистой земли, чуть вогнутые к центру; если кому случалось попасть в центр такыра, он чувствовал себя стоящим на дне гигантской тарелки. В Арр-Мурра глина была до такой степени отполирована ветром, что отражала почти как зеркало, и отражение разбивалось на десятки правильных четырехгранных кусочков в черно-красных глазированных черепках такыра. И там, где проходил излом черепка, на теле отражающегося появлялся порез, тонкий, глубокий, сочащийся горячей кровью. Так что, если учесть размеры «битых тарелок», как их небрежно называл сам Гарм, то добрести от края до края и не истечь кровью было делом затруднительным. Следующей причудой бога стали деревья. Само по себе решение вырастить новый, доселе невиданный вид деревьев именно в пустыне было достойно уважения. Причем Гарм не хотел просто увеличивать или увечить привычные этим местам колючие кустарники и ползучие травы, больше похожие на ременные плети-девятихвостки. Он приложил немало стараний, несколько творений пришлось уничтожать в спешном порядке, но результат оказался достоин всех ожиданий. Посреди выжженных солнцем песков поднялись тонкие, упругие стволы, увенчанные единственным плоским листом, желто-зеленого цвета, заимствованного у болотных трав. Они росли очень быстро и за пару десятков лет вымахали почти на двадцать метров. В углублении толстого, гладкого листа вопреки всем законам и правилам всегда была вода — прохладная, свежая; как она не испарялась в мгновение под сумасшедшим пустынным солнцем — один Гарм знал о том. Однако добыть эту воду было делом нелегким; в тени от того же листа-водоноса жара и духота только усиливались, а ствол дерева был так гладок, что взобраться по нему потребовало бы огромных усилий.

Гарм создавал и другие достопримечательности; нередко он снисходил до того, чтобы пообщаться с теми созданиями, что оказались заброшены в его земли из неведомых пределов в момент неудачного открытия Восточных Врат. Любимцами бога

стали вьюнцы. В Арр-Мурра частыми были грозы; они приходили в эту землю или сами по себе, но чаще — в ответ на очередные магические упражнения Гарма, как грохочущий и сверкающий рикошет. Раскаты грома силились разорвать в клочья непроглядно черную ткань неба, ветер вздымал в воздух песчаные смерчи, сталкивал их со столбами ледяной воды, низвергающейся из тяжелых туч, завывал на разные голоса… А за несколько минут до начала этого великолепия в Арр-Мурра принимались играть молнии. Они десятками падали с черного неба на темно-красную, мертвую землю, зависали на несколько секунд дрожащими белыми сполохами — и в это время появлялись вьюнцы. Для этих созданий не было наслаждения выше, чем обвиться всем своим гибким змеиным телом вокруг выросшего на мгновения стебля молнии и замереть так, умирая и воскресая одновременно. Они метались по пустыне, стараясь поймать падающую молнию, выписывая фигуры диковинного танца. Зачем, почему — Гарма такие мелочи не интересовали, его радовали быстрота и гибкость неведомых тварей, их бездумное наслаждение смертельной опасностью.

Иногда, в моменты снисходительного благодушия, сын Сурта забавлялся, придумывая диковинки для оазисов Арр-Мурра; однажды, решив порадовать Чиро, он вырастил для эллила зирэ. Но все это было лишь отдыхом, отвлечением от единственно важного для Гарма дела — открытия Врат. Для начала он потратил немало сил, чтобы найти их в той сумятице обломков, уцелевших комнат, обрушившихся лестниц, зависших в воздухе галерей и жутких провалов, в которую превратился его дом. Не сразу, но ему удалось найти остатки башни, где на одной из уцелевших стен был едва заметен контур прежних Врат; они и прежде были крепко заперты, а уж сейчас… и стена, и дверь слились в каменный монолит.

Вспоминая свои первые попытки открыть Восточные Врата, Гарм усмехался и краснел, настолько жалкими и безграмотными они ему теперь казались. Первые сотни лет он все еще надеялся на собственные силы и почти истязал себя, только что головой в камень не бился. Потом ему пришлось смириться с тем, что придется искать помощи. К брату Гарм не обращался, знал, что Лимпэнг-Танг вряд ли заинтересуется Вратами. Аш-Шудах… в нем Гарм нашел скорее противника, чем союзника; им довелось столкнуться в открытом противостоянии, и, поскольку Гарм был далеко от Арр-Мурра, ему пришлось отступить. Но однажды он вспомнил, что отец его не надеялся только на свои силы, вспомнил об осколке первородного льда, хранящем невиданную мощь, — и решил отыскать его любой ценой. Отыскать алмаз

темной крови оказалось куда легче, чем заполучить его. И только случайная оплошность последней в роду Эркина, добровольно отдавшей камень сумасшедшему цвергу, помогла богу добиться своего.

В последние пятьдесят лет у Гарма появилась еще одна причина желать открытия Врат. По видимому, замкнутость Обитаемого Мира, его непроницаемость привела к тому, что сам воздух стал застаиваться и загнивать. Все чаще и чаще в искаженных, изломанных закоулках Арр-Мурра зарождались облака ядовитых испарений, сливающиеся в плотные тяжелые тучи. Гарм не мог допустить, чтобы они скапливались в одном месте, и был вынужден гнать их прочь, в сторону населенных земель. Когда ядовитый воздух покидал пределы Арр-Мурра, Гарм терял возможность повелевать им, и тогда ветер нес тучи, куда вздумается. Иногда это был северный ветер…

Солнце успело излить на землю сегодняшнюю долю ярости и на Арр-Мурра опустилась ночь, принеся с собой мертвящий холод. Купол над оазисом Гарма уплотнился и засиял неярким зеленоватым светом, будто предупреждая нежданных гостей, что так просто им внутрь не войти. Взошла луна; здесь она была еще более далека, чем в других местах Обитаемого Мира, и казалась похожей на одинокую жемчужину, закатившуюся на дно старого сундука. Приветствуя ее появление, ночные жители проклятых земель один из другим выходили из своих дневных убежищ и подавали голоса — и от самого приятного из них кровь стыла в жилах. На западной окраине ночная темнота сгустилась до предела, стала почти осязаемой — как всегда перед началом грозы, и уже кое-где там мелькали гибкие фосфоресцирующие силуэты вьюнцов. Откуда-то из-за окраины такыра раздался истошный нечеловеческий визг, — это вышел на охоту кровяной червь и кое-кто из приветствовавших полную луну поспешил убраться куда подальше. Первый удар грома прокатился по земле, стукаясь о стволы деревьев и скалы; первая молния, вспыхнув, упала в застывшие от холода пески, заставляя вьюнцов приплясывать от нетерпения.

Гарм, сидевший неподвижно несколько часов, будто статуя на храмовом фронтоне, потянулся и плеснул себе в лицо пригоршню холодной воды. Улыбаясь, он расправил крылья, собираясь полетать наперегонки с вьюнцами. Их стремительные движения завораживали бога. Неслышно сорвался он с края исполинского листа, и крылатая тень поплыла над проклятыми землями. Гарм поднялся повыше, так, чтобы увидеть свои владения во всем их великолепии, вдохнуть ледяной воздух ночной пустыни. Опрокинутая в небо чаша полной луны обливала его потоками

жемчужного света, в котором нежились золотые и серебряные змеи, щекочущие изнутри его кожу. Черно-синее небо, пески и скалы, неуловимые движения неведомых тварей, невыносимая жара и невозмутимый холод… Гарм любил Арр-Мурра.

* * *

— Как быстро здесь темнеет… — Амариллис укутала уснувшего сына и повернулась к Чиро, весь день не отходившего от нее. Эллил следил, чтобы она не переутомлялась, помогал, чем только мог. Он познакомил девушку со старой мшанкой, следившей за детьми; старушка была достаточно строгой, чтобы малышня ее слушалась, но при этом достаточно доброй, чтобы не вгонять их в тоску. Конечно, Чиро был у них высшим авторитетом, но крики: «Матушка мшанка, больно коленку!» или «Матушка мшанка, саламандры кусаются!» раздавались с завидной частотой.

Амариллис весь остаток дня просидела на поляне, не отрывая глаз от сына. Вместе с ним она потихоньку добрела до ручья, где с удовольствием умылась, потом с еще большим удовольствием поела — вместе с детьми, которые были готовы есть целый день, о чем ворчливо сообщил Чиро. Играть у нее сил пока что не было, и она уселась на траву, прислонилась к теплому стволу, и смотрела, смотрела… Ближе к вечеру, когда солнце покинуло сад и стало прохладно, эллил и мшанка отвели детей в дом, в небольшую уютную залу, где пол был устлан мягкими коврами, повсюду валялись подушки, а по углам стояли короба с игрушками и сластями. Чиро под ликующие вопли детей достал с полки огромную книгу, уселся в невысокое кресло и принялся читать сказки; дети сидели вокруг него не дыша, ибо читал эллил мастерски, да и актером был неплохим. А когда за окнами совсем потемнело, малышню уложили спать; уставшие от долгого дня, игр и беготни, дети безропотно разбрелись по своим кроватям. Чиро проводил Амариллис в тихую комнату, расположенную рядом с детской, обставленную спокойно и разумно — небольшой стол, рядом кресло, скамья-ларь у окна, выходящего в сад, и две кровати — одна для Амариллис, другая, маленькая, стоящая у изголовья первой — для Судри.

Эллил помог Амариллис уложить сына и сел у окна, подождать, пока она сама соберется отдыхать.

— Здесь всегда так, госпожа. Не успеешь оглянуться — уже и ночь настала. Вам пора отдыхать. Завтра будет новый день… успеете на своего Судри наглядеться.

— Я знаю… — Амариллис покачала головой. — Вернее, надеюсь.

И вправду утомившаяся девушка все еще неверными ногами шагнула к своей кровати. Усталость навалилась на нее, положила на плечи мягкие тяжелые лапы, норовя опрокинуть в подушки. Амариллис разделась, натянула на голову ночную рубаху, заботливо разложенную поверх покрывала.

— Чиро, ты мне расскажешь как он рос? Я все еще не могу поверить… уснуть, держа на руках младенца одного дня от роду, а проснуться и застать такого взрослого…

— Конечно, расскажу. Завтра. А сейчас отдыхайте… иначе я нас вас матушке мшанке нажалуюсь.

Амариллис сонно улыбнулась и в который раз приподнялась на локте, чтобы взглянуть на спокойно спящего сына. Она рассматривала его лицо, такое серьезное и безмятежное, взгляд ее скользил по прядям светлых волос, падающих на острое ушко, перебирал полукружие темно-пепельных ресниц, бросающих легкую тень на загорелую щеку… и, сама того не замечая, она дышала в такт его сонному дыханию, мерно вздымающему одеяльце. Насмешливый рот наблюдавшего за ней эллила смягчился; ни за что на свете он не признался бы в том, что привязался к Судри больше, чем ко всем остальным детям, и в том, что одновременно и ждал, и боялся этого дня. Чиро опасался, что Амариллис окажется неготовой к материнству, испугается, а то и не признает сына. Страх отпустил его, едва он увидел как эти двое обнимаются, как отражаются друг в друге их лица; эллила поразило, как час назад совершенно безвольные пальцы смогли крепко и ласково держать детскую ладонь.

Наконец Амариллис снова опустила голову на подушку и закрыла глаза; уже сквозь сон она спросила:

— Совсем забыла… Чиро, где мы? Что это за место? — и, не дожидаясь ответа, через мгновение уже спала.

Эллил спрыгнул с сундука и пошел к дверям. Уже на пороге он оглянулся и тихо сказал:

— Это Арр-Мурра, госпожа. Здесь вы в безопасности.

И вышел, тихо прикрыв за собой дверь.

Песнь Открывающих Врата

Открывай глаза. И не бойся увидеть Тьму.
У нее в короне — расплав предрассветного олова.
Просыпайся, мною избранный, ведомый мне одному.
Улыбнись. И скажи свое первое слово.

…Ночь уже перевалила за половину. Еще немного подождать, и начнет светать. Что? Нет, я не оставлю тебя здесь одну. Не бойся. Как бы рассказать тебе о Ритуалах, чтобы ты не уснула? Вот ведь…

Бенетнаш любил здесь отдыхать. Он открыл это место не так давно, но успел оценить его по достоинству. Невероятных размеров мир, тяжелый и спокойный, как родная стихия этого Дракона. Здесь не было никого из тех, о ком всегда заботился его брат Мицар, ни единой живой души. Один только камень. Каменные равнины, горы и пропасти, каменные реки и водопады, каменные леса… В этом мире, окрашенном в графитово-серые тона, можно было увидеть вереницы причудливых изваяний, созданных временем и ветрами, ни на что не похожих и удивительно красивых. Здесь необозримые равнины, усеянные блестящими мелкими обсидиановыми осколками, были похожи на расстеленный мех, играющий на солнце. Плоскогорья, подобные гигантским лестницам, прорезали узкие извилистые ущелья, в которых ветер то насвистывал залихватские мелодии, то принимался гудеть торжественно и гулко, как орган. Высокие арки, устремляющиеся в черно-зеленое небо, выстраивались в длинные ряды, в уводящие неизвестно куда аллеи… Освещали все это молчащее великолепие два бледных серебряных светила, будто два немигающих глаза, лишенных всякого выражения, бесстрастные и невозмутимые.

… Что? Ну, это место изначально не для подобных тебе; впрочем, если бы ты была камнем, тебе бы там понравилось.

Бенетнаш всегда приходил сюда после ритуала — неважно, Открытия ли, или же Запечатывания. Приходил, чтобы побыть в молчаливом достоинстве родной стихии, поразмыслить о том, что ожидает тот мир, которому они оказали честь своим прикосновением. Он сжимал свое бестелесное тело до безопасного для каменного мира размера и усаживался на вершине одной из плоских гор, похожих на спилы каменных деревьев, или вытягивался на дне гигантского каньона, или как сейчас — ложился на поверхность каменной реки и позволял ей

нести себя, лениво покачиваясь на неспешно текущих округлых валунах.

А ведь не так давно он, такой спокойный сейчас, носился в легком воздухе Междумирья подобно раскаленному кристаллу горного хрусталя, выписывая ритуальные петли…

От начала времен мир, в который строились Врата, выбирал один из Драконов. Он наблюдал за ним, иногда не одно столетие, потом созывал своих собратьев и просил их помощи. Редко когда Драконы отказывали собрату, однако если такое случалось, тот никогда не держал обиды. Чаще всего Врата строили Зеленые Драконы, реже всего — Черные; к слову сказать, ваш мир избрал именно Черный. Если вся восьмерка соглашалась с тем, что избранный мир достоин быть открытым Мирозданию, проводился ритуал, о котором можно сказать очень немногое, да и то — с изрядной долей неуверенности в убогих человеческих словах. Начинал его выбравший — он двигался по одному ему понятному рисунку, оставляя за собой мерцающий шлейф. Вслед за ним начинали движение и другие Истинные Драконы; один за другим вступали они в это подобие танца с неимоверно сложными фигурами, разучивать которые приходилось сразу же во время премьеры. В финале они двигались один за другим, будто живая цепь, не имеющая ни начала, ни конца, где золото плавилось в ледяном пламени, а черные тени прорастали молодой травой. Восемь становились Одним — и в этот миг они обращались стрелой, летящей в самое сердце закрытого мира, проходили сквозь все тысячелетние наслоения отражений, пронзали их — так тонкая стальная игла прокалывает шелк. Одного этого мгновенного удара-укола было достаточно. Танец Драконов замедлялся, один за другим они покидали его; последним всегда уходил Черный.

…Бенетнаш перевернулся, погрузился в неспешный каменный поток, но даже такое движение казалось ему излишним. Дракон вынырнул и поднялся в воздух. Несколько минут полета — и он опустился на ровную площадку высоко в горах, откуда ему была видно бескрайняя равнина, монотонность которой прерывали редкие группы черных ониксовых изваяний, похожих на замерзшие водоросли, извилистые и тонкие. Дракон сел, сложил крылья, положил голову на прохладный камень и прикрыл глаза. Если бы кто-то сподобился увидеть его со стороны, то вряд ли отличил от таких же серых, бугрящихся выступами валунов, громоздящихся над пропастями.

И все же ритуал Открытия приносил им немалую радость, всем, даже невозмутимому Белому и ему, неподатливому и недоверчивому Серому. Чего никак нельзя сказать о ритуале

Запечатывания.

Бенетнаш помнил, что когда его настиг тот самый призыв, он облетал окраинные миры. Этот зов не терпел отказа или промедления, повинуясь ему, Дракон изо всех сил устремлялся туда, где рвалась ткань Мироздания. Такое случалось, если в открытом Драконами мире принимал последнюю смерть бесцветный Мастер. Тогда то, что было материей, и светом, и огнем, и движением — все обращалось в темноту, пустоту и бессмысленность; мир будто выворачивался наизнанку и втягивал в себя все, до чего мог дотянуться. Если бы не Запечатывание, со временем такие ненасытные черные омуты (Бенетнаш, со слов одного из Мастеров, называл их прорвами) могли бы поглотить большую часть Мироздания.

А тогда дела обстояли хуже некуда — два открытых живых мира были расположены так близко, что боги одного могли запросто заглянуть в окна соседских божеств. И в одном из них Бесцветный сомкнул веки и не пожелал более новых пробуждений.

Никогда еще Драконы не проводили ритуал Запечатывания так отчаянно и поспешно — никому из них не хотелось быть свидетелями того, как пустота поглотит соседний мир, совсем еще молодой. Бенетнаш вспоминал, как метались в пространстве Золотой и Серебряный — так быстро, что шлейфы их переплелись подобием сетки, как сам он выстраивал на пути пустоты бастионы из осколков звезд, как обессилел и рухнул в глубины Междумирья Зеленый… Они успели спасти живой мир, остановили грозящую поглотить его бездну — но она успела подойти слишком близко. Черный Дракон, Адхара, высказал опасение, что в недобрый час богам пограничного мира может припасть охота заглянуть за возведенную Драконами стену. И когда это действительно случилось, он даже не удивился. Но все попытки богов оказывались безуспешными, пока не произошло нечто, чего не мог предвидеть никто.

Рождение новой звезды всегда сопровождается немалым потрясением Мироздания; но эта новорожденная своими содроганиями создала вибрацию такой силы и тональности, что стена, оберегавшая Обитаемый мир от поглощения, стала рушиться как песчаный замок во время прилива. Бенетнаш, разгонявший легкий воздух на окраине Мироздания, услышал не призыв — вопль Зеленого. Мицар звал собратьев, в голосе его были страдание и гнев. Серый спешил как мог, но прибыл последним, и его слово вопреки всем законам и обычаям, мешалось со словами Черного. Они нарушили тогда все, что могли — ритуал Запечатывания оказался похож на мелодию,

сыгранную задом наперед, на дом, который начали строить с крыши. Но все же они успели, успели спасти хоть малую часть Обитаемого мира, драгоценного для них, как и все миры, наполненные жизнью.

… Вот так вы и оказались в западне. Здешние боги попытались однажды разрушить защищающие ваш мир стены, но не преуспели в этом. Спрашиваешь, откуда я об этом знаю? Ну, можно сказать, от близких друзей. Девочка, откуда столько недоверия в одном движении бровей? И после всего, что я для тебя сделал, ты еще смеешь мне не доверять?! В наказание я изгоняю тебя с моих коленей обратно на холодную крышу. Ничего-ничего, ты достаточно согрелась и вполне потерпишь до утра. В другой раз будешь повежливее.

Глава третья. Проклятые Земли (продолжение)

Амариллис жила в Арр-Мурра вот уже около месяца. Первые дни она, как и предупреждал Гарм, почти все время спала; приходила, еле волоча ноги, на поляну, где играли дети, садилась рядом с мшанкой, и уже через полчаса тихо посапывала, уткнувшись носом в вышитую на шаммахитский манер подушку. Сны ее были легкими и пустыми, как рассохшиеся деревянные бадейки; иногда они оставляли по себе ощущение неявной тревоги, которая проходила, стоило Амариллис протереть глаза и увидеть бегающего неподалеку сына. Просыпалась она ближе к полудню, обедала и снова засыпала, рядом с детьми. После этого сна ей все же удавалось несколько часов пободрствовать, поиграть с Судри, поговорить с эллилом, немного походить по саду. А потом приходил вечер, ночь обрушивала на Проклятые Земли свой холодный черный занавес, и Амариллис вновь засыпала. Когда закончилась первая неделя такого времяпрепровождения, девушка спросила Чиро:

— Это что же, я так и буду чуть что, носом в подушку валиться? Сколько можно спать?

— Что, уже надоело? Я разумею, отдыхать надоело? — Чиро усмехнулся. — Я так и думал. Не переживай так, скоро отоспишься и все станет как прежде.

— Ну хорошо. А как насчет моих ног? Я до сих пор будто на медузьих щупальцах передвигаюсь. — И танцовщица недовольно оглядела свои ноги, словно нечто купленное впопыхах и оказавшееся не впору.

— А вот тут ничем помочь не могу. Это скорее по твоей части. Вспоминай выучку прежних лет, Амариллис. А еще лучше — бегай с ними… — и эллил кивнул в сторону детей, — играй, пробуй повторять все их движения. Ручаюсь, что через полчаса ты с ног будешь валиться, но это тебе только на пользу пойдет.

Амариллис посмотрела на поляну — там, в густой зеленой траве, под мягким послеполуденным солнцем, вертелись, возились, смеялись дети. Ее взгляд отметил плавные извивы саламандр, резкую и трогательную неуклюжесть троллей, прихотливые дорожки шагов двух маленьких цветочных фей… и уверенные, легкие движения ее сына. Она подумала немного и шагнула вперед.

Первая же ее попытка станцевать вместе с феями закончилась плачевно; мало того, что тело ее не слушалось и все время

норовило упасть, так еще и девчонки оказались весьма насмешливы и так пронзительно хихикали над неловкостью бывшей танцовщицы, что она засмущалась и отошла в сторону.

— Сбегаешь?.. — эллил протянул кувшин с прохладной водой и, потянув ее за подол платья, усадил на разбросанные под деревом подушки, избегая при этом смотреть ей в глаза.

— Изучаю противника. — Ничуть не смутилась Амариллис.

Усевшись, она глотнула воды, вытерла ладонью пот со лба. Когда к ней подбежал сын, она уже успела отдышаться и поэтому с охотой встала и последовала за ним, играть в жмурки. Дети очень быстро смекнули, что на их счастье появился еще один взрослый, кроме Чиро, готовый разделять с ними игры, и вскоре вовсю этим пользовались. Теперь стоило Амариллис появиться на поляне, как к ней уже бежали, дергали ее за платье, взбирались к ней на руки, наступали ей на ноги — ничуть не заботясь о том, что сил у нее пока что маловато.

— Это хуже школы Нимы! — как-то пожаловалась она эллилу, спрятавшись от детей в кустах жасмина. — Эти разбойники меня на кусочки разорвут. Или загоняют насмерть. Ты это видел? Подавай феям хоровод в две сотни кругов с выкрутасами, и все тут. У меня после первого десятка в глазах помутилось, а они знай притоптывают!.. И это после того, как я изображала голодного аиста, а они лягушек…

— Особенно хороша лягушка из водяного, — заметил Чиро, — он так мелодично квакал…

— Да, и за ноги меня он щипал сильнее всех! Не лягушка, а крокодил!

— Ну… три недели назад ты еле ходила. — Философски заметил эллил. — А сейчас смотри, уже и хороводы водишь. Признаться, я от тебя такой прыти не ожидал.

— Да? А чего ожидал? Что я буду под деревом сидеть и плакать?

— Это вряд ли… — засмеялся эллил. — Ты слишком любишь жизнь, чтобы тратить ее на жалобы.

В этот момент со стороны поляны донесся дружный детский вопль: «Амариллис!!! Мы идем искать!». Девушка вздрогнула — похоже, без ее ведома там началась новая игра и если она не удерет в ближайшие десять секунд, выкрутасов ей не миновать. Эллил сочувственно хмыкнул и сказал:

— Понимаю… Дух перевести не дают. Ладно, пойдем, я тебя спрячу… отдохнешь немного.

Амариллис покачала отрицательно головой. Чиро глянул ей в глаза:

— Неужто все о сыне беспокоишься? Ты кому-то здесь не

доверяешь?

— Нет, Чиро, — быстро ответила Амариллис, — всем доверяю. Просто мне страшно оставлять его одного. Знаю, что спала два месяца кряду, а с ним ничего плохого не случилось… кроме того, что за это время он чересчур быстро вырос. От отдыха не откажусь. Но только вместе с Судри.

— Он уже бывал там… — эллил встал, отряхнул с одежды приставшие травинки. — Думаю, тебе тоже понравится. Пойдем, я сначала отведу тебя, потом его. Годится?

— Вполне. — После недолгого раздумья ответила девушка.

Быстро и тихо они прошли по саду, миновали влажные зелено-пестрые заросли, спустились по каменному руслу ручья, и в конце небольшого овражка, поросшего бузиной, Амариллис увидела полуразрушенную мраморную беседку. Уцелевшие колонны были тонкими и стройными, от купола, к сожалению, остались лишь крупные обломки, белевшие из зарослей кислицы, но зато сохранились ступени и одна из скамей, на подлокотниках при желании можно было даже разглядеть следы искусной резьбы, похожей на морозный узор. Вслед за эллилом девушка поднялась по трем пологим ступеням, и, повинуясь приглашающему жесту, села.

— Помнишь, я говорил тебе, что, Арр-Мурра непростое место. Мало того, что мы окружены пустыней и само наше существование посреди песков уже чудо. Здесь есть места, похожие на потайные комнаты в старом замке. Думаешь, что перед тобой глухая стена, а за ней, оказывается, спрятана целая зала. Причем битком набитая сокровищами. Надо только знать, где вход… — Чиро широко улыбнулся, поклонился и повел рукой. — Один из них — прямо за твоей спиной. Замри!

Амариллис с трудом удержалась от желания повернуться и самой все увидеть.

— Погоди. Запомни, Амариллис, это место священно для меня. Здесь когда-то обитала моя семья. А теперь милости прошу.

Девушка медленно обернулась.

За ее спиной был лес. И старый замок. И что было чем — трудно сказать. Под ногами росла трава, зеленая, густая, нехоженая, и прямо из травы ввысь устремлялись колонны, смыкавшиеся в стрельчатые арки, уходящие сумрачными рядами вдаль. Серый камень порос мхом, а из травяного ковра прорастали широкие каменные плиты. Рядом со статуей, изображавшей высокого мужчину с чашей в руках, буйно разрослись папоротники; деревья не пытались соревноваться с колоннами в росте, прятались в их тихой тени или выбирались на свободное место, коего было предостаточно. Здешний камень,

казалось, дышал, а зелень была умиротворенной и тихой. Садящееся солнце окрасило арки и сохранившиеся стены в пепельно-розовый цвет, в тон рассыпанным возле каменной плиты, прямо у самых ног Амариллис, ягод, похожих на бусы. Или крупных бус, подобных спелым ягодам. Здесь царила легкая тишина, подобная неслышному спокойному дыханию.

— Ох, Чиро… какая красота… — выдохнула Амариллис.

— Рад, что тебе понравилось. — Эллил спрыгнул с камня в траву и тут же, словно только его и ждали, из-за колонн вылетело несколько поразительно похожих на него существ — у них были такие же прозрачные стрекозьи крылья. Двое женщин и мужчина, такие же пепельноволосые и зеленоглазые, с телами, млечно просвечивающими как утренний ледок. Не успел Чиро с ними поздороваться, как Амариллис вздрогнула от знакомого голоса, прилетевшего из прохладной глубины леса-замка.

— Мама! Мам!.. — И вскоре из серо-зеленой полутьмы выбежал мальчик; судя по всему, он чувствовал себя здесь как дома. Он ловко вскарабкался на основательно вросший в землю камень, спрыгнул, потом обежал все встретившиеся на пути колонны, поднырнул под водопад ивовых ветвей, перепрыгнул через моховую кочку — словом, развлекался как мог. Подбежав к матери, он обхватил ее колени, задрал вверх голову и ничуть не запыхавшимся голосом сообщил:

— Здесь дом Чиро. Мне нравится. — И радостно улыбнулся.

— Мне тоже. — Амариллис крепко обняла сына.

Потом она взяла его за руку и не торопясь пошла по траве, с удовольствием принимая босыми ступнями щекочущую прохладу. Не далее как вчера она говорила эллилу, что быстрое взросление Судри иногда пугает ее. Никто не смог бы попрекнуть девушку невниманием, паче того — нелюбовью к ребенку; она даже дышала в такт с ним. «Понимаешь, Чиро, — говорила Амариллис, — я попросту не успеваю за ним. Вчера он начал выговаривать по нескольку связных слов кряду — и это в неполных четыре месяца! Я собиралась менять ему пеленки, как делала это дочке Веноны, а вместо этого бегаю с ним наперегонки. Думала, буду трясти погремушкой, а с ним уже можно разговаривать… Что дальше? Попросить у тебя азбуку?!».

Она сильно изменилась. Стала одновременно мягче — и решительнее, взгляд ее посерьезнел — и погрустнел. Амариллис запретила себе даже думать о том, что оставила за пределами этих земель; она понимала, что помощи ей ждать неоткуда, да и сбежать вряд ли получится. Она сказала себе: «Все уже свершилось» — и поблагодарила за возможность жить дальше. Танцовщица проделала это очень старательно — и не один раз,

спасаясь от неизбежного страха перед неизвестностью и одиночеством. Нередко, сидя на прогретой траве, вдыхая спелые, радостные запахи летнего полудня и глядя на играющих детей саламандр, троллей, фей она вспоминала минувшие дни — большие города, заполненные людьми, площади и залы, где яблоку упасть негде от зрителей, уставившихся на нее во все глаза, важных господ и простолюдинов, успехи и утраты. Нельзя сказать, что прежняя ее жизнь была размеренной и спокойной; мир не раз ставил ей подножки как раз тогда, когда она собиралась протанцевать особенно красивую фигуру, — и не раз подавал руку в тот момент, когда она совсем уже собиралась падать с намерением не подниматься больше никогда. Но все, происходившее с Амариллис в пределах Обитаемого Мира — будь то чудесное спасение в наводнении, обретение друзей, встреча с Хэлдаром, — все оставалось понятным… Даже подлость Миравалей была обычной людской подлостью, в желании Сириана заполучить наследника и избавиться от неуместной невестки не было ничего сверхъестественного. Амариллис вспоминала свою жизнь и понимала, что это была ее история — это она родилась и росла балованной дочерью и любимой сестрой, это она плакала от боли после уроков и торжествующе смеялась после первого выступления в школе Нимы, это она была одной из Детей Лимпэнг-Танга и ее появление на сцене заставляло замирать даже королей. Причудливый, яркий узор… Амариллис сама сочиняла его канву, сама подбирала нити, сама вышивала свою жизнь.

Все изменилось в тот миг, когда она увидела, как расцвели на груди Совы кровавые цветы. Мир Амариллис разбился, как блюдце о каменный пол, бесповоротно, вдребезги. Нити ее вышивки спутались и порвались, и ей было отказано в праве самой рисовать узор. Из вышивальщицы она стала иголкой, которую чьи-то уверенные пальцы направляют туда, куда ведомо только им. Все, что происходило с ней после того страшного июльского дня, происходило слишком быстро, тот, кто вел ее, не давал опомниться, не позволял отдышаться и оглядеться. Когда Амариллис задумывалась об этом, ей становилось очень страшно — она не понимала, в какую историю попала, не могла сложить рассыпавшийся мир, не чувствовала земли под ногами. Если бы не Судри, ей вряд ли удалось бы сохранить душевное равновесие; но мальчик возвращал ее к реальности, заставлял верить в то, что она еще жива.

Амариллис и Судри подошли к Чиро и его сородичам; оказалось, мальчик был здесь частым гостем, эллилы тут же принялись ласково тормошить его, ерошить волосы, украшать их

побегами повилики. Одна из сестер Чиро предложила ему нарвать вишен и они убежали; оставшиеся сели в траву у подножия массивной колонны, украшенной глубокой резьбой.

— Друг мой, — обратилась танцовщица к эллилу, — скажи-ка мне, как удалось моему шустрому сыночку оказаться в твоем доме раньше нас? Что-то я в толк не возьму…

Эллил смущенно развел руками.

— Не знаю, госпожа. На этот счет мне Гарм ничего не говорил и не предупреждал. Про то, что быстро расти будет, — сказал, и не раз. А это… Я и сам не сразу понял, что Судри никакие ворота не нужны — ни тайные, ни явные. Первый раз я привел его сюда как и тебя, тем же путем. А потом, когда пригласил его снова, он только кивнул, убежал куда-то в сад, и я нашел его уже здесь. Похоже, если он хочет куда-то попасть, то находит самую короткую дорогу — причем ведомую только ему. Такой вот талант. А главное, мне ни разу не удавалось за ним уследить.

— Он как лучик света — иногда звонкий, солнечный… иногда задумчивый, лунный… — подал голос второй эллил. — Проникает везде. И ничего не боится. Скажи нам, госпожа, кто его отец?

— Эльф. — Коротко ответила Амариллис. — Эльф Воздуха, глава клана Цветущих Сумерек.

Эллил уважительно склонил голову.

— Вы очень отважны, госпожа. Наши старшие собратья никогда не отличались мягкосердечием к кратко живущим.

— Он особенный. Да и я… — не договорила Амариллис. — И очень тебя прошу, прекрати называть меня госпожой.

— И все же даже во времена прежнего могущества альвы не обладали таким даром — подчинять себе пространство, скручивать его как ивовую ветку. — Чиро покачал головой.

Они пробыли в лесном замке достаточно долго, и лишь когда Судри, прикорнувший у матери на коленях, стал явно засыпать, Чиро повел своих гостей обратно.

— Прости, что не предлагаю ночлега — хотя мог бы. Но каждая проведенная здесь ночь будет привязывать вас к этому месту, вы будете приходить за здешними снами все чаще и чаще… пока не забудете дорогу назад. А когда перестанете тосковать по оставленной жизни, у вас отрастут крылья. И двумя эллилами в Арр-Мурра станет больше. — И уже у мраморных ступеней Чиро негромко сказал, обращаясь к Амариллис: — Клянусь, если бы ты не повторяла каждую ночь во сне одно и то же эльфье имя, я бы так и сделал.

Позже, вечером, когда Судри уже спал, а танцовщица и эллил

сидели у раскрытого в сад окна, Амариллис достала из небольшой шкатулки мешочек, расшитый лиственным орнаментом. Развязала его и осторожно пересыпала половину содержимого — легкого прозрачного порошка — в другой мешочек, вышитый ею собственноручно.

— Не обессудь, что не многим могу отдариться, — и она протянула мешочек эллилу. — Ты поделился со мною благодатью своего дома — я делюсь подарком друзей. Только поосторожнее с ним.

— Что это? — удивленно спросил Чиро, вертя в руках тщательно завязанный кисет.

— Это пишог. — Амариллис улыбнулась. — Лесовички из Одайнских боров одарили.

— Пишог? — изумленно переспросил эллил. — Ну и дела… Стало быть, они помнят. А мы этот секрет давно утратили. Благодарствую, Амариллис.

И Чиро спрятал подарок в небольшой кошель, висевший у него на поясе.

Спустя ровно месяц после пробуждения Амариллис в Арр-Мура вернулся Гарм. Он появился на поляне ближе к вечеру, неслышно вышел из зарослей апельсиновых деревьев и остановился, наблюдая как Амариллис учит цветочных фей танцевать. К этому времени она настолько окрепла, что эти мелкие насмешницы перестали над ней хихикать и мало того, что приняли ее всерьез как настоящую танцовщицу, но и снизошли до того, чтобы чему-то у нее учиться. Пришлось Амариллис вспоминать все хороводные танцы, какие она только знала, а то и самой сочинять фигуры посложнее.

— …а теперь делаем плетенку вправо, потом — влево, и смотрите не запутайтесь в подолах! — девушка хлопнула в ладоши и, повинуясь ей, Хранитель мелодий, неизменный ее спутник, зазвенел несложной, легкой музыкой, будто разбрызгивая по траве серебряную росу.

Гарм смотрел и удивлялся — конечно, он знал, что эта девушка, несмотря на молодость и беззащитность, успела много чего повидать и уже не раз доказывала свою похвальную привычку жить и радоваться жизни. И все же то, как скоро она восстановила силы после испытаний, какие и не всякий крепкий мужчина бы выдержал, удивило его.

— Доброго вечера всем.

— Ну наконец ты изволил вернуться… — ворчливо заметил Чиро, отставляя в сторону блюдо с орехами, которые он чистил, и подходя к Гарму.

— Доброго вечера и вам… — Амариллис прервала танец и

поклонилась. Чтобы не мешать детям, взрослые отошли к дереву, сели на траву. Эллил с нескрываемым удовольствием оглядывал вернувшегося Гарма — он скучал по нему. А Гарм с таким же удовольствием оглядывал Амариллис; она даже засмущалась.

— Прекрати так таращиться на нашу гостью, — Чиро погрозил пальцем, — иначе она сейчас сбежит. Что, не ждал такой прыти? Думал, она все еще в подушках вылеживается?

— Признаться, да. Что ж, я очень рад… — Гарм улыбнулся и на миг его ртутные глаза потеплели.

Он рассказал, что провел это время в оазисах («Дети любят зирэ… Чиро, я принес достаточно, хватит даже нашим прожорам»), успокоил Амариллис, ответив на ее невысказанный вопрос («Не беспокойся так. Арчеш жив-здоров и все его домочадцы тоже»). А потом стал расспрашивать о Судри: как он, всем ли доволен, чему еще успел научиться.

— Судри бегает как ветерок. Разговаривает… — Амариллис развела руками, — Я мало чего понимаю в детях, мои братья были старше меня, потом тоже… не сложилось. Но Судри особенный, это даже мне видно. Он уже сейчас мне друг… обнимает так, будто защищает. И я ни разу не видела, чтобы он ссорился с кем-то или сердился.

— Для каждой матери ее ребенок — особенный, — поддразнил Амариллис эллил, — у твоего сына просто на редкость добрый и легкий нрав. К тому же он настолько недешево тебе достался, что ты теперь будешь видеть в нем все возможные достоинства и вообще…центр мироздания… — и эллил необидно засмеялся.

— Хочешь сказать, что я клуша, которая видит в своем цыпленке белого лебедя? — возмутилась девушка. — Ах, смотрите и дивитесь, мой сын бегает! И уже разговаривает! Ах что вы, какие там годы — ему четыре месяца от роду!..

Гарм и Чиро переглянулись и засмеялись.

— Видимо, здешний воздух пошел ему на пользу, — усмехаясь, заметил Гарм. — А что касается доброго нрава, не особенно обольщайся. Это ведь и твой сын. Пока кровь отца сильнее… но дай срок — и твоя непременно даст о себе знать.

— Белый лебеденок… — поддел Амариллис Чиро. — С его клыками в лебедях не засиживаются.

— Ну, будет о детях. — Гарм внимательно глянул на собеседницу. — Ты сама как?

— Благодарю, все хорошо. — Поспешила ответить девушка.

— Она здорова. — Вмешался эллил. — Силы почти вернулись.

— Это я и сам вижу. А как насчет вкуса к жизни? И ко всем ее

радостям?

— Моя радость со мною… — Амариллис отыскала взглядом сына, — И радость, и жизнь… все в нем.

— Это понятно. А как ты сама? Где ты? — Гарм взял девушку за плечи и развернул лицом к себе. — Где та Амариллис, из-за которой мой звонковолосый братец чуть не полмира перевернул, так усердно он тебя ищет? Та, которая всех перетанцевала — и птичку, и хищницу… Где та, из-за которой три спрятавшихся бога затаили дыхание, будто мальчишки — такое нечасто увидишь…

— А… но в храме никого, кроме нас не было!.. и где ты прятался?.. — растерянно протянула танцовщица.

— Какая разница. За колоннами. Как и мои братья.

— Вот не думала, что боги такие бессовестные. Так Лимпэнг-Танг — твой брат?!

— Его истинное имя Фенри. Мы близнецы.

— Ясно. А другие кто?

— Другой. Такого, как аш-Шудах, хватит и одного. Он наш сводный брат, по отцу.

Амариллис молча переваривала услышанное.

— Однако в любопытную компанию ты попала, госпожа… — и эллил сочувственно покачал головой.

Вечером того же дня Гарм появился в комнате Амариллис.

— Ты, я вижу, ничем особым не занята? — бог стоял на пороге, перекинув через руку какое-то платье. — Тогда собирайся. Вот, переоденься и выходи.

— Куда? — удивленно спросила девушка, сидевшая у постели спящего сына.

— Узнаешь. Хватит тебе тут киснуть, совсем на себя непохожа стала. Давай, поторапливайся.

Амариллис встала, не торопясь, подошла к кровати, на которую Гарм бросил одежду: белую тонкую рубаху, корсаж на шнуровке и широкую юбку — темно-зеленые, небогатые, но вполне добротные, и в придачу пара звонко подкованных, украшенных медными пряжками туфель. Так могла одеться дочка зажиточного фермера, собравшаяся в гости. Пожав плечами, девушка принялась переодеваться; как и следовало ожидать, платье пришлось ей впору, будто специально для нее шили.

Гарм поджидал ее за порогом; они пришли в одну из комнат, куда без него попасть было невозможно. Там было тихо и пусто, в полутемном воздухе плавали пылинки, пахло сухими листьями, и прямо посреди комнаты начиналась лестница, поднимавшаяся на пять-десять ступеней над полом и неожиданно обрывавшаяся. Бог начал не спеша подниматься, не выпуская руки Амариллис, и, остановившись перед последней ступенью, пропустил девушку

вперед.

— Ну проходи, неужто испугалась? — и Гарм подтолкнул ее в спину. Не успев возмутиться, она шагнула в пустоту и неожиданно для себя оказалась в большой, ярко освещенной трактирной зале. Направляемая Гармом, придерживавшим ее за локоть, она, совершенно ошалев, ничего не понимая, прошла к одному из немногих свободных столов, где они и уселись.

— Как думаешь, где мы? — подмигнув, спросил Гарм.

— Не знаю… — пожав плечами, ответила девушка, едва переводя дыхание. — Такие места в любом городе найти можно.

Она огляделась: темный потолок, массивные прокопченные балки, огромная люстра-колесо, обшитые досками стены — обычный трактир, она таких десятки видела. Тяжелые столы и стулья, за которыми сидят, вольготно развалившись, завсегдатаи, беря разгон перед длинной ночью, смачивая начало разговоров в первой кружке пива. Ни одно из лиц не показалось Амариллис знакомым, однако было здесь в самом воздухе нечто неуловимое, напоминавшее танцовщице ее первое выступление.

— Ничего себе публика… не то солдатня, не то матросня… и выговор здесь странный — будто со всего света слов в один рот намешали.

— Ну да. — Гарм невозмутимо пожал плечами. — А какой еще выговор можно услышать в «Бездонной бочке», трактире с дурной репутацией… дурной даже для этого квартала. Даже для Шибальбы. Зато здесь самые лучшие музыканты… — и он улыбнулся.

А музыканты и впрямь были хороши: сидевший на бочке волынщик, видом своим более всего напоминавший утопленника — иссиня-бледный, впалые щеки того и гляди друг к другу прилипнут, с черными мокрыми космами, и стоящие рядом скрипач — старый, седой как лунь, с испитым и пройдошистым лицом, и мальчишка — с хулиганистой рожей, украшенной синяком, держащий в руке немудреную флейту-сопелку. Как раз к тому моменту, когда Гарм и Амариллис уселись, они заканчивали полоскать глотки пивом и переругиваться со служанками.

И не успела Амариллис отпустить язвительное замечание, что, мол, музыкантам больше пристало в дудки свои дуть, а не пиво, а не то придется их вскорости на ставне выносить, как они заиграли. Не сговариваясь, не переглядываясь… просто мальчишка притопнул и, просвистев на флейте залихватскую трель, звонким, чистым, как апрельская капель голосом завел песню про старого пивовара, из вредности утопившегося в чане октябрьского эля. Амариллис оторопела. Она, избалованная Хранителем Мелодий, угадывавшем ее настроения и чувства,

знавшим все мелодии Обитаемого Мира, чувствовала себя так, будто попала под летний ливень — частый, крупный, прохладный… и совершенно нежданно обрушившийся на голову как раз тогда, когда ты идешь, напыжившись, в парадной обновке в гости к соседям. Музыканты перебрасывали друг другу мелодию песенки, иногда по очереди подпевая мальчишке-флейтисту; у скрипача голос был хриплым и тяжелым, а у волынщика — гулким, как эхо в морском гроте.

— Ну как? Понравилось? — Судя по блеску ртутных глаз, Гарм и сам не остался равнодушным. — А потанцевать не хочешь?

Амариллис хотела было с возмущением отказаться, но тут музыканты снова заиграли и она предпочла замолчать. Иначе ей пришлось бы солгать…

…Твой разум может обмануть тебя, говаривал ей аш-Шудах. Повинуясь соображениям выгоды или тщеславия, он с легкостью убедит тебя в чем угодно. Твое сердце может обмануться — повинуясь несбывшимся желаниям, принимая видимость за сущность, оно поведет тебя обманным путем, обещая счастье и обрекая на разочарование. Но твое тело всегда право. Причини ему боль — и оно не скажет тебе, что испытало наслаждение. Заставь его работать сверх сил — и оно честно сломается, не страдая геройством. Слушай свое тело, Амариллис, слушай внимательно…

Она прислушалась. Ее плечи вздрагивали, подергивались, пальцы четко выстукивали ритм по столешнице, а ноги… ноги попросту приплясывали под столом, совершенно этого не стыдясь. Было бы чего стыдиться…

В этот момент кто-то, напоминающий комплекцией среднюю копну сена, подошел к их столу, заслонив свет и заполнив все свободное пространство.

— О! Гарм! — нежданный гость грохнул на стол свою кружку и сам уселся, не дожидаясь приглашения. — Давненько не виделись. Кого это ты к нам привел?.. — и он оценивающе глянул на Амариллис.

— Давненько, приятель. — Согласился Гарм, жестом подзывая служанку. — Амариллис, это Турс, мой давний знакомец в этих краях.

— Вон оно как… — громила потопил конец фразы в кружке. — Какими судьбами? Заскучал, поди?

— Это она заскучала. — И Гарм кивнул на Амариллис.

Великан поперхнулся пивом, закашлялся, грохнул пару раз по столу кулаком и, наконец, насилу перевел дыхание.

— Заскучала?! Твоя гостья?!.. — и он изумленно воззрился на Амариллис.

— А что тут удивительного, дружище, и я не всесилен… —

Развел руками Гарм. — Потому и привел сюда. Чтобы кто-то скучал в «Бездонной бочке» — не припомню…

— И то верно. А что ж ты, дева, сидишь, ручки сложив? Не в храм пришла. А может, ты танцевать не умеешь?

— Так это смотря какой храм… — улыбнулась Амариллис. — И я, пожалуй, потанцую…

Вежливо наклонив голову, она упредила Турса, уже привставшего, чтобы подать ей руку.

— Благодарствую, я и одна управлюсь. А если нет… попрошу вот его помочь. Не знаете, кто это?

И танцовщица подбородком показала на сидящего в самом дальнем углу и полном одиночестве седого, непритязательно одетого мужчину — тот сидел, уперев в стол локти, и созерцал свое отражение в кружке. Ничего примечательного в этом человеке не было, разве то, что изредка он развлекался тем, что поднимал глаза и смотрел на горящую перед ним на столе свечу. Через минуту пламя начинало заметно колыхаться, как лоскуток оранжевого шелка под порывами ветра.

— Эхм… — Закашлялся громила, проследив за взглядом Амариллис. — А ты, дева, случаем, не ошиблась? Силенки свои не переоценила? Вытащить танцевать Пьющего Песок?! — и он с сомнением покачал головой. — Это, дева, возможно самый лучший из проводников в Арр-Мурра, он свое имя заслужил… сам я с ним в пустыню не ходил, не довелось такой чести сподобиться, но если десятая доля того, что о нем рассказывают, правда — так я только на то и годен, чтобы его коню копыта полировать. А ты его в хоровод звать собралась…

Амариллис не ответила, только передернула плечами… встала, расправила складки юбки и направилась в залу, в самую гущу пляшущих.

Ни особым умением, ни легкостью движений завсегдатаи «Бездонной бочки» не отличались, но с вполне возмещали это лихим азартом, с которым они кружились, притоптывали, вытанцовывая несложные фигуры простых сельских танцев. Амариллис легко скользила между танцующими, вдыхая запах разгоряченных тел и крепкого пива, с головой ныряя в пенящийся, хмельной поток музыки. Протолкавшись почти в центр толпы, она пару раз пихнула локтями в стороны, освобождая себе немного места для начала, и дождалась, когда музыканты прервались на минутку, перевести дух.

— Эй, а «Пьяную Карусель» сыграть можете? Или кишка тонка?

Ее неожиданно ставший пронзительным голос услышали все. На девушку немедленно уставились десятки глаз, все

повернулись в ее сторону, желая разглядеть, кто же это так лихо начинает свой вечер в «Бездонной Бочке». «Пьяная Карусель» была развеселой песенкой, не очень приличной, но чтобы оттанцевать ее, предельно быструю, вкручивающую мелодию в уши скрипичными трелями… Эта песня стремилась заставить ноги танцора споткнуться, не выдержав темпа, сбивала его неожиданными синкопами и перебивами ритма. Скрипач опустил скрипку и поднял голову. Увидев стоящую, подбоченившись, Амариллис, он усмехнулся, подмигнул мальчишке-флейтисту и тот повел мелодию, сначала обманчиво медленную, закружившую юбку танцовщицы колоколом.

— Хо! — и оборвав переливчатую трель флейты, мальчишка прямо-таки завопил первый куплет «Пьяной Карусели».

Но ему не удалось обмануть Амариллис; она будто только этого и ждала. Скрестив руки, сжав локти пальцами, она начала вытанцовывать по кругу, будто деревянные бусы рассыпая из-под каблуков. Вздернут подбородок и сверкают глаза. Закружившись на месте, девушка чудом поймала вновь изменившуюся мелодию, прохлопала в ладоши ответ музыкантам, подхватила подол, уперла руки в бока и пошла вокруг одного из танцоров, стоявшего столбом с самого начала «Карусели». Заставив его почти что свернуть себе шею, она пошла танцевать вокруг другого, третьего, пятого… Она летала будто сумасшедший бродячий огонек, ловко ускользая от протянутых к ней рук. Ни разу не ошиблась танцовщица, ни разу не споткнулась, не остановилась перевести дыхание. И не было в этом танце особого изящества или изысканности, были лишь невозможно быстрый перестук каблуков, вызывающе выставленные локти, повороты и легкие прыжки, будто дите по лужам скачет, поднимая тучу брызг и несказанно этому радуясь.

Музыканты сдались первыми. Отнял флейту от губ мальчишка, опустил смычок старик, и смолк волынщик. Амариллис, воспользовавшись этим, не глядя, сцапала с оказавшегося рядом стола чью-то кружку, полную страшным, черным пивом, крепким, горько-сладким и единым махом выпила ее. Поставила обратно на стол, вытерла рукавом подбородок…

— Неплохо для начала. — Мальчишка подмигнул танцовщице. — Чего теперь пожелаешь?..

— Как чего?!.. — Она даже рот приоткрыла от изумления. — Танцевать!..

И засмеялась. Было ей хорошо, легко и свободно; что-то, казалось, безвозвратно потерянное в лесах Одайна, вернулось к ней, и теперь вскипало в крови и щекотало сердце. Упали путы, стягивавшие ноги, мешавшие двигаться и дышать.

— Вот сумасшедшая девчонка… — одобрительно пробурчал Турс. — Где ты ее нашел?..

… Чиро дремал в низеньком кресле, изредка протягивая руку, чтобы укутать Судри, вечно норовившего сбросить одеяло на пол. За окном тихо перешептывались кусты, ветер иногда вставлял словечко-другое в их полночную беседу; в подсвечнике оплывала белым воском свеча; пахло тишиной и сном. Чиро почему-то было не по себе; он то ежился, хотя сквозняка в комнате не было и в помине, то тяжело вздыхал, будто ему не хватало воздуха.

Дверь открылась бесшумно. Эллил, почувствовавший неладное, поднял голову — в дверях стоял кто-то невысокий, одетый в длинные темные одежды. Вот он перешагнул порог и Чиро с ужасом узнал уродливое лицо привратника Арр-Мурра — того, кому было запрещено приближаться даже к внешним руинам Дома богов, не то, чтобы входить в пределы сада. Его единственный глаз уставился на застывшего эллила, по губам змеей скользнула тень улыбки.

— Не спится?..

Незваный гость говорил тихо, не желая никого пугать прежде времени. Эллил весь сжался, стараясь не выдавать своего испуга.

— Фолькет… ты с ума сошел. Я никогда не испытывал к тебе теплых чувств, но мне страшно подумать, чего тебе будет стоить эта прогулка.

— Знаю, знаю… — и цверг удрученно покачал головой. — И за что такая немилость? Хоть бы ты, малявка, за меня словечко замолвил. А то что ж это получается — я, как проклятый, сторожу вас, слежу, чтобы пустыня ваш покой не потревожила, а самому вход в дивные цветущие сады заказан.

— Каждому свое. — Эллил встал. — Поздновато ты спохватился.

— Ну-ну… Ты не шуми, малявка. Еще разбудишь кого. — И Фолькет внимательно всмотрелся в спящую темноту. — Так вот кого вы от меня прятали. Значит, верно мне доложили — она не одна сюда пришла. Да, Чиро, господин наш велик, не спорю, но и на него помрачение находит. Ведь достаточно мне просто подойти поближе — и она наизнанку для нас вывернется… мне и делать ничего не придется. А если и придется…

— Убирайся немедленно! — свистящим шепотом приказал эллил.

— Успеется. Ты на него нагляделся, дай и мне… — и Фолькет шагнул в комнату.

Чиро смотрел, как скользит к кроватке низкая тень, как тянутся к спящему мальчику длинные, искусные пальцы цверга-ювелира; эллил с трудом переводил дыхание и бестолково шарил

в висящем на поясе кошеле.

— А что, если я его к себе заберу? Ему тут, поди, уже прискучило… — Фолькет обернулся к эллилу, подмигнул ему единственным, совершенно безумным глазом.

…Молиться было некогда. Поэтому Чиро, не призвав в помощь никого из известных ему богов, просто выхватил из кошеля мешочек, подаренный Амариллис, и с размаху вытряхнул все его содержимое в лицо цвергу.

— Просыпайся, Судри. Просыпайся. — Эллил тряс мальчика за плечо, настойчиво и твердо. — Проснулся? Вот и хорошо. Судри, тебя нельзя здесь оставаться. Беги в мой дом. Позови мою сестру, и уходите в самое сердце леса. Выйдешь оттуда, если только позову я. Или мама за тобой придет. Больше не слушай никого. Ты понял меня? — и Чиро всмотрелся в серьезное, совсем не сонное лицо Судри.

— Я понял, Чиро. А ты? — и мальчик со страхом посмотрел на застывшего уродливой статуей цверга. Оплывающая свеча давала немного света, но и этого было достаточно, чтобы напугать кого угодно.

— Я должен остаться. Беги, Судри. Кому говорю?!

Судри встал, и как был, в рубашонке, босиком, осторожно обошел Фолькета и выбежал в коридор. Его легкие шаги вскоре прошелестели по траве и стихли — короткий путь, известный только ему, увел его в безопасное место. Чиро с облегчением выдохнул, метнулся к окну, закрыл его, затем вылетел из комнаты, закрыл за собой дверь и сполз на пол — он не в силах был оставаться там. Эллил не знал, сколько времени будет действовать пишог, не знал, куда и надолго ли Гарм увел Амариллис, не знал, у кого искать помощи.

Пока он беспорядочно соображал, бежать ли будить остальных детей и где прятать их, тишину спящего дома нарушили шаги — торопливые, неровные. Амариллис первой увидела скорчившегося на полу эллила; она сначала застыла на месте, а потом ринулась к нему, рывком подняла за шиворот, встряхнула.

— Чиро! Что случилось?

И, не дожидаясь объяснений, распахнула дверь. Ей хватило одного взгляда.

— Где мой сын?!..

И эллил мог поклясться, что Гарм, увидевший и застывшего цверга, и лицо Амариллис, испугался.

Глава четвертая. Попытка

…Что заставило тебя прервать такой чудесный вечер? Музыка, танцы… почти позабытая беззаботность… Словно кто-то стиснул ледяными пальцами твое сердце, да так, что перехватило дыхание; и ты отстранила Пьющего Песок (он все-таки согласился танцевать с тобой и даже встал, чем вызвал несказанное изумление у завсегдатаев «Бездонной бочки»), подбежала к Гарму и потребовала: «Домой!». И вот ты бежишь по непроглядно темному саду, как грозовая туча, подхваченная вихрем, а глаза твои, переполненные слезами, ничего не видят. Смутно помнишь, как давясь словами, эллил спешил тебя успокоить. Едва услышав, куда отправился Судри, ты поспешила прочь из дома и никто не стал задерживать тебя — с таким же успехом можно было пытаться задержать лавину.

Амариллис бежала сквозь заросли, расшвыривая руками ветки, влетела в какой-то ручей, споткнулась, упала, на четвереньках вскарабкалась по невысокому склону, продолжая, сама того не замечая, рычать. Глаза ее, замутненные слезами и отчаянием, почти ничего не различали в темноте; ночной сад обступил ее, жутковатый и безразличный. Каким-то чудом Амариллис, не умевшая найти дороги и при свете дня, смогла добраться до мраморной беседки. Задыхаясь, она присела на скамью, обернулась — кто-то осторожно дергал ее за рукав. Это бы один из сородичей Чиро.

— Не плачь. Идем со мной.

Не прекословя, она поспешила за эллилом. Идти пришлось недолго — ведь она, сама того не зная, прибежала почти вслед за мальчиком. Эллил раздвинул ветви ивы — ее сын сидел там, как в шатре, обхватив колени руками, глядя перед собой огромными, полными слез глазами. Амариллис рухнула на колени, крепко обняла его, прижавшегося к ней, дрожащего от ночной прохлады.

— Мы еле удержали его здесь, — эллилы, собравшиеся вокруг них, смотрели сочувственно и печально, — он хотел бежать тебе навстречу. Он плакал.

Они дождались, пока она успокоится, принесли теплые плащи — Судри их одежда оказалась впору, одеяла и подушки, чтобы беглецы могли отдохнуть. Все это время эллилы не позволяли себе вмешиваться в бессловесный разговор матери и сына, да и сами почти не разговаривали. Наконец Амариллис смогла разжать руки и чуть отстранить от себя Судри; мальчик с удовольствием укутался в плащ, забрался к ней на руки и почти мгновенно уснул. Как ни странно, и сама Амариллис уснула

вслед за ним.

Когда они проснулись, сквозь сквозной зеленый полог ивовых ветвей просвечивало солнце, пели птицы и все вокруг дышало миром и покоем, и Амариллис показалось, что все случившееся ночью было просто страшным сном. Увы, сидящий рядом Чиро выглядел подавленным и печальным, и с надеждой на призрачность кошмара пришлось распроститься.

— Как спалось?

— Прекрасно. — Амариллис ничуть не покривила душой, спалось ей действительно хорошо, легко и спокойно.

— Значит, ты отдохнула. Пойдем, Ами, я провожу вас к Гарму.

— Ну уж нет. Мы отсюда не уйдем. — Амариллис решительно покачала головой. — А если это страшилище все еще там?! Мне Арколь достаточно про него порассказывал. Как он сюда попал, Чиро?

— Гарм его в привратники взял, — неохотно ответил эллил.

— Что?! Так они друзья?

— Не стоит преувеличивать. Фолькет всего лишь слуга, причем не из любимых. А друзей у Гарма, к слову сказать, нет.

— Все равно. Хороших слуг он нанимает…

Проснувшийся Судри завозился, вылез из одеяла.

— Ладно, сначала идите умойтесь и поешьте. Потом поговорим.

Амариллис отпустила Судри поиграть, но с условием — не убегать далеко, чтобы она могла его видеть.

— Не бойся, здесь ему ничто не угрожает.

— Именно так я думала и о том доме, — и девушка неопределенно махнула рукой, явно имея в виду Дом богов. — Думала, мы там в безопасности. Пока Фолькета не увидела своими глазами. Прямо у кровати Судри… Чиро, я хотела спросить, а почему Гарм не пришел сюда сам? Почему тебя прислал объясняться?

— Он не знает, как ты его примешь. Проще говоря, боится.

— Ничего я не боюсь.

Эллил и танцовщица обернулись — Гарм стоял возле статуи высокого мужчины, держащего в руках чашу.

— А ты даже для любимого слуги позволяешь себе слишком много.

В ответ на такое замечание эллил сморщился, будто надкусил лимон, но промолчал.

— Ты ведь ждешь от меня объяснений, Ами? Ждешь извинений и чего-то еще в этом роде?

— Достаточно будет и объяснений. — Амариллис пристально

смотрела на Гарма. — Кто ты, куда привел нас с сыном — и зачем мы тебе понадобились? Мы… или я…

— Это уже легче. Извинения мне никогда не удавались. Скажи, ты вернешься в дом? Или решила остаться здесь?

— Я думаю, вряд ли ты позволишь мне остаться. Я вернусь. Но Судри останется здесь.

— Амариллис, это невозможно, я же говорил тебе…

— Я помню, Чиро. Я постараюсь побыстрее выполнить то, чего он, — и она кивнула в сторону Гарма, — от меня хочет, и мы уйдем отсюда. Может, за Краем Света найдется место и для нас.

Амариллис встала, подошла к эллилу, положила руки ему на плечи и заглянула в глаза.

— Чиро, ты можешь мне обещать, что с Судри ничего плохого не случится, пока он здесь? Я уйду со спокойной душой, если ты будешь с ним рядом.

— Послушай, я позаботился о том, чтобы Фолькет не совал своего носа в мой дом. — Гарм явно был недоволен тем, как мало с ним считается какая-то танцовщица. И ему было неловко от того, что какой-то привратник нарушил его планы. — Считай его… ну, почти мертвым.

— Почти?.. — Амариллис усмехнулась. — До тех пор, пока он тебе снова не понадобится?

— Ты все еще не доверяешь мне? — бог был явно обижен. — Чего тебе еще не хватает?

— Не мне, а тебе. Так, самой малости. Немного жалости. И совести. — Амариллис явно не давала себе отчета, с кем она так разговаривает… — Чиро, я жду ответа.

— Что я могу тебе обещать, Ами? Что не спущу с твоего сына глаз? Пожалуй. Я не думаю, что Фолькет настолько хорошо знает здешние закоулки, чтобы так просто добраться сюда, так что какое-то время можешь не беспокоиться. Ступай, Амариллис, делай, что решила. Я присмотрю за мальчиком.

— Прекрасно. — Сморщился Гарм. — Могу я, в свою очередь, уверить вас в том, что привратник более не переступит границ сада?

— Ты уже однажды пообещал, что принимаешь меня в свой дом. И ручаешься за мою жизнь. — Амариллис, не мигая, смотрела в глаза Гарма. — Знаешь ли, Гарм, однажды меня вот так же поставили на игральную доску. Вероятно, это была не такая большая игра, как твоя, но моя жизнь с тех пор, увы, не подорожала. Я для вас всего лишь игральный камешек… вы ставите меня, передвигаете… и у вас свои цели. А я только средство, — впрочем, без него вы, похоже, бессильны… Идем, Гарм. Я готова вернуться в твой дом. Чтобы ты мог продолжить

свою игру. Но мой сын в ней участвовать не будет.

Гарм промолчал и жестом пригласил Амариллис следовать за ним.

Он привел ее в тот самый покой, откуда не так давно отводил глаза эльфу, охотившемуся за девушкой. Усадил Амариллис на один из листов лотоса, сам устроился на другом; здесь было тихо, только колыхания воды отражались еле слышным эхом от каменных стен. Ровным светом горели жемчужины в лягушачьих ртах, бело-розовые лепестки цветов лотоса чуть поблескивали, словно были присыпаны сахаром, и пахли влагой и чем-то сладким.

— Люблю это место. — Он оттолкнулся ногой от порога комнаты, улегся на спину, заложив руки за голову. — Оно меня умиротворяет… успокаивает…

— Я больше люблю открытый воздух. — Амариллис подобрала под себя ноги, обхватила колени руками. — Да и воды я побаиваюсь, по старой привычке.

— Ты чего-то боишься? Брось, тебе это не к лицу. Чуть не забыл, у меня для тебя кое-что есть.

Гарм соскользнул с листа в воду и поплыл куда-то вглубь залы, бесшумно, надолго пропадая под водой. Вынырнул он возле одной из ниш, где сидели каменные лягушки, подтянулся, встал на черный, влажный постамент и запустил руку в раскрытый лягушечий рот, за светящийся шар. Зажав что-то в кулаке, он на этот раз не отказал себе в удовольствии прыгнуть в воду, подняв тучу брызг, долетевших до возмущенно ахнувшей танцовщицы, и поплыл прямо к ней. Подняв из тяжелой, черной воды мокрую голову, Гарм одной рукой ухватился за край листа, а другую протянул девушке.

— Держи. — И разжал пальцы.

На его влажной узкой ладони лежало кольцо — простое, с одним прозрачно-черным камнем, похожим на здешнюю воду, отмеченным орочьей руной.

— Мое кольцо?! — Амариллис, не веря своим глазам, нерешительно взяла кольцо — и быстро надела его. И перевела дыхание.

— Надо же… вот не чаяла, что снова мы будем с ним вместе. — Она не отрывала глаз от камня, заметно потеплевшего на ее руке.

Гарм забрался на свой лист, сел на краю, свесив ноги в воду, и с удовольствием смотрел на Амариллис. А она отвела наконец взгляд от своего кольца, и — впервые за все время — улыбнулась Гарму.

— А ведь я ничего о тебе не знаю. Расскажи. — Просто

сказала она, усаживаясь поудобнее, на шаммахитский манер скрестив ноги и свесив с колен ладони. — Кто ты? Кто твои родители? Твоей матушке я только посочувствовать могу, поди-ка уследи за этаким сыночком… — и, помахав руками, Амариллис изобразила полет Гарма.

— Возможно, мне стоит напомнить, что я бог.

— Да я уже поняла. Неужели ты никогда об этом не забываешь? Бедняга… Ну, бог… а дальше? Вы такие разные… ты и Лимпэнг-Танг. Даже ты — и тот, кто нес меня через пустыню.

— Тот, кто нес… — и Гарм преувеличенно величаво помахал руками, повторяя движение девушки, — это, если можно так сказать, мои парадные одежды. Я одеваю их для Арр-Мурра. Или если хочу произвести впечатление.

Через несколько минут они разговаривали так спокойно, будто и не было между ними ничего пугающего или чуждого. Гарм с удовольствием рассказывал о своей семье. Он рассказывал обо всем — об отце и его нежелании терпеть в Доме богов закрытые Врата, о прежней дружбе с Фенри, даже золотые тавлеи вспомнил. Амариллис слушала, изредка спрашивая о чем-то, совершенно ей непонятном, или улыбаясь неожиданной откровенности бога. Она вытянула из воды за длинный стебель цветок лотоса и, отщипывая лепесток за лепестком, утолила голод. А Гарм так увлекся, что, похоже, забыл обо всем на свете, уйдя с головой в давние дни. Наконец, он спохватился.

— Ты удивительно терпелива, Ами. Разговоры о минувшем кого угодно в тоску вгонят… Довольно обо мне. Давай поговорим о тебе.

— Как скажешь, Гарм. Спрашивай — я обо всем расскажу и ничего не потаю, — и Амариллис невесело усмехнулась, припомнив один из таких разговоров, когда вопросы ей задавал знаменитый врач Аурело. — Но может не сейчас? Гарм, я устала.

И Амариллис неожиданно для себя самой легла на лист лотоса, перекатилась на край и опустила голову в воду — окунулась в черную прохладу, словно не желая ни слышать, ни видеть более ничего — хотя бы несколько секунд. Потом она поднялась, протерла глаза, отвела с лица налипшие мокрые волосы.

— Понимаешь, так уж случилось, что до тебя я с богами почти не общалась. Аш-Шудах никогда подчеркивал своего происхождения, да и до бесед со мной он редко снисходил. Лимпэнг-Танг — для него я танцевала и видела его глаза… и этого было довольно. А ты… Вот я смотрю на тебя и вижу такого же, как и я, Кратко Живущего — ты нетерпелив и самоуверен, и тоска тебя берет в здешней тесноте, сил много, а померяться не с

кем… ни дать, ни взять скучающий младший сын обедневшего арзахельского вельможи. Наверное, поэтому я так с тобой разговариваю… не падая ниц. Но после всех слов мне достаточно заглянуть в твои глаза — и я понимаю, что в этих вот каменных жабах куда больше человеческого, чем в тебе. Хотя… возможно, нелепо ждать от бога человечности…

Они замолчали.

— Давай договоримся. Я зачем-то тебе нужна, ведь так? Тогда позволь мне привыкнуть к этой мысли — и к тебе тоже. Конечно, ты можешь заставить меня…

— Нет. — Гарм резко оборвал ее. — Заставлять кого-то из рода Эркина — благодарю покорно.

— Я сейчас вернусь к Чиро. И ночевать останусь там. А завтра снова приду — сюда, или куда ты скажешь. И буду слушать.

Остановившись на пороге зала-озера Амариллис сказала:

— Та игра, о которой ты говорил… тавлеи. Никак не могу вспомнить… Похоже, я видела что-то подобное.

— Не может быть… — Гарм посмотрел на нее как на снеговика, возникшего посреди пустыни — недоверчиво и чуточку испуганно.

— Постой… — Амариллис наморщила лоб, вороша свою память. — И ведь не так давно это было… я еще подумала — надо же, какая роскошь на таком месте… О! Вспомнила! — Торжествующе воскликнула она.

— Неужели?.. — Гарм стоял на листе лотоса, балансируя на самом краю.

— Точно. Я видела точно такую вышивку — и уж поверь мне, в чем — в чем, а в вышивке я толк знаю — в этой, как ее… «Бездонной бочке».

— Где?! — Гарм застыл, уже готовый поставить ногу на каменный порог залы.

— У Пьющего Песок. Он соизволил встать, чтобы принять мое приглашение и потанцевать. Тогда я ее и заметила. Он на ней сидел…

* * *

Утром следующего дня Гарм привел Амариллис в один из закоулков Дома, где спокойно молчали ничем не украшенные серые стены.

— Они были здесь… — Гарм провел рукой по каменной кладке вдоль едва заметной трещины. — Восточные Врата. Я должен их открыть.

— Это твой долг? Или мечта? — Амариллис стояла посреди покоя, оглядываясь.

— Все сразу, Ами. Все сразу.

— Я так поняла, что если их не открыть… этот мир попросту задохнется. Подумать только, там — и она неопределенно кивнула головой, имея в виду Обитаемый Мир — там все думают, что тихий ветер твоих рук дело. Как там говорил Аурело? «Порождение проклятых земель, обители безумного бога…» Это он про тебя, Гарм.

— Лестно, ничего не скажешь. Но — в кои-то веки — я к этой напасти непричастен.

— А если их все-таки удастся открыть? Ты обретешь долгожданную свободу… мир вдохнет вольного воздуха… Или нас всех сожрут? А может вообще ничего не получится — уж если ты не смог, куда мне…

— Не знаю. — Гарм обернулся, ловя взгляд Амариллис. — Но думаю, что силы, с которой у тебя договор, хватит, чтобы открыть Врата. А там видно будет.

— Если останется, кому смотреть. — Съязвила Амариллис. — Что я должна делать?

— Что, вот так сразу? — Гарм заметно удивился.

— Послушай. Я не думаю, что тебе стоит медлить. Поспеши, пока я не начала думать и бояться.

— Хорошо. — Гарм усмехнулся. — Медлить и вправду не стоит. Я успею подготовить все нужное сегодня после полудня. Твоя помощь мне не понадобится, так что иди к сыну. И ни о чем не беспокойся. Твое дело — открыть камень. А дальше моя забота. И вот еще что… помогать нам будет Фолькет. Прости, но без него никак. Догадываюсь, какое впечатление он производит и что тебе братец о нем порассказывал…

— Гарм, — прервала его Амариллис, — даже если ты решишь призвать на помощь сонмы фолькетов, я не изменю своего решения. Делай, что должен. Я открою для тебя камень.

Гарм замолчал и посмотрел на Амариллис так, будто впервые увидел ее. Потом подошел совсем близко, положил руки ей на плечи и развернул лицом к себе.

— Ты не перестаешь удивлять меня. Я думал, что тебе понадобится не менее полугода, чтобы восстановить силы — а ты проснулась уже через два месяца. Чиро боялся, что ты не сможешь ходить — а ты через месяц танцевала с маленьким народцем. А то, что происходит сейчас… — он отпустил ее, но остался стоять почти вплотную.

— Ты хоть понимаешь, что я собираюсь сделать? Клянусь песками, тебя даже не пришлось уговаривать — а я был готов,

даже трогательную речь сочинил. Куда ты так торопишься?

— Гарм, — Амариллис не двинулась с места, только голову подняла, чтобы лучше видеть глаза бога, — ты когда-нибудь купался в одайнских озерах в начале мая? Так вот, сейчас ты собираешься совершить нечто подобное. Влететь с разбегу в ледяную купель, нырнуть, выплыть, едва дыша… И стоять на берегу, и чувствовать себя заново родившимся. Знаешь, я никогда подолгу не переминалась с ноги на ногу, а раздевалась одним махом, и прыгала в воду. Так может, мне сочинить трогательную речь для *тебя*?!.. Чтобы прыгал побыстрее…

— И ты не боишься, что я — и весь мир вместе со мной — утонем?

— Боюсь. До тошноты боюсь. А чего ты ждал от меня, слабой смертной? Что стану реветь в голос и просить времечка, попрощаться с сыном? Еще раз увидеться с любимым? Гарм, да мне вечности не хватит, чтобы на них наглядеться. Невозможно быть готовым к страданию — оно всегда захватывает врасплох. И если мне суждены еще потери — никто не переживет их за меня.

Неожиданно Гарм улыбнулся, наклонился и поцеловал ее в лоб.

— Удивительно. Рядом с тобой я впервые чувствую, что делаю то, что нужно. Не пытаюсь завершить начатое отцом, не потворствую собственным прихотям… Сегодня мы откроем Врата, Амариллис, обещаю тебе. И в этом мире станет намного легче дышать.

Гарм быстро вышел, оставив девушку в одиночестве. Когда она вернулась из дома эллилов, ждать ей пришлось недолго, вскоре пришел и Гарм, вслед за ним шел Фолькет. Помимо воли, она уставилась на него во все глаза. Хорош… и в прежние времена статью не отличался, а тут совсем усох, будто финик, лицо — жуткая маска из морщин и шрамов, и совершенно безумный взгляд единственного глаза. Шел он медленно, руки прятал в широкие рукава длинного одеяния. Как ни странно, на Амариллис не обратил ни малейшего внимания, а тихо встал за спиной молодого бога, почтительно ожидая приказаний.

— Ты знаешь, что должен делать. — Гарм достал из ножен длинный узкий кинжал; металл лезвия отсвечивал красным и поэтому казался горячим. Повернув голову к Амариллис, стоявшей в углу, он приказал:

— Ами, когда я протяну к тебе руку, будь готова открыть свой камень. Я думаю, тебе достаточно будет просто попросить его явить свою мощь.

После этих слов он встал почти вплотную к стене, примерился и несколько раз с силой ударил кинжалом по серому

камню. Амариллис невольно ахнула — от таких ударов кинжал неминуемо должен был сломаться, но этого не случилось. После второго или третьего удара Гарму удалось загнать лезвие в еле заметную щель, обозначавшую контуры прежних Врат. Фолькет подошел поближе и встал лицом к двери («Будто привратник…» — мелькнуло в голове у девушки). Простояв так с минуту, словно испытывая всех на прочность, Гарм взялся за рукоять обеими руками, откинул голову назад и запел. Амариллис еще не успела как следует удивиться его голосу, как он протянул к ней руку.

…Это не сон. Это слишком даже для сна. Как много всего было. Как мало.

…Я не хотела тебя. Ты пришел сам. То ли как награда за удачное начало, то ли как возмещение невосполнимой утраты. Кем я была тогда? Последним листиком на ветке — листиком, возомнившем о себе, что научился кружиться по собственной воле, а не подчиняясь ветру. Кто я сейчас? Тот же листик. Но кое-что я все-таки успела понять. Да, я слаба, мала и жизнь моя быстротечна. И силы мои смехотворны в сравнении с силами ветра. Но если не будет меня, с кем тогда он будет играть? Как же скучно и пусто будет ветру без листьев. Ветер танцует листьями… ветер живет ими.

Амариллис стоит ровно, выпрямившись, тихая и строгая. Спокойно раскрывает она ладонь, смотрит на лежащее кольцо. А камень… рдеет как черная вишня на солнце. С каждой секундой он светится все ярче, и вдруг словно лопается — будто то же зерно, переполненное соками. По ладони Амариллис течет свет; течет, капает на пол, собирается в лужицы.

— Еще. Этого мало.

И в ответ на ее просьбу камень снова лопается — и на этот раз свет не течет, он вырывается из алмаза как пламя из глубинных недр, заливая все вокруг непорочно белым сиянием. Амариллис оглядывается — она стоит словно в сердце звезды, окруженная светом и мощью. Она откуда-то издалека слышит Гарма, выпевающего заклятие, слышит и Фолькета — он и впрямь поставлен привратником, призванным не пустить в дом незваных гостей, и ему приходится ой как несладко, слова вытекают у него изо рта вместе с кровью, а вскоре он падает на колени, но с места своего не сходит. Как был упрямый цверг, так им и остался.

Амариллис с удивлением смотрит на собственные руки — они почти прозрачны, да и все ее тело превратилось в мягко сияющий, живой язык пламени. И то, что она чувствует сейчас… Это все равно, что быть первой каплей, вслед за которой обрушивается ливневый шквал. Она вдруг понимает, что любая радость, испытанная живым существом, отзовется в ней — и во

всех других обитателях этого мира. И любая боль отзовется. В тех, кто ближе, отзовется сильнее, в дальних и закрытых — слабо, почти неощутимо, но даже эта малость пошатнет равновесие… Она и камень становятся единым существом, ровно, мягко горящим светилом, и в тот же миг Амариллис понимает, что сама единым существом быть перестала.

Словно оказавшись внутри зеркального шара, она воплощается, отражается во множестве жизней. Одновременно она оказалась в разных местах, разных временах… Ее двойники возникали отовсюду, появлялись из далеких неведомых миров, которых было такое множество, что у девушки закружилась голова. Она видела себя маленькой девочкой, сидящей на корточках в углу, торопливо поедающей украденные на кухне винные ягоды («Папа всегда смеялся, когда вспоминал, как я ввалилась совершенно пьяная — это в пять-то лет! — к чинным гостям в парадную столовую…»). Видела застывшую в предсмертной тоске девушку, наполовину затянутую в болото, окруженную белесым липким туманом. Видела женщину, еще молодую, которая стояла на вершине скалы и оглядывала каменистое всхолмье, переходящее в поросшие лесом горы, — у ног женщины сидел медно-рыжий охотничий пес — таких Амариллис прежде не видела, а на плече сидела серо-черная птица с белым хохолком. Зеркальный шар вздрогнул, закружился, — и она увидела Амариллис — торопливую белку, мелькающую по стволу, Амариллис — цветок… камень… птицу… Ее отражения разбежались по мирам и тысячелетиям, эти семена вечной жизни, заброшенные в бескрайность Мироздания, перелетали от одного мира к другому, несомые могучими и ласковыми ветрами. И в то же время все они были ею самой. Одновременно. Вечно.

Амариллис попыталась охватить эту бесконечность времени и пространства, попыталась понять, кто же реален — она или все эти копии, и изначальна ли она сама… В какой-то момент она поняла, что сила разбуженного камня, ее свет и покой находятся в нем самом — и в ней; она, Амариллис, и есть алмаз темной крови.

Проходит совсем немного времени, и она начинает чувствовать, как тесно в каменных стенах выпущенной ею силе. Что-то не так… Да, воля Гарма сильна и он знает, чего хочет. И сила, послушная Амариллис, готова служить ему. Но… похоже, он не знает что именно нужно сделать с этой силой, чтобы она послужила ему как должно. Он упрямо продолжает петь, накапливая все больше и больше сияющей мощи… уже вся комната залита раскаленным светом, стены дрожат, и до

Амариллис доносится слабый запах полыни. Гарм, внезапно оборвав пение, резко поворачивает кинжал — лезвие ломается с сухим коротким треском. В следующий миг дом богов содрогается от основанья до вершин, а в комнате Восточных Врат словно кто-то раскусывает переполненную соком виноградину — и так и брызгает во все стороны прохладой и свежестью.

Амариллис перевела дух. Она стояла, цела и невредима, даже дыхание ее было ровным. Неподалеку лежал на полу Фолькет, не двигаясь и, похоже, не дыша. А у противоположной стены лежал Гарм.

Она подошла к нему, все еще не веря в то, что бога можно сразить, опустилась на колени, приподняла его голову.

— Ты… — голос его еле слышен, из прокушенной губы сочится кровь. — Ты останешься здесь за хозяйку. Я засыпаю… теперь надолго…

Слова давались ему с трудом, он произносил их через силу, стремительно погружаясь в сон. Амариллис осторожно уложила Гарма на пол, поднялась и через силу подошла к Фолькету, наклонилась — он был жив. Глаз цверга уставился на нее с неприятной проницательностью, но отнюдь не враждебно.

— Фолькет!.. — ей самой это чувство было удивительно, но она была рада тому, что маг жив. — Не двигайся, я сейчас позову Чиро, мы отнесем тебя… ой!

Фолькет вцепился в ее руку, стиснул пальцы до боли.

— Почему?

— Ну напугал… откуда мне знать? Да не дергайся ты так!

— Теперь все равно. — Фолькет как-то сразу успокоился, притих. — Я за ним. Слышала, что он сказал? Теперь ты здесь хозяйка.

Цверг усилием воли подавил сотрясавшую его тело дрожь, сомкнул веки, отстранил склонившуюся к нему девушку. Похоже, он знал, что делать, и уже через минуту ушел в такой же глубокий сон, что и Гарм.

Амариллис встала, огляделась. Ну и дела, подумала она растерянно. Хозяйка Арр-Мурра.

Глава пятая. Пьющий Песок

Ар-Раби разбудил своих спутников двумя часами раньше обычного.

— По темноте в здешних местах расхаживать станет только сумасшедший. Особенно на полной луне, когда кровяные черви на охоту выходят. Понимаю, что времени у нас мало, но все же поначалу придется попридержать коней.

Помимо воли Арколь фыркнул — трое из выживших коняшек выглядели смурными, заморенными и уж никак не производили впечатления резвых скакунов, коих следовало попридержать.

— И не фыркай, мэтр, а лучше скажи этим безропотным созданиям спасибо… — ар-Раби огладил лошадку по шее. — Так что идем до темноты, потом пережидаем до рассвета — и вряд ли скучать придется. Ну, а там поглядим, может, когда и ночью идти получится. Надевайте накидки, для вас еще слишком солнечно.

Действительно, даже давно перевалившее за полдень солнце совсем не ласково обжигало кожу; пришлось всем четверым накинуть поверх голов тонкие покрывала белого полотна, закрепив их витыми полотняными же жгутами. Со сборами и едой задерживаться не стали, проводник торопил в дорогу. Наскоро прожевав сухие фрукты и запив их водой, они начали путь — впервые за месяц при свете дня.

Идти засветло было непривычно и, несмотря на жару, от которой хотелось снять с себя собственную плоть, путники смотрели на пустыню во все глаза — и не могли насмотреться. И хотя окружающий пейзаж у всех, кроме ар-Раби, вызывал неприятие, а у эльфа почти отвращение, они не могли оторвать от него глаз. Было что-то странное, отталкивающе-привлекательное в открывшихся им землях; мертвые, но являющие миру отвратительное подобие жизни, они казались издевательским вызовом живым существам, пришедшим в это царство смерти раньше времени и по собственной воле. Прежде путники видели только темные силуэты барханов, невыразительные каменистые пустоши и монотонные всхолмья; весь прошлый месяц они пробирались по затаившейся пустыне как тени, незаметно и безучастно. А здесь… сразу за выщербленными скалами начинался обрыв — в незапамятные времена здесь протекала река и теперь еще на дне русла белели пережженные солнцем раковинки речных моллюсков. За высохшим руслом простиралась равнина, усеянная высокими каменными столпами, расчертившими песок строгим узором теней; за ней путники с удивлением углядели обширные заросли не то кустарников, не то

низкорослых деревьев, похожих на свернувшихся в клубки ежей, и даже издалека было заметно, как подергиваются колючие плети, стелющиеся по земле.

— И как через них продираться? — мрачно спросил Сыч.

— Ишь, разбежался. Вот дойдем, там и решим. — Усмехнулся в ответ ар-Раби. — а теперь повторяю последний раз — я иду первым, вы за мной, и никто — даже ты, эльф! — не геройствует. До сих пор вы прислушивались ко мне — и как, видите, пока живы. Что ж… для начала переберемся на тот берег. И вот еще… — ар-Раби оглянулся и неожиданно улыбнулся своим друзьям, — я никогда не бывал в этих краях. В Арр-Мурра я всегда заходил с востока, все привычные мне тропы там. Так что глядите в оба.

И он, не спеша, принялся спускаться по осыпающемуся мелкими камешками склону. Переглянувшись, остальные последовали за ним, скользя на мелком щебне и кашляя от поднявшейся душной пыли. Оказавшись на дне русла, ар-Раби остановился, огляделся, прислушался…

— Слышите?

Действительно, то, что во время спуска показалось им грохотом катящегося камня, потревоженного впервые за сотни, а то и тысячи лет, повторилось вновь — на этот раз ближе и явственнее. Глухие гулкие раскаты прокатились по белесому небу.

— Не может быть! — вытаращил глаза Арколь. — Гроза?! Здесь?!

— Похоже на то. На равнину сейчас выбираться не стоит, не нравятся мне эти столбы — не ровен час, молния ударит, а то и вьюнцы повылезут. Отсидимся здесь, только поднимемся повыше.

Ар-Раби указал спутникам на небольшой выступ, на котором мог разместиться их караван. Пока они поднимались — подъем оказался намного тяжелее, чем они ожидали, склоны осыпались, рушились в прах у них под ногами, заставляя падать, в кровь царапая руки и лица острыми камешками, — гром несколько раз принимался гудеть в барабан, то громче, то тише. Кое-как устроившись на относительно прочном выступе, путники отдышались, протерли запорошенные пылью глаза. Теперь к затихающим раскатам грома прибавился еще какой-то неясный звук, похожий на гул рассерженного пчелиного роя.

-Сухая гроза… впору пустыне, — откашлявшись, сказал Сыч. — Ффуу… проклятая пыль, все горло забила! — он снова закашлял.

— Тихо. — Ар-Раби прислушивался, беспокойно глядя на небо — по-прежнему совершенно безоблачное, уже темнеющее. —

Это…

Договорить он не успел. Из-за крутой излучины прямо на них шла стена воды. Пенящаяся, мутная, она мгновенно заполнила минуту назад сухое русло, подхватила ошеломленных людей и понесла их, крутя и швыряя. Ар-Раби, мертвой хваткой вцепившись в поводья лошади, пытался и удержаться на плаву, и править к берегу. Черноволосая голова Арколя то пропадала, то вновь показывалась над ревущей водой; Сыч что-то выкрикивал, но грохот внезапно ожившей реки перекрывал его голос. Все они были застигнуты врасплох; здесь, в пустыне, они ждали песчаных бурь и удушающей жары — а попали в самое настоящее наводнение. Только что мечтавшие о глотке воды, чтобы прополоскать саднящее от пыли горло, они захлебывались холодной, темной влагой, тщетно пытались совладать с разъяренной рекой, так не вовремя воскресшей. Она тащила их, не разбирая дороги и не особо церемонясь, не давая возможности перевести дух. И все же эльф успел заметить, что они были не единственными игрушками реки — невесть откуда взявшиеся, мимо проплывали стволы деревьев, какие-то не поддающиеся определению обломки, один раз сквозь пену мелькнула оскаленная пасть песчаного волка.

Закончилось это так же внезапно, как и началось. Вода в русле стала стремительно убывать, и через несколько минут пловцы оказались распластаны на дне. Отплевываясь, кашляя, они поднимались, все еще не веря случившемуся. Однако насквозь мокрая одежда, оборванные поводья в руках ар-Раби и Хэлдара, и слой жидкой бурой грязи, перемешанной с белыми мелкими раковинками, на дне опустевшего русла убеждали их, что наводнение им не пригрезилось.

— Если бы не мокрое исподнее, я решил бы, что сошел с ума! — Сыч подошел к Арколю, ошалело сидевшему в грязи, и помог магу подняться.

— Ух ты… — маг с трудом переводил дыхание, он наглотался воды и выглядел почти испуганным. — Хэлдар… она неуправляема, так?

— Так. — Отозвался эльф через несколько минут; он стоял на коленях, опираясь руками о землю — за минуту до окончания наводнения его крепко задело массивным деревянным обломком, и теперь ему было все еще не по себе. — Я слышал тебя и пытался сам, а потом меня славно съездили по загривку, не то креслом, не то столом… И впрямь — Проклятые земли…

— А где же вода? — спросил орк. — Пролилась где-то там грозой, точнехонько в прежнее русло, и что?

— А кто знает? — пожал плечами проводник. — Откуда

пришла, туда и ушла. Лошадей унесло… жаль. Я вам говорил, бесполезно искать здесь привычного смысла, здесь и время, и пространство, и причинность — все как с ума посходило. И все ваши заклинания вряд ли помогут. Хэлдар, ты не потерял карту?

— Нет. — Поднявшийся на ноги, слегка пошатывающийся эльф вытянул из-за пазухи мокро поблескивающий сверток.

— Уже везенье. Ну что, выбираемся наверх? Пока опять не загремело. Посмотрим, что оставила нам река, и поднимаемся.

Оказалось, что река оставила не так уж много: большую часть припасов унесло вместе с лошадьми, чудом уцелели два кожаных мешка с водой, мешок с провизией, сверток с полотном, мечи орка и эльфа, еще несколько мелочей.

Выудив свои пожитки, оскальзываясь на быстро высыхавшей грязи, они поднялись по склону и увидели, что унесло их довольно далеко от того места, где они спустились; столпы-колонны еле виднелись где-то по правую руку, а сама равнина казалась до самого горизонта устланной белоснежными овечьими шкурами, курчавыми, плотными, чуть розоватыми. Идти по таким легко и приятно, как по рассветному облаку; бело-розовые, упругие на вид завитки так и манили сделать первый шаг, пробежаться, прилечь отдохнуть…

— Невозможно. Это соль.

И ар-Раби скривился.

— Придется вернуться. Здесь нам не пройти. Это застывшая соль, она проест подошвы за час, и примется за ноги. Даже если успеем выйти из солончака, идти босиком пока не хочется. Так что возвращаемся.

Еще до темноты они пришли к месту, где заканчивалась нежно-розовая соль, уступая темному, почти черному песку. Шли по самому краю обрыва, не решаясь спускаться вниз, избегая наступать на соляные наплывы. Дошли до первой колонны и опустились у ее подножия, почти без сил, голодные и злые.

— Все, ни шагу больше сегодня. — Ар-Раби оглядел своих спутников. — Нас встретили с таким вниманием, что не стыдно и отдохнуть.

— Надо же, — усмехнулся Арколь, передавая Сычу воду, — я так наглотался воды, пока она меня туда-сюда швыряла, что только сейчас вспомнил, что здесь пустыня и все время хочется пить. Ар-Раби, а мы с такими запасами сколько протянем?

— Не бойся, мэтр. Здесь часто встречаются оазисы, один на три дня пути уж точно.

— Предусмотрительно. Иначе ни один гость долго не протянет, а так, хоть какая-то надежда… — Хэлдар разложил карту на песке и пытался определить, куда их занесло. — Бьюсь

об заклад, ар-Раби, этот узор изменился. Я эту вышивку не первый день изучаю, так вот этих спиралей я не припоминаю, — палец эльфа указывал на завихрения черно-оранжевых полосок в центре, — потому что их не было…

— Все может быть, — невозмутимо отозвался проводник, подавая эльфу горсть подмокших фиников, — изменились земли — изменилась и карта. А теперь советую поспать, хоть немного. Здесь всему свое время: пока пропускают — идем, нет такого доверия — отдыхаем. Чем больше уважения к Арр-Мурра, тем дольше продлится твой день.

И ар-Раби уселся, прислонившись спиной к теплой на ощупь колонне, и мгновенно задремал. Спутники последовали его примеру и вскоре все четверо спали, впервые за последний месяц обычным усталым сном.

Проснулись они незадолго до рассвета, почти одновременно, как по команде. Оказалось, что все четверо здорово замерзли, возможно, именно это почти позабытое ощущение и заставило их прервать сон.

— Скоро рассвет, — Арколь указал на светло-карминную полоску вдоль края небес. — Что прикажешь, ар-Раби? Яму копать или еще что?

— Неужто не выспался? — язвительно поинтересовался Сыч. — Эдак мы тут надолго задержимся.

— Не задержимся. Чем выше солнце, тем холоднее в тени, — проводник указал на начинающие расти тени колонн. — Я думаю, если не выходить из тени, можно идти хоть весь день.

— А куда идти-то? — Арколь озирался по сторонам. — К тем колючкам?

— Не стоит, слишком уж они… — ар-Раби не закончил, словно боясь обидеть кого-то неосторожным словом. — Идем лабиринтом теней, а заросли попытаемся обойти.

Действительно, идти в тени каменных столпов оказалось возможным даже днем; но именно и только идти, поскольку там было настолько холодно, что дыхание стыло на губах и стоило остановиться, как начинала колотить ознобная дрожь. Греться же на полуденном солнце Арр-Мурра никто не осмелился. Только Сыч сообразил насыпать в куски полотна раскаленный песок, свернуть их, засунуть за пазуху и хоть так согреваться. Они шли и шли, стараясь не слишком забирать влево, в сторону солончака; передвигаться по лабиринту теней оказалось не так просто — зачастую четкий узор теневых дорожек терялся из виду, иногда его заслоняли каменные столпы, сказывался и неестественный холод. У всех четверых путников, успевших привыкнуть к жаре, после полудня заметно утяжелился шаг; Арколь, никогда не

живший в холодном климате, однажды даже сделал попытку прилечь и подремать у подножия каменного исполина, и друзья с трудом смогли растолковать ему, только сонно хлопавшему глазами, что со сном придется подождать. После этого он решил выйти отогреться на солнце и ар-Раби с трудом удержал его от этого: «Вот как хватит тебя удар и что нам с тобой делать? Этому солнцу половины минуты хватит, чтобы тебя свалить, ты и так ошалел и обессилел. И я не поручусь, что даже твое молодое сердце выдержит такое…»

У всех четверых путались мысли, слова замерзали на губах, волосы эльфа заиндевели и стали похожи на седые мхи одайнских лесов.

— Что за злая ирония… — слова вылетали хрусткими льдинками, ломались, трескались, в кровь раня сизые губы Хэлдара. — Замерзать насмерть в пустыне…

— Ага… если бы я не боялся, что мои легкие разлетятся на сотню ледяных осколков, то славно посмеялся бы, — через силу ответил ар-Раби.

— Вы только посмотрите на себя! — Сыч подул на ладони и потер свои побелевшие уши. — В двух шагах песок в стекло плавится, а они трясутся, как февральские птички на ветке…

И, спрятав руки подмышками, он негромко пропел:

— Мне суждено от жажды умирать
У родника,
Дурачить время, строя замки
В облаках,
Мне греться лютой стужей,
Стылым льдом…

— И на чужбине обрести родню и дом… — подхватил эльф.

— Лишь для меня горчит полынью
Мед,
Мне ведомо, как пламя переходят
Вброд,
Как лапка кроличья свершает
Чудеса…

— И как верны твои невинные глаза! — они допели вместе, не обращая внимания ни на обжигавший горло ледяной воздух, ни на то и дело пересекавшееся дыхание. У этой давней песни Сыча, одновременно и горестной, и насмешливой, выпущенной в

сумасшедший воздух Арр-Мурра, был странный смешанный вкус — эльфьей и орочьей крови, сочившейся из потрескавшихся губ поющих.

— Словно альв прикусил язык ненароком… Давненько я такого не слышал…

Даже такой мороз не выстудил в них способности удивляться; обернувшись, они не сразу разглядели говорившего — и не мудрено, поскольку он сидел на верхушке одного из столпов, скрестив ноги и опираясь локтями на колени. Рядом с ним лежал деревянный посох и стояла деревянная же чаша, отполированная до теплого золотистого блеска. Одет незваный гость был незамысловато и просто, на голове его было такое же, как и у четверых путников, белое покрывало, прихваченное свернутым из пестро расшитого платка жгутом. Но на нем оно казалось только проявлением вежливости к пустыне, данью традиции, которую нарушать слишком хлопотно — объяснений не оберешься. Он сидел и смотрел вниз, щуря спокойные серые глаза и едва заметно улыбаясь.

— Любопытная у тебя привычка, сударь орк, — чуть помирать собрался, или еще какое небольшое затруднение — сразу петь. Это ты себя подбадриваешь или беде зубы заговариваешь?

Задав вопрос, Пьющий Песок легко поднялся, расправил плечи, подхватил посох, допил воду из чаши и убрал ее в видавший многие виды дорожный мешок. Потом он слегка кивнул головой стоявшим внизу в тени — мол, нам пока по пути, — и шагнул прямо в воздух. Замерев, путники во все глаза смотрели, как он медленно, растянув шаг до невозможных пределов, перемещается к стоящему на расстоянии двух десятков шагов каменному столпу. Потом так же невозмутимо перешагивает на следующий; и именно, что не перелетает, не перепрыгивает — знай себе шагает, неспешно и спокойно.

— Ущипните меня, — не отрывая глаз от Пьющего Песок, попросил ар-Раби. — Или мы уже умерли и он провожает нас к месту упокоения, или нам неслыханно повезло…

— И он отведет нас туда же, — мрачно пошутил эльф. — Смотрите, он идет именно к тем милейшим колючкам. И я так понимаю, мы последуем за ним?

— Именно так, недоверчивый мой друг, — ар-Раби даже как будто отогрелся, заметно повеселел и приободрился. — За ним да побыстрее и прими мою благодарность, Сыч, — если бы не твоя песня, были бы здесь к вечеру еще четыре застывших столпа.

Торопясь, борясь из последних сил с омертвляющим холодом, спотыкаясь на застывших, онемелых ногах, они следовали за неспешно идущим в вышине проводником. Как ни странно, эта

дорога оказалась легче и быстрее уже пройденной — то ли потому, что день уже перевалил за половину и тени немного потеплели, то ли потому, что присутствие Пьющего Песок ощутимо согрело их. Во всяком случае, меньше чем через час они оказались у границы зарослей.

— Советую поторопиться, — бросив через плечо эти слова, Пьющий Песок, уже стоявший на земле, спокойно ступил под сень колючих, неприятно подергивающихся ветвей и через минуту скрылся; заросли расступались перед ним, да и он сам скользил меж ужасающих растений как змея…

— И что теперь?! — Арколь задал этот вопрос с непередаваемым возмущением. — Ничего себе проводник! Лучше бы он нам сразу по камню на шею повесил, пока мы в речке бултыхались!

Он стоял, все еще дрожа, шмыгая носом, и оглядывал своих спутников, таких же замерзших и недоумевающих. Даже ар-Раби казался озадаченным. Они всеми силами старались держаться подальше от колючек, и вот на поди…

— Еще и поторопиться велел! — кипел Арколь. — Помирать, что ли, побыстрее?!

— Это ты всегда успеешь, — неслышно вышедший из зарослей Пьющий Песок стоял, опираясь на палку. — Хэлдар, твое промедление становится непростительным.

— Неужели?… И что же я должен сделать? — судя по интонации, эльф был изрядно зол и растерян. — Летать — увы! — не умею. Ветер здесь звать в помощь? — опасно, еще песчаную бурю накличу. Пойти напролом и напороться на шипы? — тут он осекся, ибо память чересчур услужливо вернула его к тому давнему дню, когда в непроходимых лесах Нильгау погиб его отец, пронзенный острым ростком нутана.

— А еще ты можешь остаться здесь и перебирать все свои потери, вспоминать неудачи, заодно можешь пожалеть и пожаловаться. Когда надоест, можешь поискать дорогу.

Бросив этот совет, Пьющий Песок шагнул в заросли и исчез. Несколько секунд эльф с трудом удерживал себя, чтобы не броситься за ним, презрев все препятствия, и не вцепиться ему в горло. С огромным трудом, подавив это желание, Хэлдар повернулся к друзьям.

— Ну что, так и будем стоять? Ар-Раби, я думаю, нам стоит развести костер и отогреться; солнце заходит.

К счастью, рядом с колючими кустарниками росли и вполне обычные, не пытающиеся самостоятельно двигаться, пустынные колючки; из них путники и соорудили небольшой костерок и вскоре с наслаждением прихлебывали сладкий кипяток. Солнце

торопливо покинуло небо Арр-Мурра, окрестности заполнила тихая темнота.

— Ну что ж… — эльф поставил на песок кружку, придвинулся к костру, — за два дня эти земли неплохо позабавились на наш счет. Едва не утопили как котят, обобрали до нитки, потом попытались заморозить — посреди пустыни!. А в результате мы с радостью позволили загнать себя в самое гиблое место. Отсюда нам идти некуда.

— А придется. — Арколь привстал и напряженно вслушивался в спокойную тишину. — Тихо… Слышите?

— Нет… — Сыч, настороженно огляделся. — Тебе, часом, не померещилось?

— Хотелось бы… Хэлдар, да проснись ты, неужели не чувствуешь? Сыч?..

— Слышу. — Отозвался медленно поднимающийся эльф. — Слева в десятке шагов… и справа… А у нас из оружия…

— Пара мечей. — Сыч вытянул из-за голенища длинный узкий нож и перебросил его ар-Раби, сам же поднял лежавший под правой рукой клинок. — Твой и мой. Бывшему пирату с ножом сподручнее, так что ли?

— Бывших пиратов не бывает, — ар-Раби привычно ухватил нож, — как и бывших шлюх.

— Посветишь нам, мэтр Арколь? — хохотнул в ответ Сыч. — А то от этого посверкивания только темнее становится…

И действительно — к замершим у костра путниками медленно приближалась неровная цепочка огоньков, мерцающих бледно-синим пламенем.

— Рад помочь. — Негромко откликнулся Арколь. — А то они нас всяко разглядеть успели, а мы и не знаем, кто на ночь глядя припожаловал.

Маг вытянул руки, соединил кончики пальцев на уровне груди, негромко произнес нужные слова — и меж его ладоней зародился оранжевый огонек, с каждой секундой разгоравшийся все ярче и ярче, когда же он превратился в пылающий шар величиной с крупный померанец, Арколь выпустил его на волю. Шар завис на высоте велигорова роста и выхватил из темноты непрошеных гостей — и сразу стало понятно, почему они так упорно прятались от света и не спешили подойти поближе. Ни красотой, ни статью пришедшие не отличались; ростом они были не выше гнома, а обличием походили на оживший кошмар больной фантазии. Передвигавшиеся на двух конечностях, неприятно вывернутых в коленных суставах назад, существа имели еще по две пары длинных суставчатых отростков по бокам, ближе к голове, и непрестанно складывали и разворачивали эти

отвратительные подобия рук. На головы их и вовсе смотреть не стоило — вытянутые и изогнутые, рассеченные узкой щелью пасти, усеянной похожими на крючья зубами; при всем этом пасть располагалась вертикально. Гости переминались с ноги на ногу, не решаясь начать знакомство, молча распахивали и закрывали пасти, изредка высовывая длинные синие языки, посверкивая мелкими, собранными в грозди глазками. Было их около десятка — более чем достаточно.

— Хороши… — с непонятным удовлетворением протянул Арколь. — Ар-Раби, что скажешь?

— Лично вижу впервые. — С заметным сожалением ответил шаммахит. — Но наслышан. Очень прочный панцирь, уязвим в местах сгибов. Хорошо прыгают. Огня не боятся.

— Это что же, стражи здешние? — осведомился Сыч.

— Да нет, обычные трупоеды, — отозвался ар-Раби. — Наверно, следили за нами еще днем, надеялись, что к ночи мы как раз доспеем.

— Мда… Придется разочаровать ребяток… — Арколь выпрямился, опустил руки, замер в обманчиво расслабленной позе.

— Не геройствуй, мэтр, — ар-Раби предостерегающе поднял руку, — нам к себе внимание привлекать не стоит. Эти красавчики здесь не единственные живут, и, надо тебе сказать, они не из первых лиц будут. Так что постараемся…

Закончить он не успел. Сразу трое из ночных гостей нарушили мирную дистанцию и перешли в наступление — все так же бесшумно. Подпрыгивая над землей почти на весь свой рост, они набросились на путников. Не дожидаясь смерти самых любопытных — или нахальных, их сородичи поспешили присоединиться. Так что Арколю пришлось пренебречь предупреждениями проводника и вступить в бой. Длился он недолго и когда последний непрошеный гость замер на песке, судорожно подергивая суставчатыми конечностями, друзья перевели дух и переглянулись — и оказалось, что все что все четверо почти что рады… наконец-то произошло хоть что-то, в чем они смогли принять посильное участие.

— А ты уходить собирался, — укоризненно сказал магу орк, вытирая меч, избавляя его от густой серо-красной сукровицы. — Такое развлечение бы пропустили…

И тут темную прохладную тишину прорезал до содрогания неприятный звук — нечто среднее между истошным воплем и безумным хохотом. Звук этот пульсировал, усиливаясь, наполняя ночь тошнотворным страхом.

— А я предупреждал, не стоит здесь шуметь… Хотя теперь

уже не важно. Это приветствие кровяного червя — все слышали, я полагаю? — ар-Раби стер пот и кровь со лба.

— Что, все так плохо? — спросил орк.

— Как сказать… рассказывают только *слышавшие* его. *Видевших* нет. Кто услышал и смог сбежать — те выжили. Остальные…

— Ясно. А почему кровяной?

Внезапно все четверо почувствовали резкий запах полыни. В круге света показалось плавно льющееся по песку тулово, не отмеченное ни подобием головы, ни конечностями, все ровно багрового цвета, сочащееся мутной кроваво-красной жидкостью. Размеры даже этого видимого куска внушали нешуточное почтение.

— Хэлдар, тебе стоит поторопиться. — Сыч кивнул в сторону зарослей. — Какое-то время его удержим мы, потом колючки. Как с ними будешь справляться ты — уж не знаю, спой им, что ли… Да не стой ты столбом. Уходи.

— Нет. — Эльф покачал головой, облизнул пересохшие губы, поудобнее перехватил рукоять меча. — Нет. Моя кровь не краснее твоей, брат.

— Знаю. Но тебя, возможно, еще ждут.

Коротко вскрикнул ар-Раби — протянувшиеся по песку струйки крови червя добежали до его ног и мгновенно вытянулись тонкими жгучими струнами, оплели голени, стискивая, прожигая кожу, стреноживая. Отсеченные ножом, кровяные сгустки падали на песок и спешили вернуться в выпустившее их тело, и вновь потечь, извиваясь и шипя, к желанной добыче. Через несколько минут стало ясно, что не случайно среди видевших кровяного червя не было ни одного выжившего. Струйки крови все прибывали и прибывали, они взвивались в воздух нитями жгуче-липкой паутины, падали на плечи и захлестывали шеи… Воздух вокруг обороняющихся сгустился, наполнился тяжелым гнилостным запахом мертвой плоти, возомнившей себя живой. Мало-помалу путники стали отступать в сторону зарослей. Кровяной червь давил на них, не давая ни малейшей возможности пробиться к тяжелому тулову, порождавшему ядовитые нити.

— Хэлдар! — рявкнул орк. — Ты что же, оцарапаться боишься?

— Правее. — Со свистом выдохнул эльф, оглянувшись назад. — Нам правее.

— Что? — Арколь из последних сил удерживал чистым пространство над головами, рассыпая режущие искры; он был бледен, обильный пот наступающего бессилия стекал по вискам

— пустыня оставила ему совсем немного сил для подобных упражнений.

— Я вижу тропу. Она прямо за нами… — и эльф спокойно шагнул в неимоверное переплетение колючих подергивающихся ветвей. — Быстрее.

Последнее было излишним — задерживаться не собирался никто. Стараясь идти за эльфом след в след, путники один за другим шагали в заросли, на ходу стряхивая, срезая с себя кровавые нити. Червь тоже поспешил за ними, но, не имея ни глаз, ни их подобия, тут же напоролся на шипы длиной с добрую саблю и столь же острые. И остановился.

Они шли, как могли быстро, насколько позволяли иссеченные ноги и боль от тонких, длинных ожогов; впереди неслышно шел Хэлдар — почти не веря собственным глазам, он видел то, чего не замечали остальные — едва заметную, слабо светящуюся тропу под ногами. Она вела их сквозь заросли, позволяя оставаться целыми и невредимыми. Вела хитро, сглаживая повороты и минуя развилки, мало того, что безопасная — она была еще и быстрой.

— Ну, вот и пришли.

Все четверо, один за другим, вышли на открытый воздух. Впереди совсем близко неясно темнели очертания деревьев, слышался шум воды, ветерок донес не с чем не сравнимый запах свежей зелени. На усталых, измученных путников повеяло неясной, беспечальной благодатью, вроде той, которую дарят ранние осенние сумерки — все неотложные и важные дела закончены, отдыхай, живущий, набирайся сил… Тихо, умиротворяюще шелестела листва, шелково перешептывались мягкие травы у них под ногами, звезды заглядывали в зеркало маленького озера, а по берегам его уже начинали раскрываться бутоны ночных лилий, выпуская облачка серебристой пыльцы, пахнущей молодым льдом.

— Оазис… — еле слышно прошептал ар-Раби, хватаясь за орка, чтобы не упасть. — Хэлдар, во имя всех богов, почему ты не вел нас с самого начала?!..

Песнь Мастера

Я хочу быть.
Львом, мотыльком,
Светом и тенью,
Птицей и рыбой,
Стрелой и мишенью,
Старцем, юнцом,
Мудрецом, дураком,
Бурной рекой
И надежным мостом.
Я хочу жить.
Видеть, терпеть, ненавидеть и драться,
Ждать, вспоминать, засыпать, просыпаться,
Верить, любить, отдавать, принимать,
Хлеб преломлять и девиц целовать…

…В мире, дитя мое, нет ничего более постоянного, чем то, что все изменчиво. Я так думаю, что ты уже поняла это — на горьком личном опыте; беда только в том, что люди быстро забывают такие уроки или вовсе не осознают их… и тебе придется постигать эти вечные истины снова и снова. И хотя Адхара всегда говорил, что повторение суть мать учения, мне жаль тебя… ибо уж очень болезненны ваши уроки.

Так вот, если случалось такое, что, несмотря на все старания Драконов разогнать пустой воздух Междумирья, Мироздание вдруг застывало в опасном равновесии, — именно тогда в одном из Драконов просыпалась жажда перемен. Он понимал, что исчерпал себя как перводвигатель и строитель врат, и осознавал готовность принять девятую ипостась — стать Мастером, уйти в жизнь. Это решение не было вынужденным, хотя само Мироздание, не терпящее пустоты и постоянства, инициировало его; нет, любой истинный Дракон был счастлив, услышав в себе голос девятой ипостаси.

И он уходил, покидал восьмерку, оставляя преемника. И открывал глаза уже в каком-то из бесчисленных миров, оглядывался с любопытством, брал в руки посох, или меч, или перо, или погремушку — это зависело от воли случая — и отправлялся в путь познания жизни. И как только новый Мастер делал первый шаг, все остальные Мастера, застывшие в нетерпеливом и беспокойном ожидании в самых дальних краях Мироздания, выдыхали с облегчением и возвращались к своим

делам. Они терпеть не могли равновесия, оно действовало на них как зудение комара. А первые шаги Мастера были именно тем едва заметным колебанием, вслед за которым обычно следуют великие перемены.

…Еще не спишь? Давай, я поправлю плащ, тебе нельзя мерзнуть. К утру вода спадет, мы спустимся с крыши и я отнесу тебя к воротам монастыря, там найдется, кому о тебе позаботиться. Ну, слушай дальше.

Если Мастер умирал — а это случалось даже с ними — то вся полнота памяти оставалась с ним, когда он просыпался уже в другом мире. Впрочем, ему было совершенно необязательно умирать, чтобы переменить место обитания, он был волен войти в любой из миров, закрытых или открытых, неся с собой то, что кратко живущие называют волей судьбы. Мастер узнавал эту самую судьбу, какие бы обличья она не принимала — короля, мага, воителя… или беспомощной девчонки, барахтающейся в ледяной воде наводнения. Его делом было… ну, например, вытащить уже захлебнувшуюся девчонку, растереть шерстяной рукавицей, закутать в плащ и переждать рядом до утра, чтобы ей не было страшно и одиноко; а чтобы она не так скучала, рассказывать ей сказки…

Странствия Мастера длились целые эоны времени, но бесконечными все же не были. Наступал момент, когда он, познавший все в мире, становился готов стать самим миром. Он принимал последнюю смерть в одном из обличий, и вместо нового пробуждения возвращался к своей прежней драконьей ипостаси — становился Темным Драконом. Не Черным, не Бесцветным — именно Темным, чья темнота поглощает все цвета, как поглощает мать-земля тела умерших. Размерами он превосходил своих Истинных собратьев так же, как они превосходят обычную виверну. Темный Дракон удалялся подальше от обитаемых миров, и обретал покой. Он спал и грезил о всех чудесах жизни, которым был сам свидетель, и о тех, время которых еще не пришло. И он исчезал, истаивал, рассыпался во прах, и мельчайшие частички этого праха великий Ветер нес и рассеивал в легком воздухе Междумирья, наполняя его и избавляя от пустоты. Все, что только было в Мироздании, все было создано из праха Темных Драконов. Ну вот, ты и уснула наконец…

— Не-а… — она разлепила пересохшие губы, облизнула их. — Какая интересная сказка. Только очень сложная. Спасибо тебе…

— За что? — прищуренные серые глаза вспыхивают улыбкой. — За то, что я подарил этому миру немного надежды? Или за то, что уступил тебе теплый плащ?

— За сказку. — Она закашлялась, завозилась под плащом. — Если не забуду, буду ее детям рассказывать.

— Ишь, чего захотела. К утру ты ни слова не вспомнишь. Забудешь все, даже мое имя. И если доведется нам повстречаться, ты посмотришь в мою сторону своими замшевыми серыми глазами, мило улыбнешься и спросишь — не знаете, кто это?

— Конечно, спрошу. Сам-то ты мне своего имени так и не назвал.

— Неужели? — он тихо смеется и плотнее укутывает ее плащом. — Неужели не назвал?

Глава шестая. Хозяйка Арр-Мурра

— …Так они и лежат. И давай уже решать, что делать будем. — Амариллис закончила рассказывать Чиро о произошедшем и выжидающе смотрела на эллила.

— Ну и дела. — Эллил покачал головой. — Откуда же мне знать? Не сердись, Ами, я и впрямь мало что смыслю в здешнем устройстве. Вот Фолькет, тот да…

— Ну, от него сейчас мало проку. Успокойся. Ты здесь испокон веку живешь, не может быть, чтобы ничего не знал.

— Ты права. — Чиро вскочил на ноги, снова сел и снова вскочил. — Итак, с чего начнем?

Как только Амариллис убедилась в том, что ни Гарма, ни Фолькета ей не разбудить, она покинула покои Восточных Врат и поспешила найти сына, игравшего под присмотром Чиро в доме эллилов. Схватив мальчика в охапку, она долго простояла так, зарывшись носом в его волосы, покачивая его легкое тело. Судри, видимо почувствовав серьезность момента, прижался к ней и — как всегда, когда они были вместе — Амариллис почувствовала себя защищенной и сильной. Эллил не мешал им, хотя сам был изрядно взволнован, ибо уже не раз видел, чем заканчивались попытки Гарма открыть Восточные Врата, и полынный запах крови был ему слишком хорошо знаком. Но он терпеливо дождался, пока Амариллис успокоится, отпустит мальчика бегать и присядет на траву. Сев напротив, он протянул ей чашу с родниковой водой — а вода в роднике эллилов была на редкость вкусна и пахла зелеными яблоками, — и приготовился слушать. Не вдаваясь в подробности своих собственных переживаний, девушка рассказала Чиро обо всем произошедшем. Посоветовавшись, они согласились, что не будут трогать Гарма и его привратника; Чиро с помощью сородичей решил принести в покои пару низких легких деревянных кроватей, чтобы богу и цвергу спалось спокойнее и уютнее. Гораздо сложнее было придумать, что же делать с куполом, защищавшем личный оазис Гарма.

— Амариллис, я думаю, что в твоих силах защитить не только Дом Богов, но и весь Арр-Мурра, — эллил выразительно посмотрел на кольцо с алмазом темной крови.

— Если бы я могла направлять эту силу, то — да, — согласилась танцовщица. — А так я только сама купаться в ней могу, да еще другим передавать. Могу тебе передать. Сладишь?

— Да ты что?! — Чиро так замахал руками и крыльями одновременно, что даже приподнялся над землей. — Куда мне…

У меня таких прав нету.

— Хотела бы я знать, у кого они вообще есть, — удрученно проговорила Амариллис. — Так что с куполом?

— Боюсь, что ничего хорошего. Он творение Гарма, поддерживался исключительно его волей. Думаю, что вот так сразу, в одночасье, он не исчезнет, но будет постепенно ослабевать, как догорающая свеча.

— А когда совсем погаснет?

— А вот тогда, моя храбрая девочка, вам с Судри придется переселиться в мой дом. Навсегда. Здешний закоулок так просто не найти, что бы ни происходило там, — Чиро говорил и о пустыне, и обо всем Обитаемом Мире сразу, — в моем доме вам будет хорошо. И знаешь — я уверен, что вам обоим пойдут крылья.

Не говоря ни слова, Амариллис протянула к эллилу руки, обняла его — крепко-крепко, и замерла так ненадолго. Потом мягко отстранилась, стерла с лица Чиро холодные соленые капли.

— Благодарю тебя. Но мы не будем торопиться, ладно? Может, все еще переменится? Может…

— Все еще ждешь его? — эллил сочувственно покачал головой.

— И никогда не перестану. — Улыбнулась Амариллис. — Ну, хватит бездельничать. Пойдем, покажешь границы моих владений. А то я за все время так и не удосужилась их обойти. И вот еще — что нам делать с остальной детворой? Вернуть их всех домой, в такие же закоулки?

— Так они не у всех есть. Водяной здешний. Саламандры с Полуденных Песков, я туда не пойду, туда только сам Гарм мог дойти. Фей отведем домой.

— А троллей? — надо сказать, тролли были любимцами танцовщицы, она ценила их спокойный, добрый нрав и вежливые манеры.

— А вот с ними сложнее. Гарм привел их из внешних пределов. Ты уже знаешь, в здешних развалинах полно порталов, Гарм умел ими пользоваться, чувствовал, если они менялись местами. Знаешь, пусть они остаются с вами. Судри с ними дружен. А потом… что ж, думаю, здесь им тоже понравится.

На том и порешили. Отдохнув немного, Амариллис поднялась, попросила эллилов присмотреть за Судри, сказала сыну, что скоро вернется и отправилась вместе с Чиро к границам Дома Богов. Однако не успели они спуститься по мраморным ступеням беседки, заросшим мягкой травой, как послышался легкий топоток и из зарослей бузины вынырнул Судри.

— Я с вами, — заявил он тоном, не предполагающим

возражений. Амариллис и Чиро переглянулись и спорить не решились. Втроем они быстро дошли до поляны, где обычно играли дети, и направились дальше. Сад оказался довольно большим, но идти под древесными кронами, в прохладной ласковой тени, было одно удовольствие — если бы не конечная цель прогулки. Скоро стало очевидным, что вел их Судри — сами того не замечая, старшие шли туда, куда он направлял их. Когда деревья уступили место низкорослым кустарникам и рыжей выгоревшей траве, воздух заметно потеплел. На окраине оазиса дыхание пустыни несильно, но все же ощущалось.

— Скоро вечер. Сегодня не стоит долго здесь разгуливать, давай хотя бы посмотрим на эту самую границу, а завтра вернемся, пройдем вдоль нее, — предложила Амариллис.

С ней согласились. Кусты встречались все реже и реже, под ногами поскрипывал песок; вскоре они увидели вдалеке цепь ржаво-рыжих скал.

— Мы пришли, — Судри потянул Амариллис за рукав. — Мама, стой!

— Куда пришли? — переспросила Амариллис, но все же остановилась и принялась внимательно оглядываться. Не сразу, но она заметила — будто самое прозрачное из шаммахитских покрывал растянули в воздухе. Когда она осторожно прикоснулась к куполу, он пропустил ее пальцы без малейшего напряжения.

— И как же эта паутинка могла нас защищать все это время? — недоуменно спросила она.

— Думаю, для тех, чьи намерения откровенно кровожадны, купол настроен не столь дружелюбно.

Словно в подтверждение словам эллила, из-за ближайшей скалы показался тарантул — ростом примерно с откормленную кошку. Он устремился прямо к стоявшим за куполом и передвигался настолько резво, что они и ахнуть не успели, как паук-переросток со всего размаху ударился о «паутинку» будто о каменную стену. Тарантул завертелся волчком, то ли по инерции, то ли от недоумения. Потоптался, подумал — и отправился восвояси, в скалы.

— Ох… — перевела дыхание Амариллис. — Экий шустрый… Пойдемте-ка домой, уже вечереет. Не хочется раздражать тех, кто здесь выходит гулять, на ночь глядя. Судри, бери нас за руки — и пойдем.

Не без протестов, Судри позволил себя увести — судя по всему, его ничуть не пугала перспектива увидеть воочию ночных жителей Арр-Мурра; он вообще был довольно любознателен, если не сказать любопытен.

Укладываясь спать, Амариллис, немного смущаясь, обратилась к эллилу:

— Чиро, я буду тебе очень признательна, если ты согласишься ночевать в нашей комнате. Так как-то уютнее. На моей кровати места хватит десятерым таким как ты. Не против?

— Конечно, нет. — Эллил успокаивающе погладил девушку по руке.

На следующий день, с утра пораньше, они — опять втроем — обошли границу оазиса. Когда они вернулись к ней через пару дней, оказалось, что она довольно заметно сдвинулась, в сторону сада.

— Мда… Владения мои тают на глазах… — мрачно протянула Амариллис. — Если так пойдет и дальше, через месяц мы и носа не высунем за пределы твоего дома, Чиро. Иначе придется общаться с этими вот… — и она кивнула в сторону своры неприятно крупных насекомых, дерущихся неподалеку из-за мелкой добычи.

— Если только Гарм не проснется.

— Ну, на это рассчитывать не приходится. Чиро, может, ты ловушки делать умеешь?

— Не умею. Да и не напасешься их, по всей-то границе расставлять. Хотя… Страшно даже подумать, кто здесь по ночам разгуливает.

— А ты их видел? — поежилась Амариллис.

— Некоторых сподобился. Не буду тебе ничего рассказывать, зачем пугать впустую. Но учти — как только граница зайдет за деревья сада, я уведу вас с мальчиком к себе. Против здешних тварей мы бессильны. Слишком их много, да и добрым нравом они не отличаются.

— Зачем же Гарм их наплодил? — брезгливо поинтересовалась танцовщица. — Нет бы цветочки развел…

— Скажешь тоже — цветочки. Амариллис, скучающий молодой бог — это, скажу я тебе, та еще напасть. Да и не всех он сам создавал, многих сквозняком занесло. Ну, нагляделась? Пойдем-ка отсюда.

Дни шли один за другим, торопясь, не задерживаясь. Каждое утро Амариллис приходила к границе безопасных земель и смотрела, насколько далека теперь поставленная накануне вешка.

«Хозяйка Арр-Мурра… тоже мне хозяйка. Хозяек из дому пинками не выгоняют. И что за нелепость — носить эдакую силищу в колечке и не уметь ничего с ней сделать». Амариллис пока никому в этом не признавалась, гнала эти мысли даже от себя — но ей было очень тяжело. А временами попросту страшно. Особенно тяготило бессилие, как назло оттененное сознанием

невероятного могущества, остающегося только лишь возможностью. Она оказалась в тупике, из которого не могла даже попятиться назад. По нескольку раз на дню она принималась терзать себя сомнениями и сожалениями; пыталась вызвать вовне силы камня — он слышал ее, откликался… и Амариллис понимала, что она сама в полной безопасности, что камень уничтожит любого, посмевшего посягнуть на нее — но не более. Ничего более с его помощью она сделать не могла.

Спустя две недели после того, как уснул Гарм, Чиро отвел всех, кроме троллей, по домам. Саламандры, оказавшись не робкого десятка, отправились в свои Полуденные Пески сами; их отпустили спокойно, поскольку девочки были довольно кусачие и в случае чего могли постоять за себя. В Доме Богов остались Амариллис с сыном, Чиро и его сородичи, которые почти никогда не покидали пределов своего дома, тролли. И старушка мшанка.

— Послушай, Чиро, — Амариллис сидела, расчесывая волосы, у окна, недоверчиво глядя в спокойно шелестящий сад, — Здесь есть оружие?

— Оружие? — недоуменно переспросил Чиро. — Какое? И зачем тебе?

— Ну хоть какое. Я только танцевать с ним училась, и Рецина говорила, что мне только деревянные кинжалы в руки давать можно, а настоящими я или убьюсь или покалечусь… Все равно. Так есть или нет?

— Надо поискать. — Чиро пожал плечами. — Утром поглядим.

— И еще. Когда Фолькет объявился, меня Гарм водил в Шибальбу. Через портал. Я помню эту комнату. Может, стоит попробовать еше раз?

— Ни в коем случае! — Эллил даже подпрыгнул от волнения. — Забыла разве — здешние двери редко когда ведут в одно и то же место. Тогда это была Шибальба, в этот раз может оказаться открытое море — и заранее не узнаешь, что именно.

— Знаешь, Чиро… — Амариллис отложила расческу, села, обхватив руками колени. — Мне это очень не по нраву — вот так просто сидеть, смотреть, как купол съеживается. И ничего не делать. Что я за хозяйка такая?!

— А что ты можешь сделать? Зачем корить себя, Амариллис? Другая на твоем месте давно бы закрылась на замки-засовы и плакала бы день напролет. Жалела бы себя.

— Ну, это не про меня. Если бы Судри был постарше…

— То что? Собрала бы еды в дорогу и отправилась бы домой, на север? Сквозь пески и пустоши?

— Не исключено. Чиро, я бы хоть попыталась убежать! А

здесь… сижу в мышеловке и смотрю, как медленно захлопывается дверца.

На следующий день все оставшиеся в оазисе собрались в саду, на поляне под огромным деревом, в корнях которого жила мшанка. Дети играли, бегали наперегонки, брызгались в ручье; Амариллис прикидывала, на сколько еще хватит купола. Устав сидеть, она поручила малышню мшанке и в одиночку отправилась проверить, не сдвинулась ли граница с утренней отметки. Она отошла довольно далеко, голоса детей почти не доносились до нее, но вокруг все еще были деревья — утром она сама поставила вешку на пустоши, поросшей ползучим кустарником.

Она шла, отводя с тропинки ветки, иногда смахивая с лица паутинки. Остановиться ее заставил не громкий треск, и не утробное бульканье, а резкий отвратительный запах паленой кожи; через мгновение прямо из зарослей диких вьющихся роз на нее выкатилось создание, более всего напоминающее непомерно откормленную свинью, состоящую в близком родстве с ежами. Почти круглое, гремящее игольчатой щетиной создание весьма быстро передвигалось на своих коротеньких лапах, с бульканьем выдыхало смрадный воздух, распахивая широкую пасть, и озиралось, одновременно недоуменно и радостно. Так, должно быть, выглядит лис-куроед, нежданно-негаданно угодивший в никем не охраняемый курятник. Увидев Амариллис, существо сначала замерло, примеряясь к размерам и доступности ранее не виданной добычи, а потом, не мешкая, бросилось с явным намерением вцепиться ей в ноги.

Первой реакцией девушки был совершенно непотребный бабий визг, противный и трусливый, вырвавшийся у нее помимо воли. Амариллис отпрыгнула и завизжала, демонстрируя игольчатой свинье готовность стать ее обедом. И алмаз темной крови не защитил девушку, будто оглушенный ее визгом. Но она и не ждала помощи от него, ей и думать об этом было некогда. Амариллис рассердилась, прямо-таки рассвирепела — и на свинью, и на себя. Не очень понимая, что делает, девушка шагнула в сторону чудища, выкрикивая самые разные слова, вроде «тварь ты эдакая» и «погань вонючая». Свинья несколько опешила и остановилась. А танцовщица — маленькая, босая и безоружная — продолжала наступать на нее, топая ногами. Чудище присело на задние лапы, готовое удрать, и тут Амариллис, резко замахнувшись, будто швырнула в ее сторону что-то, зажатое в кулаке. И хотя этот замах был неподдельно искренним, у девушки не было ничего, что могло бы сойти за оружие… даже палки.

…Сказать, что от свиньи осталось мокрое место было бы неверным, ибо земля, где она только что сидела, обуглилась. А алмаз, выпустив волю своей хозяйки, потеплел, будто обрадовался, что она вновь доказала ему, что слопать ее непросто.

Сделав еще несколько шагов по инерции, Амариллис развернулась и вновь пошла в сторону границы оазиса, словно случившееся было рядовым, привычным эпизодом. Однако прошла она немного; колени ее задрожали и она, пошатнулась, бессильно опустилась на траву, прислонилась спиной к дереву. И заплакала, горько, безутешно заплакала.

Я не могу больше. Не могу. Силы мои на исходе — неужели ты не чувствуешь этого? Мне страшно. Мне одиноко. Где же ты? Я не могу больше справляться без тебя. Я не могу больше просто — без тебя. Мой свет гаснет, я не в силах удержать его одна. Как мне позвать, чтобы ты услышал меня? Погребенную в самом сердце проклятых земель, оставленную без помощи и надежды на спасение… Где ты?.. Хэлдар! Где ты?..

— Мама… — Амариллис резко отняла руки от лица — рядом с ней стоял Судри. — Не плачь, я пришел.

Амариллис уже привыкла, что ее сын мог оказываться в нужном ему месте почти мгновенно; она поняла, что резкий всплеск ее отчаяния не остался незамеченным, — Судри был необыкновенно чуток. Ощутив ее страдание, он тут же побежал к ней — утешением и спасением. Она обняла его, усадила к себе на колени, и постаралась успокоиться. Когда ей почти удалось справиться со слезами, с той стороны, где деревья уступали место пустынным кустарникам и теплел воздух, где тропа сворачивала круто направо, послышался шум и треск. Кто-то направлялся прямо к ним, шагая напрямик и напролом, торопясь и не прячась. Амариллис замерла, стиснув сына, потом медленно встала, отодвинула его за спину и приготовилась разобраться с еще одним охотником до даровых обедов. Бежать было поздно. Она была на пределе сил; отчаяние и боль горели в ее глазах, превратив их в расплав серо-синего стекла.

Хруст веток раздался совсем близко; еще несколько шагов — и гость, продравшись сквозь заросли, почти что выбежал из-за поворота прямо на Амариллис.

…Он впервые видел ее такой — дрожащей от еле сдерживаемого гнева, готовую биться до последнего вздоха, измученную — и опасную. Мать, закрывшая собою ребенка, будь то волчица или зайчиха, — все равно; только изверг нападет на такую. Он извергом не был и поэтому остановился. А она смотрела на него, не веря глазам, все еще готовая сражаться и

умереть. Он шагнул вперед, протянул к ней руки.

— Амариллис… ты звала меня. Я пришел.

И, не дожидаясь ответа, шагнул к ней, и успел подхватить падающее, покинутое сознанием тело.

Амариллис успела только почувствовать то, что чувствует перетянутая струна, перед тем, как порваться, и тут же у нее в глазах потемнело, мягко зашумело в ушах, земля поплыла из-под ног, и воздух отказался вдыхаться. Она успела только поверить своим глазам и стала тонуть в чем-то пышном, легком… И пришла в себя, лежа на теплой земле. Взгляд ее, недоуменный и рассеянный, остановился на лице эльфа.

— Это… ты?!

Он помог ей подняться, придерживая за плечи, усадил, отвел с лица пряди волнистых перепутавшихся волос. И будто не было ничего — ни пустыни, ни причуд скучающего бога, ни тоски безнадежного ожидания. Они снова были вместе. И все встало на свои места.

— Как ты сюда попал? — она провела пальцами по его непривычно смуглой щеке, разглаживая тонкие морщинки в углах рта.

— Пришел, — насмешливо улыбнулся эльф в ответ. — Вот как он, — и кивнул в сторону Судри, подошедшего к Амариллис с чашей воды.

— Или ты думала, что все самое хорошее у сына от тебя? — Хэлдар притянул мальчика к себе, обнимая за плечи. — А я так, не у дел остался… Пей, Амариллис. Здесь от воды отказываться как-то негоже. И пойдем, покажешь мне здешний дом.

Она пила холодную воду, глядя на них — удивительно похожих, светлых, сильных… ей думалось, что вот сейчас самый подходящий момент зарыдать, или снова упасть в обморок, или сказать что-нибудь такое, запоминающееся. И не могла. Потому что все действительно встало на свои места, и не нужно было лишних трескучих слов, и слезы вдруг враз закончились. Все так, как должно быть, хорошо и правильно. Поставив чашу наземь, Амариллис потянулась к эльфу, прижалась к нему, уткнувшись носом — как она любила — в его шею. Судри сидел рядом, вполне спокойный и довольный, смотрел на них и как-то понимающе улыбался.

— Похоже, у Чиро прибавится постояльцев, — Амариллис оторвалась, наконец-то, от Хэлдара.

— Чиро? — вопросительно поднял бровь эльф. — Вроде как здешнего хозяина зовут Гармом?

— Гарм спит. Как говаривал Лорка, без задних ног. А Чиро — эллил, и наш большой друг. Пойдем, он, наверно, беспокоится.

Ну конечно, он беспокоился. Бегал по поляне, кругами вокруг дерева, так, что крылья трепетали, вне себя от тревоги — он и уйти не мог, оставив троллей на одну старушку мшанку, и оставаться в неведении был не в силах. Увидев выходящих из-за деревьев эльфа, девушку и мальчика, Чиро сначала замер, глядя на них во все глаза. Потом направился навстречу и за несколько шагов остановился, глубоко поклонился Хэлдару.

— Рад приветствовать и милости прошу, светлый господин.

— Здравствуй, младший брат, — Хэлдар улыбнулся и поклонился в ответ.

На этом церемонии были завершены. Чиро схватил Судри в охапку и принялся выговаривать девушке.

— И куда тебя понесло, скажи на милость?! Ишь, героиня выискалась! Я же говорил, купол в любой момент может дать трещину и неизвестно, что оттуда полезет!

— Подумаешь, свинья игольчатая вылезла, — пожала плечами Амариллис. — Ничего особенного.

— Похвальбишка, — засмеялся Хэлдар. — То-то ты ее в землю от страха забила. Давайте присядем под деревом и вы все мне расскажете. А я — вам.

* * *

Им понадобилось немало времени, чтобы действительно все рассказать.

— Так ты оставил их в оазисе? — переспрашивала Амариллис. — Сыч жив? А Арколь?

— Все живы, не беспокойся. Сильнее всех досталось ар-Раби, но он справится. Оазис поможет ему.

— Хэлдар, как Сыч… — Амариллис не закончила вопроса.

— Не простил и не смирился. Но не озлобился, — тихо ответил эльф. — Радость моя… — и еще крепче обнял ее.

— Хэлдар, — эллил озадаченно пощипывал свое крыло, — как я понял, у вас с сыном схожие способности — находить короткий путь? Причем на небольшие расстояния вы можете проводить с собой еще кого-то…

— Да. Но в долгую дорогу спутников взять не можем.

— Когда ты узнал об этом? — Амариллис выглянула из-под руки эльфа. — Раньше за тобой такого не водилось, всегда был такой неторопливый, никакого терпения не хватало.

— Просто ты всегда слишком спешила. Даже для человека, — поддразнил ее эльф. — Я узнал об этом всего два дня назад.

И он рассказал им о событиях той ночи, когда их скромную

стоянку почтил сам кровяной червь; при упоминании о нем Чиро передернуло, и он с ужасом посмотрел на Хэлдара.

— Как вам удалось выжить? Это невозможно! То есть…

— Так и есть. Но именно тогда, когда я понял, что в этой битве нам не победить, и похоже вот оно и пришло, мое время умирать, — тогда я понял, что пока что и сам умирать не собираюсь и более того — на смерть не имею права. Сыч был совершенно прав, напомнив, что меня ждут.

— Неужели ты в этом сомневался? — и Амариллис несильно дернула эльфа за прядь выгоревших, белесых волос.

— Именно тогда я впервые увидел тропу. Видимо, надо было дойти до края отчаяния и понять, что это еще не Край Света.

— А Судри умеет видеть тропы с рождения. Что ж, теперь есть кому за ним приглядывать. Послушай, а я ведь тоже видела этого вашего… Пьющего Песок. Значит, это он научил тебя видеть тропы…

— Скорее, заставил меня вспомнить, что я сам умею это делать. Я никогда не говорил об этом, но в детстве у меня получалось что-то похожее на то, что проделывает наш сын. А потом забылось за давностью лет.

Они просидели так до вечера, разговоров было много, и еще больше — желания не расставаться даже на минуту, быть рядом до скончания века; когда солнце медленно, нехотя покатилось к западу, Амариллис спросила:

— Ты так и не рассказал, как же смог попасть сюда. И что это за оазис, где ты оставил Сыча, братца и вашего проводника?

— Оазис? Чудесное место. Если бы не столь неприглядное окружение, я и сам постарался бы почаще там бывать. Не беспокойся за них, Амариллис. Да, все мы устали, измучались этой дорогой, но там даже воздух кажется целебным; обычная озерная вода заживляет раны, а зирэ растут в таком изобилии, что никаким болезням не устоять. Когда я оставил их, они лежали на траве в прохладной тени деревьев, дремали… боюсь, я нарушил их покой… Ты так отчаянно звала меня, радость моя, что я не удержался — кричал, звал тебя в ответ, словно ты могла услышать. Я почувствовал, что сердце мое разрывается от тоски по тебе… Возможно, именно горе добавило мне зоркости, и я смог увидеть тропу, все ее извивы и петли, она плыла в воздухе как туман над водой, скручивала пространство…

— Как ивовый прутик… — подсказал Чиро.

— Если не легче. И она была моей. Не было этой тошной зависимости, как в подгорном коридоре, я чувствовал себя хозяином тропы, она вела туда, куда было нужно мне, сама стелясь под ноги. Она знала, что делать. И привела меня к тебе,

фириэль.

Поздним вечером они сидели вдвоем на широком низком подоконнике, поглядывая на детскую кровать, где крепко спал намаявшийся за день Судри.

— Признайся, ты был удивлен… — Амариллис не договорила.

— Еще бы. Я рассчитывал увидеть колыбель и младенца в пеленках…

— Я тоже, знаешь ли. Конечно, Гарм предупредил меня, но когда я увидела нашего сына впервые — наверное, даже испугалась. Но Судри стоило просто посмотреть на меня… — голос ее прервался. — И он пошел ко мне, понимаешь — пошел ко мне…

— Не плачь. — Хэлдар обнял. — Я так хотел бы сказать, что все наши беды закончились… Но как бы там ни было — теперь мы вместе. И завтра будет новый день. И ты проснешься рядом со мной. Это я могу обещать тебе даже здесь.

— А больше ты мне ничего не пообещаешь? Например, что вот так сразу уснуть ты мне не позволишь…

— Как это чудесно, Амариллис, — тихо засмеялся Хэлдар, — обещать то, что так легко и сладко выполнить…

…Я могу опустить плотный шелковый полог, и он спрячет нас с тобой, отгородит наше ложе от всего мира. Я могу зажечь свечу, и она затеплит маленькое золотое солнце в изголовье. Я могу присесть на край постели рядом с тобой, и смотреть, как светится вечная весна в твоих глазах…

…Я могу прикоснуться к светлой путанице твоих волос, и ты прильнешь к моей ладони. Я могу целовать твою нежную шею, слыша, как учащается твое дыхание. Я могу забыть о себе и чувствовать только тебя…

Опрокинулась в небо луна — серебро через край.
Отогрей мое сердце, красавица. Не обжигай.
Разольется холодным закатом усталая кровь.
Говори со мной тихо, любимая. Не прекословь.
Сам я путь выбирал — от беды до беды.
Одари меня лаской — тише травы и слаще воды…
Вспоминай меня. Этого хватит, чтобы жизнь уберечь.
За щитом твоей нежности не страшны ни проклятье, ни меч…

…Что значит, «хорошие песни твой побратим сочиняет»?!.. Опять вся слава Сычу!.. Это моя песня, *фириэль*… Для тебя.

Поздним утром, оставив сына играть в доме эллилов, Хэлдар попросил Чиро и Амариллис:

— Я хочу увидеть Гарма. И эти Врата, из-за которых он так

беспокоился.

Они открыли покои Восточных Врат, тихо, стараясь не нарушать покой спящих, вошли внутрь. Хэлдар опустился на колени рядом с низким ложем бога, долго смотрел на него. Потом подошел к стене, скрывающей так и не поддавшиеся Врата.

— Это здесь?

— Да. Ты бы видел, что тут творилось, когда он их открывал.

— С твоей помощью?

— Так ведь он ее так и получил. Понимаешь, Гарму нужна была сила камня, *моя сила* — ума не приложу, кому пришло в голову наделять пигалицу вроде меня эдаким могуществом.

— Мотылек со слоном на поводке, — тихо засмеялся эллил, поправляя покрывало Гарма.

— Можно и так сказать. Я открыла алмаз темной крови — а что толку? Все вылилось помимо рук. Гарм не воспользовался самой малейшей частичкой того, что кипело в камне.

— Значит, не смог… — покачал головой эльф. — Уж если богу это не по силам, так кому же?

— Наверное, тому, у кого есть на это право, — ответила Амариллис. — Тогда вокруг бушевала такая мощь… если бы Гарм смог обратить ее тараном, никакая дверь бы не выдержала. Пойдем отсюда… не будем мешать спящим.

— *Ты ему не помешаешь, даже если запоешь во весь голос.*

Они вздрогнули и обернулись разом — настолько неожиданно прозвучал этот голос.

— Гарм сейчас очень далеко, и дозваться его будет непросто.

— Но ты уж постарайся, сынок. Ты ведь однажды вытянул его… издалека. Попробуй еще раз. Оно того стоит.

Каждый шаг вошедшего первым сопровождался переливом бесчисленных серебряных бубенцов. А второй… не так давно он сидел на вершине каменного столпа, слушая, как поют побратимы — эльф и орк.

Глава седьмая. Игра

Лимпэнг-Танг оглядывал комнату Восточных Врат с нескрываемой неприязнью; слишком тяжелые воспоминания она пробуждала.

— Ты неисправим, брат мой, — он подошел к ложу Гарма, опустился рядом на колени. — Но это слишком даже для тебя — разбивать голову об одни и те же Врата, и снова лежать в беспамятстве в этой проклятой комнате.

— Да, упрямый у тебя братец, ничего не скажешь, — Пьющий Песок стоял рядом, опираясь на посох. — Что ж… пусть полежит, отдохнет.

— Ну уж нет, — живо возразил Лимпэнг-Танг, — не для этого я пришел сюда.

— Как же так? — удивленно переспросил проводник. — Помнится мне, некий молодой бог не так далеко отсюда и не так уж давно давал зарок никогда не впутываться в дела своего чуть старшего брата.

— И что, разве от этого мир стал хуже? — с вызовом спросил Лимпэнг-Танг, — Я занимался тем, что радовало меня — и приносило радость людям.

— Это не так мало, — согласился Пьющий Песок. — И я не упрекаю тебя. Но и Гарм, при всей его одержимости и неразборчивости в средствах, не был злом для вашего мира. Пытаясь взломать клетку изнутри, он, сам того не зная, пытался спасти… Так чего же ты смотришь? Или все-таки оставишь брата спать?

— Нет. — Резко бросил Лимпэнг-Танг. — Но не здесь.

Он легко поднял брата на руки и понес к выходу. Пьющий Песок проследил за ним взглядом и обратился к стоящим неподалеку:

— Я думаю, он справится. Но проследить все же не помешает, раз уж я здесь.

Не успел он сделать и пары шагов, как с трудом сдерживавшаяся до сих пор Амариллис не выдержала.

— Во-первых, здравствуйте, милсдарь. Во-вторых, может, вы хоть назовете себя? И скажете, что собираетесь делать с Гармом? Он хоть и бог, но не совсем нам чужой…

Пьющий Песок обреченно вздохнул.

— Здравствуй. Я уже называл тебе свое имя, ты забыла его.

— Не может быть, как раз на имена у меня отличная память. Я даже лоркино имя помню — Лорка Аригетто Гвардастаньо деи Верджеллези да Сигинольфо, седьмой и младший сын графа

Манарди да Бреттиноро! И потом, что нам в вашем имени? Кто вы? Еще один бог?

Проводник пожал плечами — мол, не знаю, все может быть. И направился к выходу.

— А как же он? — Хэлдар указал на Фолькета, осунувшегося и походившего на плохо сохранившуюся мумию.

— Ну, раз ты за него попросил… — Пьющий Песок подошел к спящему цвергу, прикоснулся к нему посохом, от чего спящий дернулся как от удара. — Или пусть спит?

— Пусть спит. — Поспешно, в один голос ответили Амариллис и Чиро.

— Ты в меньшинстве, сынок, — пожал плечами проводник и направился к выходу. — И, пожалуй, они правы. Ты подал за него голос лишь повинуясь привычному долгу, не испытывая к нему ни любви, ни ненависти. Сейчас не время заниматься мелкими тварями… да и не к лицу нам с тобой как-то.

Переглянувшись, эльф, девушка и эллил последовали вслед проводнику. Они нашли божественных братьев в саду, под тем самым деревом, где в мирные времена играли Судри и его друзья. Было тихо и мягко-солнечно; все это спокойное, дышащее умиротворением, цветущее изобилие казалось нерушимым, словно и не было совсем рядом пустыни и населяющих ее чудищ. Гарм лежал в густой, мягкой траве, а Лимпэнг-Танг сидел рядом, скрестив ноги на шаммахитский манер; в этот момент он живо напомнил Амариллис Арколя.

— Я смогу разбудить его, — обратился бог шутов к Пьющему Песок. — Но мы станем еще слабее, чем сейчас. Какой тебе толк от таких немощных богов? Почему ты сам не…

— Я?! — оборвал его Пьющий Песок. — Я — сам?! Это ваш мир, дети. Какие же вы боги, если отказываетесь править им? Да просыпайтесь же, оба!

И Лимпэнг-Танг, вместо того, чтобы рассердиться, согласно кивнул головой, освобождая переливчатый звон колокольчиков, и косички его рассыпались по плечам, груди, спине. Медленно, словно все еще раздумывая, бог снял один из серебряных колокольцев, украшавших его волосы, вложил Гарму в ладонь, сжал пальцы брата в кулак, и положил сжатую руку брату на грудь. Минуты шествовали мимо — спокойные, неспешные, напоенные шелестом травы и запахом недавно распустившихся лилий, и ничего не происходило. Чиро, стоявший рядом с эльфом, вздохнул и устало присел на траву; крылья его поблекли.

Лимпэнг-Танг поднял голову — и стоявшие рядом увидели на его лице следы слез; он взял лежавшую на груди брата сжатую в кулак руку, раскрыл ее и, положив свою ладонь на ладонь Гарма,

с силой, резко, судорожно сжал. Дрогнул притихший воздух, прозрачные крылья эллила отразили еле видимую вспышку чистейшего света, и поднявшийся ветер понес по саду горький запах полыни.

Зажатый в ладонях братьев серебряный бубенец распустил лепестки, раскрылся, превратившись в подобие суртонских звездочек — изящного и весьма опасного оружия.

И в этот миг с косичек Лимпэнг-Танга стали сами по себе осыпаться колокольчики; они скользили, издавая еле слышный, прощальный звон, падали в траву и исчезали, таяли как роса поутру. А потом и косички расплелись и волнистые пряди разгладились, легли на плечи бога ровной черной волной. Изменилась и одежда — ни следа не осталось от прежней пестрой роскоши, легких и ярких тканей; одеяние стало черным, строгим и простым, как…

— Как у Гарма. — Шепнула изумленная Амариллис, стискивая от волнения пальцы Хэлдара.

А Гарм… он лежал все так же недвижно, вот только дыхание стало чаще и глубже. Сначала освободились стянутые на затылке волосы, заплетенные в три косы. Освободились, чтобы немедленно перепутаться и взлохматиться. Потом одежда распростилась с чернотой и аскетичностью, появились какие-то немыслимые вышивки, фестончатый воротник, и даже прорехи. И в довершение всего на лице Гарма будто проявились симпатические чернила, причудливым узором закружившись вокруг глаз, на лбу и скулах.

Лимпэнг-Танг осторожно разжал пальцы, чуть отстранил свою руку и сначала вытянул половину четырехлепесткового лезвия из ладони брата, и только потом — из своей. И когда он уронил распустившийся бубенец в траву, с его волос скатился последний колокольчик, каким-то чудом еще державшийся. И тогда Гарм проснулся. Он открыл глаза, на мгновение недоуменно нахмурился, сел, опираясь на руки, и, коротко вскрикнув, отдернул раненую руку от земли…

— Фенри! Опять ты… Ну никак без кровавых ритуалов обойтись не можешь, да? — и братья обнялись, то ли смеясь, то ли плача.

Гарм, не раздумывая, оторвал от края рубахи пару лоскутов, один протянул брату — перетянуть пораненную ладонь, потом обернулся к стоявшим неподалеку.

— Рад вас всех видеть и милости прошу в Дом Богов… только, боюсь, здесь несколько неприбрано.

— Да уж, — ядовито согласилась Амариллис. — При таких домашних зверюшках трудно рассчитывать на чистоту и порядок.

А без тебя они совсем распустились и лезут чуть ли не в комнаты.

— Что ты говоришь… — посочувствовал Гарм. — Ну ничего, сегодня же займусь починкой клеток и загонов.

— Это как-нибудь потом. — Пьющий Песок оглядел преобразившихся братьев. — Думаю, сегодня у вас будет занятие поинтереснее. Но сначала приведи сюда Судри, — попросил он эллила. — Я сам присмотрю за ним, чтобы они — и он кивнул в сторону Хэлдара и Амариллис, — лишний раз не беспокоились.

— Благодарю, — эльф шагнул вперед, — но я и сам в силах защитить своего сына.

— И тебе придется проделывать это не раз, — Пьющий Песок улыбнулся. — Особенно когда он поймет, что кроме крыльев, у него есть еще и клыки. Он не сразу решит, когда чем пользоваться… так что он предоставит тебе такую возможность, будь спокоен. А сегодня доверь это мне.

Эльф долго смотрел в спокойные серые глаза проводника, потом коротко кивнул.

Чиро убежал. Боги сидели на траве, неподалеку присели эльф и танцовщица.

— Ну спроси, — примирительно сказал Пьющий Песок, обращаясь к Амариллис. — Не мучайся так.

— Спасибо. Может, скажете, что вы тут затеяли?

— Да ничего особенного. Обычную игру.

— Игру? — переспросил, оживляясь, Гарм.

— Игру? — настороженно переспросил Фенри.

— Игру, — подтвердил Пьющий Песок. — Нехорошо оставлять дело на полдороге, а уж игру — совсем непростительно. Ваши родители оборвали ее на самом интересном месте, а значит, вам ее и доигрывать. Самое необходимое для игры у вас есть. — И пояснил: — Игроки, то есть вы сами.

— Ты говоришь об игре на Огонь и Лед? — не веря своему счастью, заулыбался Гарм.

— Это невозможно, — запротестовал его брат, — из-за этой игры и началась война! Я не буду играть Первоосновами!

— Будешь. Ты всю жизнь об этом мечтал, вот только боялся огорчить Ниму. Но сейчас-то она об этом не узнает, уж точно.

Фенри сверкнул глазами в сторону Пьющего Песок, но спорить не стал.

— Даже если и буду. Даже если и есть самое главное — игроки. Но чем же нам играть? Где тавлеи?

— Здесь, — развел руками проводник, указывая на поляну. — Хэлдар, я надеюсь, ты не потерял карту?

В ответ эльф молча достал из-за пазухи небольшой сверток,

обернутый полотном, развернул его и расстелил на траве. Золотые нити вышивки заиграли, заискрились на солнце красными, черными, апельсиново-оранжевыми бликами… словно расцвел в траве невиданный цветок.

— А чаша? — после недолгого молчания тихо спросил Фенри.

— Эта сойдет? — Пьющий Песок достал из заплечного мешка простую деревянную чашу, отполированную до теплого медового блеска.

— Почтем за честь, — склонил голову Фенри.

— А как же фигурки? — подал голос Гарм, все это время молчавший, чтобы не спугнуть удачу. — Надо же, а я не поверил Амариллис, когда она сказала, что видела у вас игральный плат… Но где же нам взять фигурки?

— Да вот же они, — Пьющий Песок указал посохом на сидящих рядом эльфа и девушку. — По-моему, они это заслужили. И вы, дети, сможете доиграть прерванную Эдредом партию и вновь соединить потянувшиеся друг к другу Огонь и Лед.

Через несколько минут Чиро привел мальчика; к слову сказать, Судри подошел к проводнику как к близкому другу, доверчиво подал ему руку и с интересом принялся оглядывать происходящее.

Хэлдар и Амариллис подошли к Пьющему Песок.

— Эта игра… что она такое? — спросила девушка.

— Она похожа на жизнь, — ответил проводник. — Только в отличие от жизни она заканчивается. Вы готовы?

И, не дожидаясь ответа, щелкнул пальцами.

…В мгновение ока они оказались на дне деревянной чаши, окруженные гладкими золотисто-коричневыми стенами. Амариллис ахнула, кинулась эльфу на шею, он крепко обнял ее и, не раздумывая ни о чем и не желая терять возможно последние мгновения, стал целовать ее… да так, что и она через минуту позабыла, где находится. А потом чаша наклонилась, перевернулась вверх дном и они полетели вниз, мягко кувыркаясь и так и не размыкая объятий, и только у самой земли неведомая сила разлучила их, раскидала по разные стороны игрального плата.

Амариллис огляделась — она стояла на широком лепестке светлого золотого шитья, вокруг простирался плат, а вдали стояла знакомая фигурка эльфа, такая же маленькая, как и она.

Вот так. Все сначала. Ноги сами по себе ступают по золотой вышивке плата, отсчитывая положенные шаги. Амариллис приходит в голову, что она похожа на звезду, совершающую свой

путь по небу, и что она не в силах ни шага сделать в сторону — но и от каждого ее движения зависит очень многое.

— Кем будешь играть? — спросил Пьющий Песок у Гарма. — Огонь или Лед?

— Огонь, конечно, — ответил за брата Фенри. — Мне больше нравятся игроки поосновательнее.

— А с каких это пор ты выбираешь за меня? — деланно возмутился Гарм. — Конечно, Огонь. Льдом сам играй, как раз для такого зануды как ты.

Когда Пьющий Песок перевернул чашу над платом, оба бога впились взглядом в плавно падающие фигурки. У самого плата они разделились, и фигурка девушки опустилась на стороне Гарма, а эльф оказался по сторону Фенри.

— А кости? — запоздало спохватился Гарм.

— У себя в кармане пошарь, — невозмутимо посоветовал проводник. — Там столько мусора, может, и кости найдутся.

И вправду, нашлись. И вот летят на траву старые, истертые кости, брошенные божественными руками, нетерпеливыми и азартными. Двигаются по плату фигурки, послушно отмеряя названное количество шагов, проходя по красным, апельсиновым лепесткам… Первым на черное золото попадает эльф — там, на игральном поле, он вновь переживает смерть отца. Маленькая фигурка стоит на коленях, сжимает голову руками и плечи ее вздрагивают…

— Не печалься так, — тихо говорит Пьющий Песок, — мастер Менкар всегда легко принимал смерть. И уходил всегда вовремя — Лед знает, когда ему таять. А тебе как раз пора было начинать жить своим умом.

Вскоре и фигурке, которой играет Гарм, приходит время испробовать черное. Амариллис, до этой минуты спокойно и ровно шагавшая по игральному полю, останавливается, судорожно взмахивает руками и застывает, опутанная черными нитями. Они захлестывают ее как волны, поднимаясь все выше и выше — от колен почти до груди, и кажется, что вот-вот они поглотят беспомощную, бессильную фигурку. Как вдруг… словно чья-то незримая рука вытягивает Амариллис из цепкого переплетения беды и переносит на безопасный красный лепесток. Если присмотреться, то на лице девушки ясно читаются удивление и радость.

— Вспомнила? — усмехается Пьющий Песок. — И впрямь у тебя хорошая память на имена…

Игра продолжается. Перед золотыми фигурками чередуются завитки и лепестки узора, они шагают по полю, вспоминая и вновь переживая свои жизни; все радости и горести возвращаются

к ним, проживаясь в десятки раз быстрее и в десятки раз острее. Когда Амариллис в следующий раз шагает на черное золото, рядом оказывается Хэлдар; эльф вытягивает танцовщицу из мертвого узла и им удается пройти несколько ходов рядом, пока воля случая вновь не разводит их по разным завиткам узора.

Наконец, обе фигурки оказываются в центре плата, совсем близко к чистому золоту победы. И когда они застывают в шаге от него, замирают в предвкушении развязки и сами играющие боги.

— Ну… мой черед! — Гарм кидает кости.

Пусто.

— А теперь мой! — почти торжествует Фенри.

Пусто.

— Ха! А ну-ка… — Гарм стискивает кости в чуть дрогнувшей руке, встряхивает и кидает на траву.

Пусто.

— Хм… — Фенри повторяет попытку.

Пусто.

Боги поднимают глаза друг на друга, хмурятся… каждый уверен, что соперник каким-то неведомым образом жульничает.

— Вы так до скончания века прокидаетесь, — Пьющий Песок почти открыто смеется над богами. Он берет по одной игральной кости, одну дает Гарму, другую Фенри.

— А теперь бросайте — вместе. — И, наклонившись к Судри, Пьющий Песок тихо, доверительно говорит ему на ухо: — Вот так и вершатся судьбы мира, сынок. Одним броском игральных костей. И при этом никто не думает о последствиях…

Оба кубика падают в траву почти одновременно, и каждый смотрит на игроков гранью с одной-единственной черной точкой.

Всего один шаг. До вожделенного чистого золота. Шагнуть на солнечный диск, протягивая руки тому, кто ступает на него одновременно с тобой. Вот так. Все к этому и шло. И неужели кто-то пытался помешать нам?!..

Боги как завороженные смотрят на игральный плат, в центре которого стоят две крепко-крепко обнявшиеся фигурки.

— Доиграли. — Голос проводника выводит их из оцепенения. — А что теперь?

— А… — Фенри смотрит словно спросонья. — Игра соединила Огонь и Лед. Гарм, что дальше?

— Отец говорил, что это создаст силу, которая позволит заполнить алчущую пустоту Прорвы и…

— Ну, для начала эта сила разнесет в клочья все ваши Врата. Конечно, после этого ваше заточение закончится и ты сможешь всласть прогуляться… Но построенная Истинными стена тоже вряд ли удержится, — Пьющий Песок покачал головой. — Вы

подумали об этом, прежде чем начинать игру? Можете не отвечать. Когда это боги думали о последствиях своих игр?..

— Но… ты сам… и потом… — ничего более вразумительного братья не могли сказать. Фенри посмотрел на Гарма, Гарм — на Фенри и оба были сейчас похожи на нашкодивших мальчишек.

— Вот так всегда… — Пьющий Песок вздыхает, улыбается и говорит стоящему рядом с ним мальчику: — Держись крепче, сынок.

Ему достаточно просто стукнуть о землю посохом, чтобы эта самая земля завертелась под ногами богов с немыслимой скоростью, так, что все слилось в сплошную зелено-пеструю мозаику красок, запахов, звуков… и остановилась. Оглядевшись, боги с изумлением увидели, что стоят на игральном плате, рядом с обнявшимися фигурками. Не было только Чиро.

— Как ты это сделал?! — Фенри, и прежде смотревший на Пьющего Песок с почтением, был неподдельно изумлен могуществом проводника. — И кто же будет играть нами?!

— Оглянись, братец… — советует ему Гарм, сам восторженно вертя головой во все стороны. — Никто нами играть не будет, и я так понимаю, это не мы умалились, а плат вырос. И все-таки, как ты это сделал?

— Интересно, а почему ты не спрашиваешь, *кто* он? — спросила Амариллис, предусмотрительно спрятавшись за спиной эльфа. — Такое впечатление, что ты его ни разу не видел, но знаешь достаточно много, чтобы не пытаться ему помешать. И даже не начинаешь выяснять, кто из вас сильнее… — не удержавшись, съязвила она.

— Где это ты там прячешься, а? — съязвил в ответ Гарм. — Амариллис, я ведь тебе уже, помнится, говорил, что я — бог. Извини, так уж вышло. И если ты вспомнишь об этом, то, наверное, поймешь, что мои глаза видят больше твоих. И память моя хранит больше твоей. В общем, я знаю и вижу достаточно, чтобы не меряться силами с Истинным Драконом.

— Мастером, — поправил брата Фенри. — Отец говорил, что телесно воплощаются только Мастера.

— Может, достаточно обо мне? Причем в моем же присутствии… — проводник усмехнулся. — У вас осталось несколько минут, решайте уже, что будете делать.

— Несколько минут до чего? — осторожно спросила Амариллис.

— До конца этого мира. — Просто ответил проводник. — Такого, каким он был. Вы все — и боги, суть законы и правила мира, и сущности, суть тело и дух мира, — достигли того, чего так долго и так страстно вожделели. Исполнение таких желаний

не может пройти бесследно.

— Ами, посмотри, — и эльф указал ей в сторону запада, там, где несколько неуклюжие, тяжелые очертания узора расшиты по краям красных лепестков черными нитями. — Тебе это ничего не напоминает? Это же очертания северных земель, а черным обозначено море…

— Мне это не нравится. — Нахмурилась танцовщица. — Когда мне выпадало черное, ничего хорошего… — она оборвала себя.

— Ты права, — ответил ей Гарм. — Судя по всему, там сейчас буря, и очень сильная. Небывало сильная… Ох ты. Фенри! Смотри!

— Да вижу уже… — Его брат сосредоточенно вглядывался в очертания карты, распростертой у них под ногами. И видел, как расползались черные узоры-трещины по красным и золотым лепесткам, вклиниваясь, врезаясь туда, где их отродясь не было.

…В Северном море бушевал ураган, перед которым даже симхан, пожиратель кораблей, выглядел легким бризом. Волны небывалой высоты с такой яростью обрушивались на гранитные берега, что даже вековечные скалы не выдерживали этого натиска и рушились с грохотом, разрывающим исступленный вой ветра. Гулкое эхо этих ударов донеслось до корней Безымянного хребта, и посыпались камни по стенам подгорного Гридда, поползли трещины по полу тронного зала во дворце Хвергельмира, короля гномов… да так быстро, что прежде чем его длиннобородое величество успел как следует разгневаться и отправить в отставку смотрителя дворца, они успели добежать до скальной Тархины и впиться в основание ее фундамента. В эльфийских лесах невесть откуда взявшийся ветер валил корабельные сосны, ломал толстенные дубовые сучья; берег озера, вокруг которого был построен Лис-Арден, начал угрожающе проседать. Далеко-далеко, в Суртоне, земля внезапно ощутимо задрожала под ногами людей, заходила ходуном, заставляя легкие суртонские домики складываться подобно карточным… А стоящие на шитой золотом карте видели только, как рвутся нити вышивки, как расползается сама ткань основы…

— Не надо! Прошу вас, сделайте что-нибудь! — Амариллис, совсем недавно вновь пережившая ужас наводнения, бросилась к Пьющему Песок, схватила его за руку. — Неужели совсем ничего нельзя сделать? — и она обернулась к близнецам. — Вы же боги! Сами не можете — позовите на помощь! Аш-Шудах никогда бы не допустил такого! Почему вы…

— Он сейчас и без того занят, — остановил ее проводник. — Если бы не он, у нас и этого времени бы не было.

Гарм, помрачнев, глядел себе под ноги.

— Что, опять смертным раскошеливаться? — повторяет он свой вопрос, ни к кому, в общем, не обращаясь. — Разве нельзя иначе? — и смотрит на проводника.

— Можно. — Отвечает тот. — Если найдется кто-то, согласный заплатить такую цену. И имеющий, чем заплатить.

— Отдать силу, что родится от их союза, пустоте и смерти… — тихо говорит Фенри. — Не на это ли мы играли, брат?

Не сговариваясь, близнецы посмотрели на Хэлдара и Амариллис. А потом на Судри, держащегося за руку отца.

— Даже и не думайте. Никто не вправе назначать такую цену… Если этому миру суждено погибнуть — пусть гибнет. Хотите быть первыми?!..

И Хэлдар положил ладонь на рукоять меча. Пьющий Песок удивленно поднял брови — даже он никогда не видел эльфа таким откровенно разозленным и ничуть этого не скрывающим. Амариллис, чувствуя, что начинает дрожать мелкой дрожью, не имеющей ничего общего с противным ознобом испуга, отошла от проводника и встала рядом с Хэлдаром.

— Я не знаю, кто вы, — и она кивнула в сторону Пьющего Песок. — И не очень хорошо представляю себе пределы вашего могущества. — Снова кивок, в сторону братьев-богов. — Но я разнесу вас и все ваше величие, если вы хоть шаг сделаете к моему мальчику.

И, не дожидаясь ответа, она подняла скрещенные ладони к лицу, резко вскинула руки в стороны и вверх — и камень в кольце вспыхнул белым пламенем.

— Впечатляет. — Пьющий Песок уважительно наклонил голову. — Жаль, что я так и не успел потанцевать с тобой тогда, в Шибальбе. Уверен, это было бы… Ну что ты. Никто не обидит Судри. И вам больше никогда не придется расставаться друг с другом.

— Тогда кто? — не выдержав, почти закричал Гарм. — Нам, что ли, Прорве в пасть отправляться? Или, может, ты сам?..

— Непременно. Они, — проводник указал на эльфа, танцовщицу и их сына, — и я. А вам там делать нечего. И нет там никакой Прорвы…

— А что там есть? — детский голос прозвучал совершенно неожиданно, так, что все взрослые вздрогнули. Судри, все это время молчавший, но, судя по вопросу, все слышавший и понимавший, смотрел на проводника с любопытством из-под отцовской руки.

— Наконец-то. Хоть один вопрос, не пропитанный страхом. —

Проводник дружески подмигнул мальчику. — Там вас ждут. Леса… реки… горы… Дожди и ветра, птицы и звери, города и державы… Для этого мира вы сейчас сущее бедствие, он вас не выдерживает, — и проводник подбородком указал на рвущийся, ломающийся узор вышивки, — а там именно вас и не хватает.

Пьющий Песок указал посохом в сторону, и они, повернув головы, вдруг увидели возникшие из ниоткуда Врата — точную копию Восточных, почти сросшихся с каменным монолитом стены, еле обозначенных тонким контуром. Гарм скорчил страдальческую гримасу и деланно застонал:

— Что? Опять мне в этот камень головой стучаться?

— Зачем же. Помнишь, Гарм, ты как-то сказал, что клетки лучше всего ломать изнутри. На ваше счастье, в этом мире есть сила, способная преодолеть стены, возведенные Истинными Драконами, и заклятия, сотворенные старыми богами. Амариллис, подойди ко мне.

Проводник, оставшийся внешне совершенно таким же, все же изменился; стало совершенно очевидно, что его облик — не более чем обличие, принятое для того, чтобы они, кратко живущие, могли говорить с ним и слышать его. И танцовщица безропотно шагнула ему навстречу.

— *Альфард?.. Мастер Альфард?* — несколько неуверенно спросила она.

Он только улыбнулся в ответ.

— Но только силы мало, не так ли, Гарм? Нужно еще и право открывать *такие* Врата. Хэлдар, мы ждем тебя.

Не выпуская руки сына, эльф подошел к проводнику.

— По праву рожденного от Бесцветного Мастера ты волен находить дорогу и открывать двери, ведущие в открытые миры.

Эльф поклонился ему и встал рядом с Амариллис.

— Чтобы вы смогли преодолеть переход между мирами, вам понадобится проводник. И поскольку это моя дорога, я помогу вам. Открывайте Врата. Нам пора.

Черные трещины подползли совсем близко к золотому кружку, на котором они все стояли, и слишком многое в узоре Обитаемого Мира изменилось. И не было времени ни на понимание услышанного, ни на прощание с теми, кому суждено остаться. Переглянувшись, Хэлдар и Амариллис крепко взяли сына за руки и почти одновременно прикоснулись к каменной глыбе Врат. И удивительно было видеть, как от легкого прикосновения камень, казавшийся несокрушимым, вздрогнул и створы начали медленно открываться.

— Я… — Амариллис обернулась через плечо, глядя на застывших в ожидании богов, — Я буду скучать. Гарм, помоги

Сычу и Арколю выбраться отсюда. И Арчешу скажи, что со мной все хорошо… Обещаешь?

— Обещаю. — Гарм улыбнулся, от чего рисунок на его лице словно ожил. — И… я буду скучать.

— Амариллис. Ты была моей самой любимой танцовщицей, — и Фенри поднял руку в прощальном жесте.

* * *

Шагнув за порог, в легкую темноту, они на мгновение потеряли почву под ногами… и тут же поняли, что это не падение, а полет. Они летели на спине невероятно огромного Дракона — бесцветного, неуловимо переливающегося всеми оттенками радуги. По сторонам проносились неясные очертания, в которых они узнавали некогда виденных людей и легендарных персонажей, места, в которых им довелось побывать и давно забытые, и сотни, тысячи мелькающих обрывочных видений.

— Это отражения, — ответил на их невысказанный вопрос Дракон, чуть повернув голову. — Отражения вашего мира.

— Куда ты несешь нас? — эльф крепче обнял жену и сына.

— Опять ты спрашиваешь не о том, о чем хочешь… — Хэлдар готов был поклясться, что Дракон улыбается. И, помедлив секунду, он спросил:

— Мой отец был таким же, как ты?

— Да. — По спине Дракона пробегает всполох бледно-лилового огня. — Только, прежде чем стать Мастером, изначально он был Белым Драконом. Отсюда твоя хваленая эльфийская холодность… и постоянство.

— Значит, он жив?

— Конечно. Все живы, Хэлдар. Здесь ли, еще где-то… Мироздание велико, ветер драконьих крыльев не утихает, и искрам Первородного Огня не суждено гаснуть.

— Ничего себе… — Амариллис прижалась к эльфу. — А я-то надеялась, что ты всего-навсего высокородный эльф… И все-таки, куда вы нас несете, Мастер Альфард? И зачем?

— В Обитаемый Мир. Скоро узнаете…

Впереди, в легкой темноте, рассеиваемой светом Мастера, вырисовываются очертания массивных ворот, очень похожих на те, что они не так давно открыли. Дракон с непостижимой легкостью изгибает свое тело так, что сидящие на его спине оказываются совсем рядом с вратами.

— Открывайте! — его голос звучит тише шелеста травы и оглушительнее июльского грома, в нем перекатываются,

сталкиваясь и звеня, глыбы первородного серебра.

Эльф и танцовщица протягивают руки, и согретые мимолетным касанием их ладоней врата с готовностью открываются — будто только их и ждали.

…Амариллис решилась, наконец, открыть глаза и чуть разжать пальцы, держащие руку Судри. Они стоят под открытым небом, безоблачным и мягко-бирюзовым; под ногами у них — мягкая трава, вокруг — деревья, охотно разговаривающие с теплым ветром бесчисленными зелеными языками листьев.

— Как здесь красиво… — и танцовщица улыбается навстречу беспокойному взгляду эльфа.

— Значит, вопрос *«куда?»* больше тебя не страшит?

Обернувшись на этот голос, взрослые поневоле вздрагивают, а ребенок восторженно верещит и хлопает в ладоши.

Там, где деревья расступаются, будто придворные при появлении короля, высится небольшой холм. И на вершине его сидит Дракон — тот самый, который нес их сквозь легкий воздух меж мирами. Значительно уменьшившийся, впрочем, но все равно…

— Рад, что тебе здесь понравилось. Ведь вы здесь надолго.

— А зачем? — это спрашивает эльф.

— Чтобы помочь. — Дракон наклоняет голову, выдыхает… и его дыхание оседает серебряной пылью в волосах подошедших к нему. — Я, Мастер Альфард, отдаю вам этот мир, ибо именно вы ему нужны. Здешние боги покинули свой дом давным-давно… Теперь боги этого мира — вы.

От этого спокойного утверждения у Амариллис помимо воли подогнулись колени; и то сказать, никакая храмовая выучка не поможет спокойно принять такое известие. Она ухватилась за руку эльфа, и заглянула ему в глаза — а они было всего лишь удивленными, в тот время как на ее лице читалась откровенная паника.

— А я так надеялась, что нас оставят в покое… — и она уткнулась носом в плечо Хэлдара, не зная, то ли смеяться от счастья, то ли вопить от ужаса.

— Я бы и рад. Но ты все равно больше двух недель покоя не выдержишь… — и Дракон насмешливо сверкнул глазами. — И вот еще. У меня для вас подарки. Целых два.

Он раскрыл крылья, закрывшие, как показалось Амариллис, полнеба, а когда вновь сложил их, то она увидела, что по правую сторону Дракона стоят две фигурки — одна совсем маленькая, с прозрачными стрекозьими крыльями, и вторая — значительно выше и массивнее. Высокий поднял руку в приветственном жесте, светло усмехнулся и солнце влажно блеснуло на его белоснежных

клыках.

— Сыч! Чиро! — и в следующую минуту они обнимались, радуясь до слез и едва веря самим себе.

— Ну вот, все в сборе.

На лице Судри промелькнуло разочарование — Дракон исчез, а чуть поодаль, в тени раскидистого дерева сидел Пьющий Песок.

— Как тебе удалось? — не договорила Амариллис.

— Я же проводник. — Пьющий Песок подмигнул орку. — Кого хочу, того и беру с собой. И никто мне не указ, — и засмеялся.

— Что мы должны делать, Мастер? — с почтением спросил эльф.

— Для начала оглядитесь. Убедитесь в собственных силах. А там сами увидите…

Пьющий Песок встал, опираясь на посох, и направился в тень леса.

— Ты… уходишь? — Амариллис и сама огорчилась, и увидела, как вытянулось лицо сына. — Почему так скоро?

— Мне пора. — Просто ответил Пьющий Песок. — И я не прощаюсь.

На долю мгновения они увидели, как окутывает фигуру проводника бледно-лиловое пламя, как оно проявляет совсем другие очертания… и тут же все исчезло.

Амариллис вздохнула и огляделась: в траве возились Судри и эллил, несказанно счастливый возвращением к своему питомцу, рядом стоял Сыч, скрестив руки на груди, исхудавший, но живой и здоровый; поймав ее взгляд, он отвесил новоявленной богине шутливый поклон. Вокруг царила оживленная тишина летнего леса, наполненная голосами птиц, шепотом листьев… Солнечный свет, пропущенный сквозь решето ветвей, смягченный свежей зеленью, ласково согревал; где-то неподалеку лопотала речка.

— Мы дома, Амариллис… — И Хэлдар, неожиданно тепло засмеявшись, обнял ее крепко-крепко, так, что девушка тихо охнула. Она подняла голову, увидела его глаза — эльфьи глаза цвета пронзительного мартовского неба, умиротворенно вздохнула и ответила:

— Пожалуй, да. Дома.

Эпилог

…Это неправда, что боги не любят покоя и уюта и вечно норовят основать свой дом на острых клыкастых скалах, взгромоздив над пропастью неприступные стены, и взметнуть башни и шпили в запредельную высь, так, чтобы рвались в клочья подолы туч. Пока боги еще не совсем осознали свои силы и не успели насладиться отдыхом от прежней, беспокойной и быстротечной жизни Кратко Живущих, они селятся в тихих обителях где-нибудь на опушке леса, у светлого родника, и ласточки вьют гнезда под крышей их дома. Пока боги еще не осознали, зачем же призвал их этот новый мир, и не озаботились всерьез его делами, они могут позволить себе просто немного пожить, не задумываясь о последствиях своего существования.

* * *

— … и ты сама все увидишь.

Они шли по лесу, едва поспевая за Сычом и Судри — им-то и принадлежала честь находки, сделанной через несколько дней после того, как они поселились в своем новом доме. Этот дом, оказавшийся прямо за холмом, куда их принес Дракон, оказался одновременно достаточно велик, чтобы всем достало места, красив и пригоден для жилья, даже уютен; более всего он напоминал замок-лес во владениях эллилов. Первое время они неторопливо обживали его, отдыхая и наслаждаясь покоем. Покой закончился в тот день, когда Сыч, взяв с собой Судри, отправился прогуляться по лесу. Вернувшись довольно скоро, они, с трудом сохраняя терпение, ибо рассказ об увиденном так и вертелся у них на кончике языка, потребовали, чтобы все последовали за ними, поскольку находка того стоит.

…Так оно и оказалось. Только Сычу приметная лесная тропка вывела их к лесному озеру, похожему на круглое зелено-голубое зеркало, в которое смотрятся лесные духи. Спустившись чуть не кувырком с высокого берега, они увидели храм — небольшой, со стройными белыми колоннами и широкими ступенями, ведущими к воде. Нехоженая трава вокруг храма пестрела бесчисленными колокольчиками, и место это казалось покинутым давным-давно.

— Не может быть… — Амариллис ахнула от удивления. — Это же…

— Не знаю… — неуверенно сомневаясь, пожал плечами

орк. — Мало ли, храмы везде одинаковые.

— Ну, не совсем. — Возразил эльф. — Подойдем поближе.

Амариллис в это время уже взбегала по ступеням; когда-то она входила в такой же храм, и на пороге ее ждал Лимпэнг-Танг, звонковолосый бог шутов и артистов. Войдя внутрь, она остановилась — не от страха, от почтения. Здесь было довольно светло — достаточно, чтобы увидеть и оценить красоту настенных росписей; и, хотя храм и был покинутым, он не был тосклив или мрачен. Амариллис подошла к стене, чтобы внимательнее рассмотреть роспись.

…Это был сам Лимпэнг-Танг, смеющийся, веселый бог, в легких пестрых одеждах, совершенно такой, каким она его помнила. А если у нее и оставались еще какие-то сомнения, то следующие картины их развеяли, ибо на них среди других избранных она увидела одну из тех, кому он покровительствовал.

— Смотрите… — растерянно сказала Амариллис вошедшим следом за ней друзьям.

На этом фрагменте росписи была изображена танцующая светловолосая девушка, выписанная с незаурядным мастерством и неподдельной любовью, даже колокольчики в ее левом ухе были слегка посеребрены.

— Это — я?.. — Амариллис оглянулась вокруг почти с испугом.

— А ты и вправду была его любимой танцовщицей, — Хэлдар успокаивающе обнял ее. — Конечно, это ты.

— Ну и ладно. — Как-то сразу успокоилась Амариллис. — Раз мы теперь боги, то почему бы нашим лицам не быть запечатленными на храмовых росписях?

— Нет… — не согласился с нею Сыч. — Это очень старые росписи, Ами, а в ранг богов вас возвели несколько дней назад.

— М-да, не сходится, — развел руками эллил. — Похоже, это действительно храм Лимпэнг-Танга.

— Тогда я совсем ничего не понимаю, — и эльф растерянно потер лоб. — Такие места невозможно перекидывать из мира в мир, даже Мастерам!

— Значит, его и не перекидывали, — пожала плечами Амариллис, — ой, смотрите, это же Лорка! Лиусс всегда делал так, чтобы все кольца горели разноцветным огнем… а однажды он чуток перестарался и Лорка потом вопил, что Лиусс хотел спалить ему волосы от зависти — сам-то почти лысый… — и Амариллис засмеялась.

— А раз так, — не удержавшись, засмеялся в ответ эльф, — то мы действительно у себя дома. Помнится, Мастер сказал, что несет нас в Обитаемый Мир; оказывается, это надо было

понимать буквально. Сколько же лет минуло с тех пор, как Гарм и Фенри покинули свой дом? И что тут произошло в наше отсутствие?

— Скоро узнаем, — уверенно сказал орк. И указал на последнюю роспись, прячущуюся в тени у дверей…

Конец второй книги

2007–2008 год